

(((СОНАР)))

№ 8, 2023 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль

В редколлегии (((СОНАР))) все редакторы главные.

Борис Годин

Эйтан Адам

**Анатолий
Анимица**

Алекс Манфиш

Марина Симкина

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

Оглавление

Жан-Клод Паскаль. Красивая маска (продолжение, начало в № 6).....	3
Часть первая. Время надежд	3
Алекс Манфиш. Из очень разных кладовых.....	40
Зажившее (из стихов об отъезде).....	40
Тематическая мозаика	47
Эйтан Адам. Долина Лотоса.....	61
Диана Беребицкая. Хлебные человечки.....	68
Эдвард Ковалерчук. Байки	78
Марина Симкина. Рассказы.....	85
Лия Ковалева. Рассказы.....	93
Диана Беребицкая. По тексту.....	133
Марина Симкина. Год прошедший	134
Александр Радовский. Часы и мастер.....	135
Эйтан Адам. Очень краткий очерк еврейской истории с географией	146
Елена Горовая. Искусство кинцуги.....	181
Об авторах, художниках и редакторах.....	184
Галерея (((СОНАР)).....	190
Елена Бережковская.....	190

В оформлении обложки использованы картины Елены Бережковской.

На 1-й странице: Дорога. Картон, масло. 70x50.

На 3-й странице: Автопортрет. Картон, масло. 28x37.

На 4-й странице: Старый Новый год. Картон, масло. 45x70.

Эл. адрес редакции: rougelangue@gmail.com

Номера журнала: [https://bit.ly/SONAR JOURNAL](https://bit.ly/SONAR_JOURNAL) (*case sensitive*)

Жан-Клод Паскаль
Красивая маска
(продолжение, начало в № 6)

Перевод Аллы Герценштейн. Первая публикация на русском языке.

Часть первая. Время надежд

Глава пятая

Каникулы лета 1949 были урезаны на одну неделю в августе... Мне надо было быть в Париже для примерки костюмов к фильму. За это отвечала Розин Деламар. Я знал эту очаровательную умницу еще во времена «Диора». Она часто к нам заглядывала, чтобы увидеться с кем-то в полдень. Какая радость снова встретиться с ней!.. Еще тогда мы сразу подружились. Розин терпеливо обсудила со мной цвета и формы, в которые мы оденем принца Альберта Баварского из XV века.

Окончательный сценарий с диалогами, замечательно написанными Бернаром Циммером, был мне вручен в начале сентября. Отъезд в Вюртемберг намечался лишь через две недели, начало съемок задерживалось, неизвестно, по какой причине. Распределение ролей – «кастинг», как теперь говорят, – было решительно остановлено. Кроме Андре Дебар, героини-пастушки, Пьер Ренуар будет королем, моим отцом, а Габриель Дорзиа моей тетей, она – сестра короля. Очень жаль, что Филипп Нико не был выбран для роли моего верного оруженосца. Раймон Бернар взял в конце концов юношу моего возраста с голубыми глазами, имя которого я забыл (пусть он меня простит).

Я снова стал блондином цвета зрелого пшеничного поля, но на этот раз больше не боялся показываться в таком виде. Теперь я мог объяснить все без стеснения. Более того, мои фотографии представляли меня в средневековом костюме в различных еженедельниках и журналах кино. Корпорация произносила мое имя, но не торопилась с оценкой в ожидании фильма. И вот отъезд. Впереди большое приключение. Приехав в Германию, я вновь увидел себя четыре года тому назад, в военной форме здесь,

в этой стране, тогда сильно опустошенной войной.

Теперь же передо мной прелестная деревня, маленький чистый городок, над которым высится старый замок. Он отражается в спокойных водах реки Тюбинген. А вокруг поля, долины, холмы, часовни, забравшиеся на хребет гор, леса и уходящие вдаль дороги. Над всем этим витает запах полей. На светлом фоне яркие цветы добавляют еще больше свежести картинке. Но мы здесь не для того, чтобы мечтать.

Поэтому я был немного удивлен, когда узнал, что режиссер фильма, который отвечал за размещение, решил поместить меня в одной комнате с Планше, первым ассистентом Раймона Бернара. Сказать нечего. Не было больше места в этом маленьком городе, но лично мне это было абсолютно все равно. Розин Деламар обитала здесь же, в мансарде¹. Мои костюмы тоже были с ней. Великолепные. Я был счастлив и слегка возбужден по этому поводу.

На следующий день после прибытия Жак Планше попросил меня следовать за ним, чтобы выбрать лошадь. И правда, по сценарию у меня будет много кадров верхом и несколько сцен с диалогами в седле. Будет также турнир. Никакого беспокойства. Прекрасные наездники, мой дед с материнской стороны и один из моих дядей, позаботились задолго до войны познакомить меня с конской породой. Это было давно в поместье Брион рядом с Мон-Сен-Мишель². Я помню эти прекрасные прогулки.

– Хотите попробовать вот этого?

Голос Планше прерывает воспоминания. Он добавляет:

– Хотелось бы посмотреть, как вы справитесь.

Хорошо, он увидит, он, наверное, думает, что я боюсь. Я начинаю с того, что знакомлюсь с лошадей. Находясь прямо перед животным, я подхожу и глажу его ноздри. Проходя слева, я проверяю седло, наклоняюсь, чтобы убедиться, что подпруга на месте, довольно тугая. Я проверяю

¹ Мансарда – комната на последнем этаже под самой крышей. Название произошло от имени архитектора Франсуа Мансара, 1598–1666, основоположника французского классицизма...

² Мон-Сен-Мишель – аббатство, находится на острове в бухте между Бретанью и Нормандией. Исторический памятник, причисленный ЮНЕСКО ко всемирному наследию человечества.

стремя, нахожу его слишком коротким и удлиняю на две отметки кожаный ремешок. Я даю знак немецкому конюху, который ко мне приставлен, сделать то же самое с правым стремянем. После чего прыгаю в седло. С поводьями в руках, я даю понять моему коню, что я не кто-нибудь, а тот, кого он будет слушаться. Это происходит при помощи легких импульсов ног, маленьких толчков пальцами за поводья и незаметных касаний каблуков. Все это, чтобы убедиться, что животное готово подчиниться. Мы на утоптанной площадке. Когда я понял, что лошадь и я познакомились, мы продвинулись на несколько шагов, пошли рысью, потом галопом.

Я не смотрю на Жака Планше, но уверен, что он поражен, и испытываю небольшой приступ гордости, приводя моего коня. Я слышу: «Ладно... сойдет», – из уст ассистента. Я немного разочарован, но не удивлен. Я начинаю узнавать ближе этого персонажа.

Я знаю, что мы начинаем снимать послезавтра, очень рано. Об этом пока молчат. Принц со своим эскортом должен выехать из замка через ворота, пройти перед камерой и исчезнуть за частью каменной стены на расстоянии 50 метров дальше. Когда мне объясняют все это, я имею глупость сказать, что это не кажется мне слишком сложным. Поспешное суждение претенциозного неофита.

В шесть утра, одетый, в шляпе, загримированный, я в седле уже полчаса и с трудом стараюсь удержать моего коня. Ему это начинает надоедать. Мне тоже. Нас тридцать всадников в таком положении. Другие, в большинстве, аборигены. Но безразлично, по-немецки или по-французски, мы одинаково думаем: «Ну сколько можно!»

У камеры Раймон Бернар суетится среди своей технической группы (беспорядочные жесты и неразличимые возгласы). Прохладно. К счастью, мой кожаный костюм и плащ спасают меня от того, чтобы «околеть». Милая, внимательная Розин Деламар приносит мне кружку горячего кофе. Спасибо. Вдруг у камеры, откуда-то сверху, раздается крик Жака Планше в мегафон:

– Внимание!.. Репетируем!

Его голос, и так довольно громкий, усиленный металлом, звучит как удар грома, лошади пугаются. Прекрасная мизансцена полностью разваливается. Все сделали полуоборот, я в том числе, и ринулись в ворота.

Давка, шум и гам, хаос, полная неразбериха. Противоречивые указания возникают на двух языках, что не меняет дело. Наконец, после некоторого обмена криками, эскорт более или менее восстановлен. Тридцать всадников и десяток мулов, нагруженных сундуками, выстроились друг за другом. И... ничего! Ждем. Затем, внезапно... приказ, брошенный Планше:

– Вперед!

Колонна дрогнула. Нам сказали идти шагом. Мы так и двигаемся в профиль перед камерой. Все было бы хорошо, если бы не земля, которою была покрыта старая булыжная мостовая. Лошади скользили, одна из них встала на дыбы, в то время как упрямый мул начал брыкаться... Всеобщая нервозность на фоне ужасной какофонии. Новые брошенные сверху указания, как всегда противоречивые. Беспорядок дошел до предела. Начинаем снова. И снова, и снова, – все утро.

Вскоре после полудня мизансцена объявляется удовлетворительной, и все имеют право на получасовой ланч. Я весь в поту. Макияж потек вместе со струйками пота. Мне делают свежий макияж, как только я слез с лошади. Нужно иметь презентабельную физиономию, так как Раймон Бернар хочет снять (мы верхом, конечно) сцену, как в сопровождении моего верного оруженосца я попадаю в деревню, где встречаю Аньес, предмет моей любви, которую я хочу увидеть во что бы то ни стало. Жак Планше бежит к нам, чтобы поторопить.

– Быстрей... Я надеюсь, вы знаете свой текст... Давайте, скорей... Группа как раз налаживает операторскую тележку... Будет трудно установить план съемки.

Еще бы! Ужас! Вообразите пологий склон проселочной дороги между двумя полями. По этой дороге два всадника должны проехать рядом, на небольшом расстоянии, чтобы один не загромождал другого. Техническая группа установила не без труда целую серию деревянных параллельных досок, на которых укреплены рельсы, по ним будет двигаться тележка с камерой. Тележка, камера, оператор и звукооператор будут скользить. А толкать и останавливать их будут машинисты, в то время как два персонажа, которых снимают, разговаривают между собой, на лошадях, идущих шагом. Это не просто даже рассказать. Вы не представляете, как трудно это сделать.

Во-первых, лошади не имеют никакого желания задевать деревянные настилы. Их копыта стараются инстинктивно их обойти. Потом – эта жестикулирующая масса людей вокруг камеры, которая скользит на тележке, не внушает им никакого доверия. К этому прибавляется главное неудобство – прожектора! Лошади просто в ужасе от этого света, который им направлен прямо в морду. Это их пугает, бедных. Они не привыкли! Я тем более.

Я думаю, что мы повторяли раз пятнадцать и, если не ошибаюсь, сняли двадцать отрывков. И всегда что-то было не так. Одна из лошадей уперлась в мобильную камеру, я был слишком близко к камере, мой оруженосец говорил слишком тихо, было очень большое расстояние между двумя всадниками, звук был плохой, мы ошиблись в тексте, облако спрятало солнце, и так далее, и так далее... Кошмар наяву.

Было уже около пяти, когда решили прекратить нашу деятельность. Все были на грани. Я тоже. Вот примерно на что было похоже мое первое знакомство с кинематографом. Вечером я заснул, как убитый. Измотанный, разбитый, опустошенный, смертельно усталый, и все мне говорило, что совсем не просто стать киноактером... Это и правда ремесло. Мне оставалось ему учиться. Что я и делал каждый день впоследствии, годы и годы. Что я и продолжаю делать, когда выпадает такая оказия.

Моя собственная роль была абсолютным приоритетом. Я перечитывал без конца сценарий во всей его непрерывности, чтобы узнать узловые сцены, на которые я должен опираться, чтобы показать эволюцию моего персонажа. Вам, конечно, известно, что фильм не снимают в хронологической последовательности... Прыгают от начала к концу, потом возвращаются к середине и так далее.

Важно знать, **о чем думал персонаж, которого вы изображаете**, чтобы правильно играть ту или иную сцену. Нужно еще помнить, что произносилось перед этим и что происходит именно в этот момент (снятый или еще нет). Это привычка, которую надо обзавестись, необходимая предосторожность. Если ей не следовать, запутаешься и не поймешь, где ты находишься. В таком случае произносишь свой текст нейтрально, а это нехорошо. Было бы относительно просто дать роли ту окраску, которая подходит только вам. Но это происходит иначе.

Например, вы представляете, как играть эту сцену с признаками гнева в жесте и в голосе, интерпретируя ту или иную реплику по-своему. И это потому, что в следующей сцене вы думаете показать по контрасту некоторую нежность в том, что должны выразить. Даже если вы в своем уме, даже если вы открыли, по вашему мнению, лучший способ показать вашего персонажа, не вам это решать. Тут вступает режиссер. Царственный и повелительный.

Много раз я сопротивлялся во время наших съемок, отказывался подчиниться приказаниям Раймона Бернара, который обязывал меня играть диаметрально противоположным образом, нежели я себе представлял. По поводу этого фильма я не могу сказать, кто прав, а кто нет. Но я много понял тогда, в ту минуту, в тот день, и эти уроки помогли мне впоследствии. И особенно я почувствовал очень быстро, как нужно действовать, чтобы постараться достичь желаемого и избежать того, чего боишься. И – не обязательно в присутствии постановщика, – нужно уметь лавировать, договариваться, доказывать. Существует игра, работа, которую делают в тени, и нужно узнать заранее, кто ваши друзья. Это элементарная предосторожность. Я не знал тогда, что она настолько жизненна. В начале ноября мы должны были осуществить последний большой браваурный отрывок натурной съемки – турнир.

Розин Деламар, ответственная за костюмы, не знала, за что хвататься. Она должна была быть везде одновременно. Пятьсот человек массовки (мужчины и женщины) надо было одеть, – уже немалая задача, но она становится затруднительной, когда у вас в распоряжении только триста костюмов на все про все. И я еще не говорю о попонах! Она занималась не только фигурантами массовки, но еще и лошадьми. Надо помнить, что в Средние века во время турниров лошади были полностью одеты в ткани, соответствующие доспехам своего всадника.

Розин разрешила «человеческую» проблему своей властью: персонажи, сидящие на трибунах, были одеты только сверху. Это спасало юбки, чулки и штаны. Накануне мы – Планше, Розин и я, – закупили хлопковую ткань огромного метража и ярких расцветок, чтобы покрыть попоной наших лошадей.

Жак Планше уверил меня, что я не участвую в начальных съемках,

и я решил помочь Розин в преобразении конюшни. На это ушли часы и часы. У животных и правда не было привычки заворачиваться в ткани... С хорошим настроением и невольно забавляясь, с помощью нескольких конюхов-тевтонцев, нам удалось выполнить эту задачу. Уже далеко за полдень.

Раймон Бернар еще ничего не снял. Все утро ушло на поиск наилучшего угла для съемок и обсуждений с технической группой. У нас с Розин был пикник на траве. Жак Планше присоединился к нам, и, жуя крутое яйцо, я вдруг узнаю, что режиссер хочет снять несколько планов со мной, в три часа.

– О... ничего особенного, просто начало турнира, – сказал он

Тот, кто сказал «турнир», подразумевает «всадник». Кто сказал «всадник», подразумевает «всадник в доспехах».

Розин с большим трудом еще в Париже откопала доспехи моего размера (1.85 м). Вообще-то этот род рыцарских доспехов предназначался для людей более нормального роста, если можно так сказать. Может быть, эти принадлежали Франсуа I. Короче, она раздобыла раритет. Пришел день, чтобы меня в него нарядить. Было много помощников, которые прицепляли все железки поверх кольчуги. Эта акробатика продолжалась более часа. В конце концов все очень устали. Я пока нет. Розин и Жак посмотрели на результат и заявили в один голос, что я был «великолепен!» Не было времени сомневаться.

Не слишком стесненный в движениях, передвигаясь более или менее свободно, я сделал несколько шагов... медленно. Конечно, это было довольно необычно и удивительно, но очень тяжело. И потом... я умирал от жары под всеми этими доспехами. С меня сняли шлем, украшенный букетом великолепных перьев, чтобы дать мне возможность подышать. А потом... посадили меня – неудобно, – и стали ждать. (В кино ожидают часами и... потом – вдруг, – надо срочно репетировать и сразу снимать.)

Солнце было еще очень жарким в это время года, оно одолевало нас и сильно припекало. В результате плохой организации или по вине руководства пищу для немецких фигурантов не доставили на место съемок. Они не ели и не пили с самого утра.

Постановщик, чтобы не терять время, запретил снимать костюмы.

Для дам в средневековых головных уборах, сеньоров и пажей это было не страшно. Но для всадников как раз наоборот. Несчастные, в своих доспехах, большей частью лежали на траве. Некоторые так и уснули под щитом своей железной амуниции. Их можно было принять за мертвые тела.

А мы все ждем, Розин и я. Она мне приносит понемногу воды время от времени, потихоньку, чтобы не спровоцировать законную зависть других всадников-тевтонцев в доспехах. Они хоть и наши кузены, но подчинены тем же органическим законам, что и французики.

Вдруг возникает Жак и на бегу передает приказ следовать за ним. Будут снимать большой план принца на коне. Для начала потребовались два здоровенных парня, чтобы помочь мне встать. Затем я прихожу в движение, и мне нужно десять минут, чтобы преодолеть двести метров, которые отделяют меня от камеры, от Раймона Бернара и от моей лошади.

Розин надевает мне шлем и закрепляет замок. Нужно принести деревянные табуретки, чтобы я мог взгромоздиться на моего коня. Полдюжины крепких ребят помогают мне сесть в седло. Все! Готово!

Мне кажется, что конь сложился пополам, Он качается. Он явно хочет избавиться от этого ужасного и неожиданного веса, который я представляю собой. Он делает все, что в его силах, чтобы этого добиться. Многие вмешиваются в ситуацию. Наконец наступают порядок и спокойствие. Внешне. Я же чувствую, что это ненадолго. У несчастного животного идет пена изо рта, и оно нервно жует удила. (Фигурантам не давали пить... и лошадям тоже, представьте себе!) Короче, я неспокоен, как и мой конь.

Раймон Бернар снизу что-то мне объясняет. Мои уши закрыты кольчугой и шлемом. Я ничего не слышу и даю ему понять. Режиссер нервничает и кричит. Я от этого не слышу лучше. Вступает Жак Планше. Он подходит к постановщику. Тот ему что-то говорит. Ассистент подходит ко мне. Я наклоняюсь и рискую свалиться на бок, увлекаемый своим весом. Он передает мне полученные инструкции. Я понял! Ничего страшного. Я должен сначала опустить козырек моего шлема, затем, когда мне дадут знак, что съемка началась, исполнить несколько движений и жестов. Не забыть: повернуть голову налево, не двигаться какой-то момент, поднять козырек шлема, посмотреть туда, где находится избранница моего сердца (пастушка, но вместо нее белый столб). После чего я должен

улыбнуться столбу, опустить козырек, переместить голову направо, пришпорить коня и удалиться галопом.

Все перечисленное не слишком проблематично. Я буду в кадре крупным планом, мне кажется. Будут снимать только мою голову. Репетируем. Я исполняю по порядку все движения, кроме последнего. Я не решаюсь пришпорить моего бедного коня, который даже не бьет копытом, а дышит, как кашалот. Ладно! Сейчас будем снимать, Раймон Бернар так сказал.

Нужно отметить, что для красоты кадра оператор требует, чтобы мне дали пику. Мне приносят длинную деревянную пику с толстым наконечником и чашкой эфеса, чтобы защитить руку, запястье, предплечье всадника-кавалера. Я беру в руки этот инструмент. Кажется, он весит тонну. Мне говорят, его надо держать вертикально. Пытаюсь. Качаюсь. Лошадь тоже раскачивается вместе со мной. Через несколько минут все, кажется, в норме. Снимаем? Нет! Потому что солнце переместилось, и от пики мне падает тень на лицо. Двигаем лошадь, ей это не нравится. Наконец все на месте. Снова ре-репетируем.

Хорошо. Будем снимать. Снимаем. Мотор! Я исполняю. Снято! Было сделано пятнадцать эпизодов. Лошадь двигалась, я поднял козырек слишком быстро, я смотрел не туда, пика не была вертикальна, улыбка была зажатой и так далее... Короче (если можно так сказать), наконец «дело в шляпе». Полдюжины участников этой эпопеи снимают меня с коня. Я прошу освободить меня скорей от шлема. Стараются. Еще стараются. Нервничают (я тоже). Стараются изо всех сил (я очень надеюсь, я задыхаюсь). Застежку заело... Через десять минут я жадно заглатываю немного воздуха. И тут возникает непреодолимое желание пописать... А вы попробуйте пописать в средневековых доспехах, а потом мне расскажете...

Меня оставляют в покое ненадолго, в то время как строится мизансцена общего плана, в которой должны действовать все присутствующие персонажи. Меня оставляют жариться и дышать на тот случай, если все будет готово раньше времени.

На трибунах ждет массовка. Раймон Бернар заставляет репетировать всадников-кавалеров, то есть галопировать вдоль и поперек

площадки, предназначенной для турнира. И они начинают опять... Еще и еще. В какой-то момент я оборачиваюсь на крики, которые возникают вдали. На трибунах вскочили все фигуранты. На некотором расстоянии видны жестикулирующие силуэты. Я вижу людей, бегущих в одном направлении. Я плохо понимаю, что происходит. Проходит несколько минут. Отдаленный шум, а затем я четко вижу массу в доспехах, которую уносят на носилках бегом. И что-то красное в конце носилок.

Двигаясь с трудом, запечатанный в свою амуницию, я прошу Розин узнать, что произошло. Она возвращается. Идет медленно, опустив голову. Когда она подходит ко мне и поднимает лицо, я вижу, что она плачет. Вот что произошло: лошади, как и всадники в латах, после десяти часов ожидания без еды и питья падали от усталости. Объявленная кавалькада началась не вовремя... Люди в доспехах и животные в сбруях были на грани перед тем, как начать движение. Произошло то, что должно было произойти. Несчастный случай со смертельным исходом. Мы узнаем об этом через несколько минут. Лошадь бедного немца свалилась, увлекая за собой всадника, который, падая, разрезал себе шею внутренней стороной шлема, шейная вена лопнула...

Руководство и продюсерская группа хотят скрыть правду, минимизировать ее. Нужно продолжать съемку. Продюсер настаивает, требует. Это несчастный случай, который не должен прерывать съемку... Мы не можем нарушать наш рабочий график... отпустить пятьсот фигурантов при том, что мы не закончили сегодня, и так далее... Массовка вынуждена принять требования продюсера... иначе им не заплатят. Я не говорил еще на языке Гете в ту эпоху, но у меня было достаточно инстинкта, чтобы понять, что чувствовали немцы.

В этот момент я совершил мой первый акт открытого и решительного неподчинения по отношению к продюсеру. Не в последний раз! Впрочем, почти непроизвольно я доказал свою правоту. Движимый, толкаемый не знаю каким чувством, я отказался – категорически, – исполнять то, чего от меня ожидали. Я черпал эту отвагу в моем собственном внутреннем страхе, но это было истолковано большей частью присутствующих как позиция, продиктованная гуманитарными и здравыми соображениями. Моя формулировка была проста сама по себе. Я дал знать Раймону

Бернару, что отказываюсь галопировать на лошади с опущенным козырьком на шлеме, с копьем в правой руке и со щитом, зажатым в другой руке. Я объяснил это отсутствием опыта езды на лошади в таких условиях и дошел до того, что пригрозил покинуть место съемки, если не примут во внимание мою точку зрения. Я добавил, что меня наняли исполнителем роли и в моем контракте (я теперь знал его назубок) не предусмотрено, что я должен исполнять роль каскадера. Для этого были дублеры и каскадеры, это их профессия. Оставалось только их позвать. Я закончил, опираясь на здравый смысл, сказав, что солнце тоже устало. Действительно, надвигались сумерки.

Никто не сумел мне возразить, и выходило, что я был прав. Наступила тишина. Чтобы избежать ненужных споров, я решил сказать громко Розин:

– Ты мне поможешь раздеться?

Что и было сделано. В десяти метрах от нас Жак Планше изобразил полуулыбку в мою сторону. Что касается немцев, я не знаю, понимали ли они французский, но когда я встретился с ними взглядом, у меня было чувство, что они все прекрасно поняли...

Натурные съемки подходили к концу. Мы сменили местоположение. Ратисбон и его окрестности помогали нашей средневековой эволюции вместе с водами Дуная, там было уже холодно, как зимой. Именно здесь состоялись последние съемки: гибель Аньес и самоубийство принца, который прыгает с мыса высотой сто пятьдесят метров, чтобы умереть одновременно со своей любимой (манекен прыгал в воду вместо меня).

А потом мы собирали чемоданы. Это было возвращение. Возвращение во Францию и... в Париж.

О студии Эпине я сохранил смутные воспоминания, за исключением одного важного открытия: мой отец (в фильме), король – это Пьер Ренуар. Сын Огюста, гениального художника, и брат Жана, замечательного режиссера. Я встретился впервые с этим случайным отцом в декорации, где мы сходимся лицом к лицу в сцене ссоры. Все в поведении Пьера Ренуара было царственным в этот день.

Розин Деламар, зная его натуру, одела его в простые одежды. Позолоченный аксессуар показался бы смехотворным на его высоком лбу.

Свою корону он носил мысленно. Она была «на месте», хотя ее не было.

Вначале я был очень скован, и этот великий артист был настолько внимательным ко мне, что старался, чтобы я расслабился еще до начала репетиции. Высокого роста, довольно сильный, с широкой грудью, он крепко стоял, раздвинув ноги, как Генрих VIII на портрете Гольбейна¹, прикрыв без всяких комплексов свою искалеченную несчастным случаем руку. Мрачный, оценивающий взгляд из-под полуопущенных век скрывали молнии под сетью мелких морщин, расходящихся веером горизонтально и вертикально вокруг глаз. Взгляд повелителя, взгляд диковинной птицы, беспокойный и испытующий.

Чтобы подчеркнуть свою мысль, он иногда мог так сморщить свое лицо, что было непонятно, к кому надо обращаться. Быстрота смены выражения лица меня гипнотизировала – а также его нос, выгнутый, как клюв. Голос с носовым оттенком, прерывистая речь, иногда сдержанный способ выражения – все нападало, атаковало, хитрило. Он останавливался вдруг посередине фразы, чтобы в тишине, нагнетая атмосферу, придать вес тому, что он собирается сказать, а затем, внезапно переменившись, он вдруг становится простодушным крестьянином, себе на уме, и продолжает свой текст в миноре.

Я был в замешательстве. На первых репетициях я был настолько занят наблюдением за ним, что забывал про свой текст. После призыва режиссера к порядку я пытался вернуться в шкуру принца. После нескольких запинок мне это удалось. И сцена была снята. Впервые я подавал реплики великому актеру. Какой урок!

Я отдавал себе отчет об огромной работе, о ментальной алхимии, которая ждала меня, если бы я захотел однажды быть равным тем, кем я так восхищался. Может быть, в этот день я полностью осознал свои недостатки. После новых затруднений, приведших к новым задержкам, и из-за причин, не стоящих упоминания, мы наконец закончили фильм в студии на улице Франциска I (там, где сейчас находится радиостанция Европа 1).

¹ Ганс Гольбейн младший (1497–1543) – немецкий художник, один из великих портретистов эпохи Возрождения.

Это был апрель 1950. Ольга Хорциг вздохнула с облегчением. Как ни странно, я тоже.

Глава шестая

Эдвиж Фейер ждала меня с нетерпением, чтобы «репетировать у нее», сказала мне Ольга. «Через три месяца вы играете в Эвиане¹, вы знаете!»

Мне было разрешено подстричь волосы (о, избавление!), но я не мог вернуться к моему естественному цвету волос. Ольга настаивала на том, что «Дама с камелиями» видит меня блондином. Я должен был быть похожим на кого-то типа Жана Марэ – Тристана («Вечное возвращение»)², когда я оказался вместе с Ольгой у Эдвиж Фейер. Мы проникли в прекрасную квартиру, окна которой выходили на Марсово поле. Я родился в пятидесяти метрах отсюда. Маленькая седая женщина открыла нам. Ольга мне объяснила, что это Берта, верная костюмерша и горничная Эдвиж.

Просторный, удобный салон, мебель эпохи Наполеона III, черное дерево, перламутр, слоновая кость, севрский фарфор в цветочек, софа и мягкие стулья, свежие розы и зеленые растения, белые занавеси перед широким оконным проемом, выходящим в парк. Шум открывающейся двери, запах облака духов (Герлен?). Входит Эдвиж в чем-то бежевом. Она меня видит, останавливается, изучает меня внимательно, открывает рот, смотрит на Ольгу, снова на меня и, не отрывая взгляда, садится, приглашая нас тоже сесть. Она еще ничего не говорит. Вид у нее весьма удивленный. И после глубокого вдоха и еще одного она, наконец, спрашивает:

– Что с вами случилось?

Ольга объясняет, рассказывает. Эдвиж слушает... понимает и добавляет:

– Но у вас вид церковного служки...

Я не успеваю вставить слово, а обе женщины уже обмениваются противоречивыми высказываниями на мой счет. Дискуссия продолжается.

¹ Evian-les-Bains – термальный курорт на юго-востоке Франции на границе со Швейцарией.

² «Вечное возвращение» – французский фильм, 1943. Современная версия (Жана Кокто) любовной драмы «Тристан и Изольда».

Я слышу, я чувствую, что меня ставят под сомнение и я в опасности. Через минуту гранд-дама театра может объявить, что я больше не гожусь для роли Армана Дюваля. Контракт или не контракт, только она может решить окончательно. Я это знаю. Я неспокоен. Но вдруг диалог становится тише. Лица разглаживаются. Эдвиж смотрит на меня, улыбается и говорит, смеясь:

– Я хочу вас видеть с бородкой. Это будет романтично и, думаю, вам пойдет. Но вы останетесь блондином.

Резко встав, она нас отпускает, договорившись со мной встретиться завтра здесь.

– Мы начнем с первого акта, он короткий для вас. Впрочем, второй тоже... Вот... До свидания. Завтра в три. Знайте свой текст.

Облако духов, волнение юбки, прощальный жест, дверь закрывается.

Она ушла. Я тоже ухожу вслед за Ольгой.

Весна хлынула в Париж. Прилив принес с собой краски, запахи и новые звуки. Растительные соки повсюду. Воздух теплый, облака играют в чехарду на светлом фоне неба, воробьи щебечут в ветвях, баржи плывут по Сене, дети кричат и бегают по аллеям Марсова поля. А как раз над ними нахожусь я; я работаю. Я занят тем, что слушаю Эдвиж, которая мне говорит иногда: «Да, да... это очень хорошо», или «Нет... Жан Клод... это не то... совсем не то. Вы понимаете, нужно, чтобы почувствовали...» Мы садимся, и она мне объясняет. Она разбирает сцену по косточкам, ту, что мы только что репетировали. Она старается, чтобы я схватил то, что она подразумевает. Я понимаю, но не всегда могу выразить то, что я хочу и что она имеет в виду. Когда совсем не получается, она вне себя. Я это ненавижу. Я ее боюсь, она меня парализует. Она это замечает, успокаивается, убаюкивает меня словами поддержки, улыбается. Я становлюсь куском глины в руках умелого скульптора.

К концу мая мы проработали пять актов месье Дюма-сына. Я знаю почти наизусть мой текст и понимаю надежды, которые Эдвиж – как режиссер – возлагает на своего партнера. Она не кажется недовольной достигнутым результатом. Были и трудные моменты. В гневе я говорил так быстро, что она меня прерывала, топала ножкой в раздражении и кричала,

что она ничего не понимает. И снова начинали. Я снова начинал.

В любовных сценах, где мне нужно было заключить ее в свои объятия, я паниковал. Она меня пугала, эта женщина. И хотя я повторял, что мы играем то, что написано, что мы воплощаем вымышленных персонажей, что это игра, я не мог не испытывать стеснения. В 22 года попробуйте обнять одну из великих актрис эпохи и объявить ей – когда вы один на один с ней в ее салоне – что вы в нее страстно влюблены. Я не очень помню, что я говорил в эти моменты. Но помню в точности, что говорила мне Эдвиж:

– Это очень хорошо, Жан Клод... Это именно то, Арман Дюваль!

А я не знал, ни что я говорил, ни как. Она прибавляла:

– Что замечательно у вас, это то, что вы говорите верно. Только в театре не нужно бояться показать, что вы влюблены в меня... Не говорите, что я вас пугаю, Жан Клод...

И она смеялась! У нее был особый способ произносить протяжно последний слог моего имени. Я этого никогда не забуду. Это, может быть, потому что я всегда любил музыку... Эдвиж приостанавливает нашу общую работу на три недели. Я узнаю об этом от Ольги. «Дама с камелиями» хочет отдохнуть немного в деревне, прежде чем приступить к настоящим репетициям на сцене театра Сара-Бернар. Вся труппа будет в сборе. Они уже играли эту пьесу с ней. Для них это – как бы поставить все на прежнее место. Единственный новый элемент – это ваш покорный слуга. Я еще не понимаю до конца, что меня ждет. А сейчас я смотрю на кольцо моей отросшей бородки, у нее уже есть форма. Уже осветлили мою щетину, а волосы стали еще более пепельного цвета. Снова кто-то другой смотрит в зеркало, я его еще не знаю. Мюссе,¹ может быть?

Жан-Дени Майар, модный художник, сделал декорации и костюмы к пьесе. Я примерил мою одежду. Она проста и прекрасна. Жан-Дени Майар написал мой портрет, где я блондин, но без бороды. Не помню, кому я его отдал. Жан меня изводит, настаивает и затаскивает силой к Аркуру, единственному и неповторимому. Это тот, кто

¹ Альфред де Мюссе (1810–1857) – французский поэт, драматург и прозаик, один из крупнейших представителей литературы позднего романтизма.

фотографирует звезд. Жан, ответственный пресс-атташе, еще до того, как он напишет хотя бы строчку, знает, что только фото, подписанные «Аркур», украшают вход в театральные и кинозалы Парижа, Франции и Наварры¹. Он хочет, чтобы я тоже там был. Он прав. И потом, нужна фотография для программки. Я ненавижу фотографироваться. Я не умею «позировать». С большой неохотой я присутствую на этой фотосессии для портретов на улице Иена.

Я испытываю некоторое стеснение, когда меня фотографируют. Это не новость, и это относится еще к раннему детству. Мои бабушка с бабушкой во время каникул старались зафиксировать изображение своего внука на пленке. Они хотели сохранить черты своего любимого проказника по мере его роста. Однажды – одному Богу известно когда, – чтобы я не крутился, мне сказали, сунув под нос «кодак»: «Не шевелись, смотри, сейчас вылетит птичка!» Я застыл, уставившись на фотоаппарат в ожидании птички. Но я ее так никогда и не увидел, ни в тот день, ни потом. Как та ворона из басни, я поклялся, что меня больше не проведешь. Если я и любил волшебные сказки, как и все дети, у меня уже было отвращение ко лжи. Любовью к правде было пронизано все мое существование. Ее поиски, а также ее практическое применение значительно более опасны. Я это узнал на своем опыте. Тем не менее, я все еще настаиваю на том, что дух ее живет в моем «добавочном багаже».

Все это мне напоминает мое первое разочарование тем, что от меня скрывали правду. Это было году в 1931 или 1932. Мне было едва 5 лет. После того, как меня серьезно приобщили к вере, решили приобщить меня и к воскресной мессе. Мы в деревне. Деревенская церковь находится в двух километрах от поместья, где мы живем. Караван из повозок, запряженных лошадьми, увозит семью, няnek, детей, родителей и друзей к церкви. Служба начинается. Меня больше всего интересует убранство, обстановка и общая атмосфера. Все ново для меня. Мне объяснили и повторили, что в какой-то момент я услышу звон колокольчика. Нужно сразу опустить голову. Потом колокольчик зазвонит второй раз. Я не должен менять положение. Почему? Потому что маленький Иисус спустится на

¹ Франция и Наварра – означает «повсюду, везде».

землю. Он будет здесь, в церкви. А потом, немного погодя, колокольчик зазвонит в третий раз. Только тогда можно будет поднять голову.

Месса идет своим чередом. Я замечаю, что у мессы перед алтарем очень красивый костюм. Наступает означенный момент. Первый колокольчик – я опускаю голову. Второй колокольчик – я рассматриваю свои ботинки. А потом... так ничего и не происходит, и молчание продолжается. Я поднимаю голову, смотрю, что делается напротив и вокруг меня. Поняв, что ничего не изменилось и не шелохнулось, я говорю громко и четко: «Ну... он придет или не придет, ваш маленький Иисус?» Тут звенит третий колокольчик, немного приглушенный из-за сдерживаемого откашливания и легкого гула. Все улыбаются. Было трудно мне что-то объяснить после этой церемонии. Я уже был, это очевидно, подсознательно проникнут этим духом картезианства¹, который меня не покидал. Правда и то, что меня очень рано привлекала логика. Но даже если опираться на то, что вам кажется очевидным, чтобы предьявить результат вашего умозаключения людям, вера которых не абсолютна и которых нужно переубедить, – это, несмотря ни на что, не облегчает задачу, поверьте.

Глава седьмая

В первых числах июня я оказываюсь на лужайке перед очаровательным замком Людовика XIII в окрестностях Парижа в костюме герцога Букингемского. Сажу на стуле, меня гримируют. Ольга легко заставила поверить американского продюсера в то, что моя романтическая борода абсолютно соответствует XVII веку. Отдаю должное этой проделке. Американский режиссер слабо разбирался в истории. К тому же ему не хватало эстетического вкуса, если судить по тому, как мы были одеты. Костюмы раздобыли у старьевщика, и меня нарядили в бархатный выдавший виды фиолетовый камзол, вышитый серебряной выцветшей нитью. Он был мне настолько не по росту, что пряжка, которая должна была быть на поясе, доходила до широкой проймы. Панталоны внизу были такими

¹ Картезианство – от латинизированного имени Декарта (1596–1650), математика, философа, физика. Здравомыслие, скептицизм, рационализм. «Я мыслю, значит я существую».

широкими, что напоминали шаровары зуава¹. На одном сапоге отсутствовал каблук, кружевной воротник был разорван. В качестве головного убора была широкополая шляпа, украшенная страусиными перьями в огромном количестве.

Чтобы закончить описание этого нелепого наряда, знайте, что на голове у меня был волосяной парик, твердый, как дерево. Другие актеры были одеты не лучше. Я знакомлюсь с Жаком Франсуа, высоким красивым блондином. Его взгляд ироничен и спокоен. От его персоны веет чисто британской симпатией. Когда он говорит, это впечатление еще более усиливается. Он будет Арамисом в конфетно-розовом обличье и в сером плаще. Я встречаю Аннабель, блондинку, которая еще не знает, что она станет скоро брюнеткой мадам Бернар Бюффе. А сейчас, одетая в бледный атлас сомнительного качества, она прохаживается по лужайке, готовая воплотить предательницу леди Винтер.

Другие актеры – американцы. Я забыл их имена (впрочем, следующие поколения тоже), кроме одного. Его звали Отто Рейхов, он изображал Портоса. Белокурый гигант родом из Берлина, он напоминал монументального гризли, сбежавшего неизвестно с какой горы. Владелец замогильного и мощного голоса, рук душиателя, прусского взгляда и походки людоеда, он был кроток, как молочный ягненок. Я встретился с ним позже, во время моего пребывания в Голливуде, где он, вероятно, жил постоянно. Близкий друг Эррола Флинна², он снимался в ролях второго плана рядом со своим лучшим другом.

Мы поняли с самого первого дня, что наш режиссер слабо знает свое ремесло, и были совершенно раскованны, когда обменивались репликами по-английски. Мы настолько мало верили нашим персонажам, что добавляли улыбок и французского юмора там, где их не хватало. Мы постоянно умирали от смеха. Настроение было хорошее, и нам было безразлично, что будет с этим произведением третьей категории. Но мы четко знали, что сегодняшние «достижения» никак не отразятся на эволюции

¹ Зуав – военный французских колониальных войск.

² Эррол Флинн (1909–1959). Голливудский актер, кинозвезда, исполнитель благородных разбойников в фильмах «Одиссея капитана Блада», «Приключения Робин Гуда» и т. д.

нашей карьеры. Несмотря на сожаления при расставании с моими товарищами, я с облегчением попрощался с лохмотьями герцога Букингемского. Эти пожитки продолжают свой путь без меня. Счастливого пути! Я забыл вам сказать, что означенный фильм так и не вышел на экраны нигде (насколько мне известно).

А теперь вернемся к лету 1950. Самая середина XX века. Гонорары за Букингема позволили мне расплатиться со студией Аркур (дорого!) и заказать себе какой-то гардероб. Помня о безупречной элегантности Рене Грюо, я решил обратиться к его портному, лучшему на тот момент. Там, вообразив себя миллиардером, я заказываю, не думая, сколько это стоит. Мой свежий вид, легкий шум по моему поводу в Париже, портреты и статьи в газетах сделали свое дело, чтобы убедить портного, что у меня есть средства заказать себе то, что мне нравится. С прекрасной уверенностью (притворной) я обсуждаю не цены, но длину пиджака, ширину плеч, которую я хочу, и форму (только такую).

– Но, месье, в этом году мода диктует...

Я решительно отвергаю аргументы.

– Мне неважно, что она диктует, месье. Я одеваюсь так, как я хочу. Не так, как хотят другие.

И я начинаю обсуждать качество пуговиц, цвет подкладки, которая будет, конечно же, шелковая.

Невыносимый персонаж, принимающий себя всерьез при первой возможности (именно тот случай), навязывающий свою волю с такой же силой, как преувеличенно уверенное поведение, способное скрыть мою врожденную застенчивость. Поэтому еще сегодня многие люди ошибаются на мой счет и осуждают меня слишком быстро. Я был заражен очень рано этой привычкой атаковать. Такое поведение – а это именно оно – прятало мою уязвимость под внешней агрессией. Боясь, что мне придется защищаться, я нападаю первым и смотрел, «как это работает». Я иронизирую и шучу, следя за реакцией. Эта маленькая игра не всегда была в мою пользу. Слишком ранимый в то время, я испробовал все, чтобы не быть задетым. С тех пор я немного изменился. Но полностью никогда.

Завтра в полдень, на сцене театра Сара-Бернар, Эдвиж Фейер представит меня всей труппе артистов, занятых в «Даме с камелиями». Я вновь

буду на этой сцене и снова буду волноваться. Именно здесь год назад, почти день в день, я показывался Эдвиж. Странное чувство. Мне кажется, я вырос. Через несколько часов, грубо возвращенный в действительность, я почувствую себя снова маленьким. Вернусь на то же место. Эдвиж, всегда очень элегантная, одета весьма просто. Голова покрыта косынкой, которую она завязала на затылке, как платок. Она представляет меня моим будущим партнерам.

Жак Варенн будет играть месье де Варвиля, злобного соперника. Высокий, красивый человек с профилем Цезаря, металлическим голосом, удлинненным лицом (с картины Веласкеса). Он смущает, знает это и этим злоупотребляет. Гордый своим признанным талантом, он с некоторой снисходительностью здоровается со мной. (Потом я понял, что это милейший человек.)

Месье Берлиоз будет моим отцом. Мы мало пересекаемся в пьесе, так как у него только одна драматическая сцена наедине с Маргаритой Готье в третьем акте. Оба участника покинут сцену один за другим. Я появлюсь в этой декорации, чтобы прочесть письмо Маргариты и исторгнуть душераздирающий крик. После чего, обернувшись, я замечаю в дверном проеме месье Берлиоза (то бишь папу Дюваля), в объятия которого я кинусь, крича: «О, отец... отец!» Занавес. Стало быть, мы больше не встречаемся, кроме этого патетического объятия.

Жермен Дельба будет Наниной, верной (о, насколько?) горничной, служанкой, пламенной сообщницей дамы с камелиями. У меня будет мало сцен с ней, но множество обменов взглядами. Ее взор серо-голубой, внимательный и нежный.

Эдвиж вместе с Ольгой хотят немедленно начать репетиции. До того, обращаясь ко всей группе, Эдвиж как бы извинилась перед своими товарищами и попросила их играть «в тон» сцен, в которых я участвую, чтобы помочь мне войти в игру. Она им разрешает передергивать свой текст (на итальянский манер) тогда, когда меня не будет на сцене. Я боюсь немного, но не слишком, что, впрочем, меня удивляет.

Беремся за первый акт. Меня нет вначале. Я слушаю, слышу других, тех, кто обменивается репликами с Эдвиж, я жду того точного момента, когда мой выход... Он приходит... Я готов... Я выхожу на сцену не

один, так как слуга объявляет в сторону: «Мадам Дювернуа, месье Гастон Рие, месье Арман Дюваль...» После обычных приветствий (по роли), – я должен ответить на реплику: «Вы не родственник месье Дюваля, главного аудитора?» Я отвечаю: «Да, месье, это мой отец. Вы его знаете?» И вот, пошло! Реплики следуют за репликами. Мой голос звенит, я обретаю уверенность по мере развертывания сцены. Я не мямлю и не бормочу. Я счастлив и чувствую себя хорошо. Еще немного, и это будет меня забавлять.

Первый акт продолжается. Сцена с Маргаритой проходит без запинки. Я чувствую себя свободно и очень этому удивляюсь. Я покидаю сцену пятась, бросив даме с камелиями: «Я ухожу!..» что означает «до завтра». Короткая сцена без меня. Занавес. Конец первого акта. Кажется, все довольны. Мои новые партнеры меня поздравляют, Ольга кивает головой в знак одобрения. Эдвиж ничего не говорит, но не кажется недовольной. Я начинаю считать себя артистом. Я чувствую облегчение, я раскован и, как ни глупо это звучит, достаточно доволен собой. Скоро это пройдет. После короткой паузы – начинаем второй акт.

Вначале Армана нет. Потом он приходит, говорит, все хорошо. А потом... Потом следует фраза, которую я не могу проартикулировать правильно с тех пор, как я учу эту роль. Отвечая на вопрос Маргариты, я должен сказать непринужденно: «Мой отец написал мне, что он ждет меня в Туре. Я ему ответил, что он может меня больше там не ждать. Разве я собираюсь поехать в Тур?» И, конечно, меня заносит, я путаюсь и останавливаюсь. Я перевожу дыхание и стараюсь повторить реплику, прежде чем Эдвиж скажет хоть слово. Итак, я начинаю снова. И действительно спотыкаюсь посередине фразы... Я заканчиваю с трудом. Повторяем снова, сцена продолжается.

Сцена ревности между Маргаритой и Арманом проходит хорошо. Эдвиж немного нервничает, я нервничаю больше. Мы оба на одной волне. Все начинает портиться несколько минут спустя. Маргарита Готье (после сцены с графом Жире, у него она выпрашивает деньги) готова выйти к нему, как вдруг появляется Арман Дюваль, он закатывает ей сцену, которая должна закончиться «примирением» таким нежным, что объятия влюбленной женщины переходят сами собой в поцелуй, который должен

скрепить их обоюдное и неизбежное желание.

Наступает роковой момент. Пока Эдвиж ждет между двумя репликами, что я брошусь к ней, чтобы заключить ее в мои объятия, я в ступоре. Я должен сказать: «Ты ангел, – и я люблю тебя» – и поцеловать ее. Уже в ее салоне на улице Лабурдоннэ я испытывал небольшую скованность, выполняя некоторые движения. Но здесь – не знаю, что на меня нашло, я не могу. Вся труппа это видит и наблюдает за мной. И я не в состоянии сдвинуться с места.

Эдвиж, представляя, что происходит в моей голове, и объясняя все какой-то ошибкой в мизансцене, объявляет громко о незначительных перестановках. Затем подходит ко мне и шепчет: «Когда вы мне говорите, что вы меня любите... возьмите меня в свои объятия. Какого черта? Неужели вы меня боитесь до такой степени... или, может быть, от меня плохо пахнет?» Она еще не в бешенстве, но напряжение возрастает. Громким голосом она решает: «Давайте повторим сцену появления Армана!» Она добавляет тоном, в котором слышится неуловимая угроза: «Вы готовы, Жан Клод?» Я киваю в знак согласия. Я зеленого цвета. Возобновляем. Все идет хорошо, но мой голос ослаб. «Ты ангел, и я тебя люблю». Я бросаюсь к ней и подхватываю, как мельник хватает мешок с мукой. Держа ее за талию, я отталкиваю ее назад в резком движении, как в фигуре танца пасодобль, а не в любовном объятии. Что касается поцелуя, об этом нет и речи.

Резким движением Эдвиж выпрямляется, освобождается, отступает, становится напротив меня «руки в боки», крепко стоит, слегка расставив ноги. И я получаю самую грандиозную, издевательскую головомойку, которую мне когда-либо привелось услышать. Это говорит не Маргарита Готье, и это совсем не Эдвиж Фейер. Это фурия. Но фурия, которая себя контролирует. Она разговаривает со мной каким-то неузнаваемым голосом:

– Кто вас научил таким ужасным манерам? Где вы находитесь, по вашему мнению? В спортивном зале? Это так вы обнимаете женщин? Мне их жалко! У вас, может быть, породистый профиль, но вы ведете себя как грубиян. Я не знаю, я... Если я вас не вдохновляю, подумайте о ком-то другом... подумайте о чем-то, что вы любите. Вы любите сардины? Тогда

вообразите, что я коробка сардин!

Мое лицо прошло все оттенки от красного до цвета мела. Неподвижный, пораженный, я переварил всю ее филиппику, не дрогнув. Что я мог сказать или сделать? Она была абсолютно права, и права вдвойне. Во-первых, как режиссер, ответственный за спектакль, который мы должны представлять через три недели. И, во-вторых, как женщина. Бесполезно уточнять, что репетиция на этом и закончилась. Встречаемся завтра. Легко можно представить, что не веселость составила мне компанию в этот вечер.

Репетиции возобновились в нормальном русле. Умное обливание холодным душем, жестокое, но необходимое, подействовало. Причинив мне боль намеренно перед всей труппой, Эдвиж целилась верно. Апперкот прямо в мою гордость. Я делал успехи каждый день. Не имея никаких проблем с памятью, я отшлифовывал мою игру, стараясь говорить по-другому. Я пытался не повторять одни и те же жесты. Короче говоря, я много работал, был сосредоточен и счастлив таким быть. Во время этого финального отрезка наших репетиций, – Эдвиж не сводила с меня глаз.

Репетируя свой текст в миноре, она наблюдала за мной вдвойне. Когда мне нужно было дать указание или исправить что-то, она это делала незаметно и с глазу на глаз. Я был очень чувствителен к этому. Мне казалось, что мне доверяют какие-то тайны. Она мне сказала это однажды вечером, когда я неплохо выполнил свою задачу и мы пили виски у нее в ложе.

– Жан-Клод, вы будете прекрасны в этой роли. Я говорю вам это сегодня, потому что теперь я в этом совершенно уверена. Вы меня ужасно напугали, конечно, в начале наших репетиций. Но я чувствую, что вы овладели ролью. Я знаю, что вы стараетесь сделать ее лучше с каждым днем. Это хорошо. Я дам вам совет. Вечером, перед сном, проиграйте всю пьесу с закрытыми глазами. Обратите внимание, как вы двигаетесь на площадке. Поверьте, вы отметите все ваши передвижения и сумеете исправить свою пластику. Это ловкий трюк, вы потом поймете.

Как она была права! Я навсегда запомнил этот урок. Спасибо, Эдвиж, за это и за все остальное.

В начале июля обе мои семьи встали на тропу войны. Каждая

хотела присутствовать на дебюте дорогого «чудовища». С какой-то новой властью, взятой неизвестно откуда, я раздавал свои разрешения. Для начала, – я запретил формально моим отцовским бабушке с дедом перемещаться. Зная, какой радости я их лишаю, я поторопился смягчить зло-вредность этого запрета, заверив их, что, вне всякого сомнения, пьесу будут показывать в Париже... Скоро. Сказав это, я еще не знал, насколько это верно! В материнскую сторону я сделал красивый жест. Я пригласил маму сопровождать меня в Венецию и присутствовать на гала-представлении 22 июля в театре Феникс, в рамках театрального биеннале¹.

Эдвиж после некоторых недомолвок, которые я не понимал в ту эпоху, согласилась в конце концов, при условии, что никто не будет знать, что это моя мать. Обе женщины молчаливо на это согласились. Я же, не видевший дальше своего носа, вообще не задавал себе никаких вопросов. Все устроилось само собой. У нас с мамой были разные фамилии в наших паспортах. Она могла сойти за мою подругу.

Как все женщины в подобных случаях, моя мама заметила за восемь дней до отъезда в Эвиан, что ей нечего «надеть» на Grand Gala в Венеции.

Я должен был обойти дома мод, способных предоставить ей то, в чем она нуждалась... и чего хотела. У Диора манекенщицы были слишком высокими. Ни одно платье ей не подходило. Робера Пиге не было в Париже, и я не мог обратиться к Марку Боану, подозревая, что он мне откажет.

Я подумал о Жаке Фат. Подруга моей мамы познакомила меня с ним в 1942 или в 1943, когда я подсознательно думал посвятить себя «высокой моде». Жак был очаровательным человеком. Дико «современный», дико «декадентский», полу-Валуа, полу-Бурбон, – его лицо могло быть написанным Клуэ. Он походил на графа д'Артуа. Живой граф д'Артуа, вышедший из своей рамы. Смех Жака разбрызгивался, переливался, почти напал. Была провокация в этой веселости, когда он начинал смеяться. Голубизна взгляда, светлые пряди волос, цвет лица – розовая пастель.

¹ Биеннале – фестиваль или выставка, проводится один раз в два года. Венецианская биеннале – один из самых известных форумов мирового искусства.

Забавный, смешной, умный, легкий, он умел нравиться и любил очаровывать. Можно было легко поддаться его шарму, так как он излучал любезность. Приветливый, галантный, великодушный, он обладал человеческими качествами, которые его хулители, глупцы и завистники умудрялись отрицать.

Он составлял прекрасную пару со своей женой Женевьевой. Высокая, красивая, статная, чувственная, с кожей молочного цвета, перламутровой улыбкой и роскошной гривой светлых волос, она справедливо считалась одной из самых красивых женщин Парижа. Они оба любили меня.

Поэтому совершенно естественно, что Жак распахнул двери своего модного дома. Придя для поисков вечернего платья, моя «дорогая мама» была легко убеждена Жаком, что ей необходимы в Венеции еще несколько костюмов и дневных платьев. Если бы она слушала Жака – а она и не хотела ничего другого – то полная коллекция уехала бы с ней. Я вмешался, взывая к умеренности, и был услышан. Все эти наряды были ей к лицу и впору. Все просто – Жак нанял манекенщицу, на которой он показывал свои лучшие модели. Эта молодая женщина, – Беттина, – была похожа на мою маму не только лицом, но и размерами. Тот же рост, тот же объем бедер и так далее. Я увиделся с Беттиной не так давно у нее на обеде в небольшом кругу, где была Изабель Аджани. Я ее поразил, описав в деталях все платья, которые она представляла у Жака 35 лет тому назад.

Эвиан, июль 1950. Я не знал города. И сейчас меня это не волнует, я его не смотрю. Я его не вижу. Меня занимает только одно – театр. Я без конца туда хожу. Туда, где я должен подняться на сцену первый раз в жизни сегодня вечером. Я попытаюсь сделать что-то новое в этом новом пространстве. Любопытный, нервный, выжатый, беспокойный, я хочу определить размеры площадки, ее глубину, размеры зала и так далее. Реакция новоиспеченного профессионала. Я устремляюсь на сцену. Жан, следуя за мной по пятам, чувствует, что он рискует меня разозлить. Он не успевает сформулировать свою мысль, как я посылаю его в зал, в глубину, и прошу стать невидимым. Я хочу попробовать свой голос, пусть он меня послушает! Потом он мне расскажет. Я говорю это тоном диктатора, сухо, твердо, точно. Я отдаю себе отчет, что это несправедливо, тем более что

Жан предан мне абсолютно. Я и не думаю извиняться. Я слишком встревожен. Я боюсь.

В восемь часов в моей ложе мне в голову приходит образ тореадора перед выходом на арену. Я вижу его внешне спокойным и решительным, спрятавшим под блестящим костюмом свой инстинктивный страх, который овладевает вами, когда вы хладнокровны, но знаете, что идете навстречу опасности. Жан мне что-то говорит, но я не схватываю. Он бледен. Он уходит из ложи. Я не думаю о нем. Ольга провожает меня до сцены. Декорации установлены, занавес закрыт. В сопровождении своей верной Берты появляется Эдвиж. Ослепительная. Я смотрю на нее, покоренный.

Боже, как она прекрасна! В роскошном атласном кринолине кремового цвета с корсажем, вышитым блестками, Маргарита Готье кажется сошедшей с какой-то картины. Безупречная прическа с английскими локнами обрамляет лицо и шею дамы с камелиями. Я спрашиваю себя, знаком ли я с этой женщиной. Я с трудом ее узнаю. Она улыбается, двигается, принимает позы. Фотографы щелкают аппаратами. Жестом дружеским и повелительным она их останавливает и делает мне знак присоединиться. Я подхожу к ней, как автомат. Мы рядом бок о бок. Она представляет меня фотографам.

– Господа... Это Арман Дюваль!

Я их не приветствую, я смотрю на нее. Другой властный жест, улыбка, чтобы подчеркнуть этот молчаливый приказ, и фотографы тихо удаляются.

Какое-то время мы одни. С другой стороны красного занавеса слышен особый шум, производимый публикой, которая рассаживается. Неясный гул, нечто похожее на эхо далекого моря, временами звуки прибой, смех, шепот. Я слышу это впервые. Это опьяняет. Эдвиж возвращает меня на землю. Она спрашивает:

– Мандраж? – Я пытаюсь изобразить улыбку.

– Ну да... конечно. – Она мне кажется немного бледной.

– Все будет хорошо. Вот увидите.

А я думаю: «Что еще говорят в таких случаях?» Затем я больше ни о чем не думаю, так как режиссер кричит в кулису: «Все на сцену, первый

акт!» Взглянув на Эдвиж в последний раз, я смотрю куда-то. Мы выходим из декораций каждый со своей стороны.

Раздаются три удара и выбивают из меня остатки ясности ума. Отдаленная музыка. Занавес поднимается с легким скрипом колец, которые скользят по металлическому карнизу железо о железо. Готово! Танец начался без меня. Но я ангажирован. Мне немного жарко, но... ничего. Я уговариваю себя, что все хорошо, но какая-то часть моего мозга рассказывает, как хорошо где-то там... далеко... очень далеко... на берегу моря... на паруснике.

Выход Эдвиж. Зал взрывается аплодисментами и прерывает ненадолго ход пьесы. Это условность. Ее уважают. Я слышу реплики, которыми обмениваются. Затем слышу голос режиссера рядом со мной.

– Внимание... ваш выход...

Моя голова совсем пустая, а ноги свинцовые. Голос, чья-то рука меня подталкивает:

– Вперед!

Бог мой! Что я здесь делаю? Я выхожу на сцену. Первое впечатление: свет прямо в глаза, а за этим светом из какой-то черной дыры раздастся легкий шум прибоя... Эдвиж говорит. Ей отвечают. Я прихожу в себя от ослепления. Я слушаю, что она говорит. Арман Дюваль проснулся и вникает. Я включаюсь, когда один из актеров бросает свою реплику, которая заставляет меня открыть рот, чтобы ответить на нее:

– Вы случайно не родственник, месье...

Я жду и отвечаю ясным голосом:

– Да, месье, это мой отец... вы с ним знакомы?

И диалог продолжается. Я краем глаза смотрю на Эдвиж. У нее дрожит подбородок. Явный мандраж. Забавно... Как это возможно? Я... я передвигаюсь свободно и выдаю свой текст без всякого труда. Такое впечатление, что я всегда этим занимался. Наступает момент, когда Маргарита и Арман сидят рядом на софе. Между двумя репликами Эдвиж мне шепчет:

– Как дела?

А я ей отвечаю, улыбаясь и очень тихо:

– Прекрасно...

– Ну... тогда...

И мы продолжаем уже в полный голос. Я замечаю, что ее подбородок больше не дрожит. Первый акт заканчивается. Занавес. Нужно топиться. У меня три минуты, чтобы переодеться. Второй акт.

Все идет хорошо. Я владею собой до того момента, пока не наступает знаменитая фраза: «Мой отец мне написал, что он ждет меня в Туре» и так далее... У меня нет никакого желания попасть в ловушку. Я вижу взгляд Эдвиж, которая наблюдает за мной с трепетом. Тогда вдруг я решаюсь на нововведение. Я кидаюсь в воду. Я перемежаю текст смехом. И вот, что это дает: «Мой отец мне написал, что ждет меня в Туре. Ха, ха... (в смысле: «вы понимаете?») Я ему ответил, что он может меня не ждать... Ха,ха,ха (что он себе выдумал, милый человек!) Разве я собираюсь в Тур?» Улыбка, и я пожимаю плечами («представляете себе?») Я остаюсь в рамках персонажа, интерпретируя так мой текст. Зал забавляется. Эдвиж отворачивается, чтобы не засмеяться. А я очень доволен и... освобожден. Продолжаем. Занавес падает. Антракт.

Возвращаюсь в ложу бегом. У меня восемнадцать минут, чтобы выдохнуть и переодеться. Влетает Жан с вытаращенными глазами, сияющий. Он говорит быстро, комплименты теснятся у него во рту. Я не слушаю. Я прошу его замолчать. Это всего лишь начало. Надо еще играть три акта. Я его выставляю за дверь. У него слезы на глазах, но я знаю, что это слезы радости! Я не хочу об этом думать. Надо идти до конца. Мне нужна вся моя энергия, а не преждевременные нежности.

Разворачивается третий акт. Он сосредоточен на Маргарите. Но то, что мне предстоит, – задача непростая. Есть в ряду других короткий монолог, где, оставшись один на сцене и говоря сам с собой, я должен «пройти» эволюцию мысли Армана Дюваля. Все идет хорошо. Я делаю долгие паузы. Я думаю о том, что я должен сказать, прежде чем говорю. Я проникаю в ситуацию... как если бы я часами думал вслух... Финал, которым заканчивается действие, весьма резкий. Зал громко аплодирует.

Четвертый акт. Бал. Много массовки. Больше нет интимных сцен. Нужно играть на публику, перед публикой. Совсем иной настрой. Арман Дюваль прячет свое страдание отвергнутого любовника за придуманным цинизмом. И потом грандиозная сцена, где при всех он говорит Маргарите

Готье ужасные слова и бросает ей в лицо пачки ассигнаций. После чего Жак Варенн дает мне пощечину парой перчаток. Дуэль неизбежна. Занавес.

Я весь мокрый.

Я так громко кричал, выражая свое презрение даме с камелиями, что мне показалось – я сорвал голос. Я дышу, как бегун-марафонец, приближающийся к финишу, когда вбегаю в свою ложу. У меня немного больше времени, чем в предыдущих антрактах, но вместо того, чтобы отдохнуть, я очень быстро переодеваюсь. Я так напряжен, что руки и ноги причиняют мне боль. Я выпиваю большой стакан воды. Ничего не меняется. Я на грани. Руки дрожат.

В таком состоянии я покидаю ложу. Пятый акт начался. Еще несколько минут, и я войду в декорацию спальни Маргариты. Она в агонии, у нее чахотка. Верная Нанина приходит за мной в кулису, и я иду за ней на сцену. Дама с камелиями лежит на кушетке. Подходит Арман Дюваль. Наши взгляды встречаются. Точно в этот момент – я теряю всякий контроль. Потрясенное лицо Эдвиж так действует на меня? Или мой персонаж завладевает мной... Я не знаю. Но это говорит кто-то другой. Я произношу мой текст, но я не узнаю свой голос. Эдвиж мертвенно-бледная. Она улыбается через силу. Мгновение назад измученное, ее лицо спокойно, без единой морщинки. Затем, изображая страдание, мускулы лица сжимаются вновь. Я ее не узнаю. Я не знаю больше – ни кто я, ни где я. Диалог продолжается. Она снова улыбается, а я не могу сдерживать слезы. Я плачу, не сдерживаясь, и проговариваю свой текст. А потом я начинаю рыдать, отвернувшись инстинктивно от Маргариты. Сцена подходит к концу. Она просит меня помочь ей подняться. Я помогаю, стараясь скрыть свое лицо. Она стоит... делает несколько шагов... стоит одна, качаясь... поворачивается... смотрит на меня... произносит мое имя... протягивает мне руки... застывает и... падает навзничь на пол. Не переставая рыдать, я кидаюсь к ней, крича «Маргарита!» Занавес падает. Я продолжаю рыдать. Занавес поднимается, мы не двигаемся. Зал аплодирует, как безумный, и кричит «браво».

Занавес снова падает. Эдвиж мне тихо говорит: «Жан Клод, вставайте, вы меня задушите!» Занавес все еще опущен. Слышна реакция

публики, как удары грома. Нанина, режиссер и еще кто-то помогают нам встать. Эдвиж утаскивают в одну сторону, меня в другую. Я не могу прекратить плакать. Рыдания становятся икотой.

Занавес поднимается. Сцена пока пуста, но аплодисменты усиливаются. Эдвиж выходит на поклоны. Зал взрывается, слышны оглушительные крики «браво». Эдвиж кланяется. Публика встает. Овации. Занавес падает. Эдвиж меня ищет. Зовет. Я ее слышу. Но не могу сдвинуться с места, нервный шок. Вновь поднимается занавес. В это время режиссер дает мне пощечину и выталкивает на сцену. Вместо меня Эдвиж видит зомби. Она протягивает мне руку. Публика неистовствует. Я присоединяюсь к Эдвиж. Она кланяется, я тоже. Занавес.

Она изображает улыбку. Я чувствую себя опустошенным, как мертвый кролик. Мы кланяемся много раз, стоя бок о бок, затем покидаем сцену. Занавес снова падает. А зал все аплодирует. Я добираюсь до своей ложи с мокрыми глазами. Я двигаюсь, как сомнамбула. На сцену Эдвиж выходит на поклоны снова и снова. В зале истерика. А я, рухнув в своей ложе, чувствую, что еще немного и я потеряю сознание. Но не успеваю. Жан влетает и бросается мне на шею, повторяя как эхо: «браво, браво, браво».

Я чувствую, что он тоже готов разрыдаться. Я не хочу это видеть и прошу его тихим голосом без всякого тембра принести мне виски. Он убегает. Приходит костюмерша, улыбается, счастливая видеть этот триумф. Она меня тормозит и заставляет раздеться. Моя рубашка мокрая. Она меня растирает. Голый до пояса, я скорее умываюсь, чем разгримировываюсь. Моя голова может напугать стаю обезьян.

Жан возвращается с виски. Я проглатываю стакан залпом. Приятное тепло в желудке, горит и успокаивает. Немного кружится голова, но дыхание восстанавливается и нервы успокаиваются. Я одеваюсь, надеваю свой смокинг. Затем кто-то приходит за нами, надо присоединиться к Эдвиж и Ольге и некоторым другим, чтобы присутствовать на ужине в нашу честь от имени директора Казино Эвиана.

Эдвиж вновь обрела свое лицо хорошенькой и торжествующей женщины. Дама с камелиями умерла сегодня вечером. Это какой-то новый персонаж, закутанный в длинное веретено серого цвета. Она сильно

щиплет мне руку через рукав и говорит тихо: «Я и не сомневалась, дурачок, что у вас есть талант!» Потом нас разделили по протоколу, но в тот вечер мы обменивались взглядами, говорящими о многом. Очень поздно я заснул, как убитый.

Представление в Экс-ле-Бэн¹ нельзя было сравнить с предыдущим.

Я совершил самую глупую ошибку, которая была возможна. Окрыленный полученными комплиментами, я захотел повторить самого себя. Публика ничего не поняла. Чего нельзя сказать о моих товарищах, Эдвиж и обо мне.

Я не был слишком удивлен, когда Ольга пришла мне сказать после спектакля, что Эдвиж хочет поужинать со мной наедине в нашем отеле «Мариенбад». Я как сейчас ее вижу. Она пришла в этот огромный зал, который казался еще больше из-за того, что там совсем не было гостей. Темное платье, на плечах накидка, черные очки, а в руках огромный букет пармских фиалок.

Круглый стол нас ждал в углу. Белая скатерть, розовые свечи в подсвечниках, цветы на столе, светлый фарфор с золотым рисунком, хрусталь и два человека одни на свете, друг против друга. Мы ни о чем не говорим. Но это приятная тишина. Время отдыха для двух путников, вернувшихся издалека. Нелегко покинуть кожу персонажа, в которого вошел – и изображал его пять актов. Нужно время, чтобы прийти в себя, познаться с собой опять. Узнать, кто ты.

Метрдотель приближается к нам кошачьей походкой и вкрадчивым голосом спрашивает:

– Мадам Фейер желает аперитив?

Эдвиж, как бы внезапно проснувшись, глубоко вздохнула и ответила просто:

– Я бы хотела красного вина.

Метрдотель слегка поднял брови:

– О, да?.. Хорошо, очень хорошо... и какое...

Она прерывает его:

¹ Экс-ле-Бэн – термальный курорт в Савойе (Юго-восточная Франция).

– Бордо... легкое. Это прекрасно для голоса!

Вдали от театра, светских правил, свидетелей, вдали от всех, она позволяла себе быть самой собой. Она была распахнута, без пудры и грима, без маски передо мной. Я воспринял это как подарок. Это и был подарок.

Через некоторое время она сняла черные очки. Сначала мы много смеялись. (Это форма необходимой разрядки иногда.) Мы очень веселились, потому что обнаружили, что наши кулинарные вкусы были очень близки и просты. Отдавая должное суфле, было не время заказывать его сейчас шефу, который беспокоился за свою кухню, ожидая Бог знает чего от дамы с камелиями. Метрдотель принес заказанное бордо, не подозревая услышать перечень того, чего мы хотели от него: холодное мясо и дичь, соус майонез, много зеленого салата, хлеб, масло, соль и перец, острая горчица и в особенности много, много разных сыров... Да... и еще красного вина.

– Хорошо, мадам... сию минуту, мадам.

Он убежал, озадаченный этим оригинальным заказом. Мы вообразили, о чем он подумал: «С этими артистами надо быть готовым ко всему». Эдвиж и я, думая о том же, рассмеялись одновременно.

Этот вечер, проведенный тет-а-тет, научил меня многому. Начавшись в обстановке искренней веселости, он продолжался более спокойно. Эдвиж говорила о «профессии», о ее профессии – и о моей будущей. Она говорила немного о своей карьере. Опираясь на некоторые факты, она давала простые примеры – что хорошо и что плохо. Она рассуждала о моем будущем ремесле артиста, как будто с ее точки зрения это уже состоялось. Определенно. Она мне говорила о моей внешности, спрашивала меня деликатно обо мне самом, моем образовании, моей семье, моих надеждах, моих склонностях, моей культуре, моем «багаже» и моих тяжелых излишках багажа...

Тон был легкий, голос мелодичный, атмосфера редкая. Эдвиж мне сказала, что я напоминаю ей «Ришара». Речь шла о Пьере Ришаре-Вильме. Огромная звезда кино. Его имя писали крупными буквами на театральных афишах. Этот тонкий, элегантный человек воплощал молодого романтического любовника. Нервный, постоянно беспокойный, он говорил

быстро и прерывисто. У него было красивое, тонкое лицо. Половина Европы была в него влюблена. Звезда 30-х и 40-х годов, он был готов оставить свою карьеру, чтобы скрыться в стороне, чтобы следовать судьбе, которую он себе выбрал. Эдвиж знала его очень хорошо. Они встретились на съемках фильма «Герцогиня де Ланже», а в театре они играли вместе «Даму с камелиями». Я видел их в 1942, в Париже, в театре Ар Эберто. Я заверял Эдвиж, что не нахожу большого сходства с Пьером Ришар-Вильмом. Она мне отвечала, что я был дитя и сам еще не осознавал, кто я. Что я мог ей ответить? Ничего. Склонить голову и признать, что она права.

Эдвиж, которая много знала на тему «Ришар», не сделала мне никаких признаний. Она посоветовала мне окунуться в жизнь. Жить наполненно. Стараться все увидеть, все знать, все чувствовать и понимать, добавив, что только так можно расширить регистр исполнителя. Она сказала: «Живите, любите, страдайте, плачьте, кричите, деритесь, но существойте! Торопитесь. Едва наступит время сказать себе, что вы, может быть, что-то поняли, уже осень...» Я любил эту женщину. Приближалась ночь. Она снова надела черные очки, и по мере того, как она тихонько говорила, я видел слезы у нее на щеках. Она мне открывала то, о чем я не имею права сказать здесь. Вы должны понять, что я не могу все написать. Нужно быть намеренно нескромным или намеренно неловким. Надеюсь, я ни то и ни другое.

Нет, я не буду описывать вам Венецию. Этот шок каждый получает на свой манер. Его переносят более или менее счастливо. Как это прекрасно! Самое удивительное прогуливаться в этих декорациях! Если бы только это... Эдвиж жила в «Данели». Другие артисты были расселены в разных отелях. Я не помню названия нашей резиденции, где мы спали, Арлет и я: все, что я помню, – окна выходили на Гран Канал. Арлет, кто это? Просто моя мама. С детства я так ее называю. Она так захотела давным-давно. У нас такая маленькая разница в возрасте... Сейчас эта разница выглядит еще меньше. Я очень на нее похож, мы можем сойти за брата и сестру. Я ее представил всей труппе во время гастролей: «Вы знаете мадам N?», и я называл ее фамилию, которая не была моей.

Мои товарищи в ста лье от правды смотрели на нас, как заговорщики, добавляя иногда понимающие улыбки. Мы были готовы

расхохотаться, Арлет и я, когда папаша-Берлиоз (папа Армана Дюваля по пьесе) сказал мне на ухо в холле театра:

– Она очень красивая, мадам Паскаль!

А я ответил ему конфиденциально:

– Но это не мадам Паскаль!

На что он мне сказал, тоже конфиденциально:

– О, всякое бывает!

Я видел много театральные площадок, но мне редко доводилось выходить на сцену такого прелестного зала, как в театре Феникс. XVIII век в стиле легкого барокко! Коробочка драгоценностей! Нечто ценное, редкое... что я говорю – редкое? Единственное в своем роде. Во всей Европе вы не найдете ничего подобного. Это место несравнимо ни с чем.

Вечер-гала был частью самых ярких воспоминаний моей жизни. Не только аристократия и крупная буржуазия Венеции были представлены, но самые видные итальянские деятели купили билеты по сумасшедшим ценам. Все, что на полуострове считалось элегантным, собралось здесь в этот вечер. Женщины, раздетые по-королевски, соревновались красотой. Миланки, римлянки, флорентинки, туринки – все были здесь. Никто не захотел пропустить Театральную биеннале. Вся Италия хотела аплодировать «Ля Фейер» в «Даме с камелиями». Италия встретила ее с триумфом.

Еще одна деталь, чтобы понять удивительную атмосферу, которая царила в этот вечер. Во Франции мы привыкли видеть занавес, который поднимается вертикально после трех ударов. В театре Феникс красивые люди в ливреях XVIII века, красных с золотом, в белых париках, с канделябрами на шесть свечей в руках, открывают занавес. Они тихо перемещаются по обеим сторонам сцены, сопровождая величественное движение тяжелой ткани, которая раскрывается, как руки, чтобы показать публике сердце декора. Впечатление фантастическое. Я не мог этого видеть в тот вечер, мне рассказывали.

После представления, очень поздно, был большой ужин. Не присутствовать на нем было бы последней невежливостью. Тем не менее, я охотно пропустил бы эту светскую обязанность. Я попытался смяться, объясняя это тем, что я не говорю по-итальянски. Я был искренен. Я еще

не говорил тогда на языке Данте. Мне ответили соответственно, что все говорят по-французски. Перед этой очевидностью я мог лишь склониться и присутствовать на этом ослепительном приеме.

Черда больших салонов, золотая обшивка, потолки, расписанные аллегорическими сценами, монументальные хрустальные люстры, повсюду свежие цветы. Невидимый оркестр выплескивал на гостей каскады гармонии. Буфет освещался многочисленными свечами, и люди в ливреях и париках предлагали напитки на серебряных блюдах. Некоторые мужчины в костюмах, другие в смокингах, порхали вокруг дам, одетых ярко, как цветы, и украшенных драгоценностями. Бриллианты, изумруды, рубины, сапфиры отбрасывали свое сияние. Это был настоящий фейерверк. Боюсь, что нынешняя эпоха никогда не позволит нам подобную изысканность.

Арлет была великолепна: длинная юбка (шелк лимонного цвета), бюст и талия вышиты крестиком серебряной нитью, на шее жемчуг и бриллианты, плечи обнажены. Она притягивала все взгляды. Легкий и удачный макияж подчеркивал ее светлые глаза и черные волосы. Было видно, что она наслаждается моментом. Улыбчивая, кокетливая, остроумная, счастливая. Я наблюдал за ней издалека. Она в окружении кавалеров, которые за ней ухаживают. А я... а я... а я? Я был печален, как надгробная плита. Я пробыл час в этой баснословной декорации, а потом я сбежал... почти.

Вдруг – я больше не мог выносить этот праздник. С меня было довольно, довольно было видеть эти постоянные взгляды, хотя была прекрасная возможность познакомиться... Несколько хорошеньких женщин осматривали меня каким-то странным образом. Те, кто их сопровождал, тоже смотрели на меня странновато. Все это меня не интересовало. Мне и в голову не приходило попытаться завязать интрижку. Мне захотелось побыть в одиночестве, вдали от этой элегантной, разноцветной и хохочущей толпы.

Решив уйти «по-английски», я все же предупредил Арлет, что я ухожу, ссылаясь на усталость. Она догадалась о моем состоянии души, все поняла и не задавала вопросов. Она просто попросила меня забрать ее пальто в гардеробе на выходе, так как было слишком жарко, чтобы его

надеть. Кто-нибудь, конечно, ее проводит в гондоле... Я мог не беспокоиться. Без тени сожаления я покинул место действия.

Я провел ночь на площади Сан-Марко. Сидел на каменных ступенях и слушал плеск воды в ожидании рассвета. Он должен был появиться за Сан-Джорджо-Маджоре¹. Это было прекрасно. Это было грустно. Что-то родилось, а потом... умерло! Я преувеличивал, конечно. Но попробуйте перечить своему сердцу в такие моменты.

За три театральные представления я понял, что сделал огромный прыжок вперед. Я чувствовал, что произошло нечто очень важное для меня. И мною овладела глубокая невыносимая печаль. Эти постоянные поиски самого себя через персонажа и наоборот, это – как опуститься в шахту: копаешь, копаешь... можно пораниться, сделать себе больно, если будешь копать глубже. У меня была тенденция слишком себя анализировать. И в моей нынешней ситуации, которую я рисовал черными большими мазками, она представляла старой меланхоличной подругой, с которой встречаешься иногда. Не весело. Не правда ли? Когда я вновь увижу Эдвиж? Я был готов заплакать. И я заплакал, сидя совсем один на венецианских камнях... в ожидании рассвета.

Романтик... еще не зная об этом, я им был несомненно. И, чтобы закончить эту мрачную главу, я хотел бы добавить прохожих, заметивших меня этим ранним утром. Должно быть, они подумали, что видят силуэт сумасшедшего в белом смокинге и длинном черном бархатном пальто на плечах, которое подметало мостовую, когда он медленно шел в свой отель. Я был Лорензаччо и Фабрицио дель Донго² одновременно. Я был также сам собой, терзаемый и несчастный.

Назавтра с большой болью я попросился с Эдвиж. Она тоже была

¹ Сан-Джорджо-Маджоре – собор в Венеции, одна из самых известных работ Андреа Палладио. Колокольня представляет собой квадратную кирпичную башню.

² «Лорензаччо» – пьеса Альфреда де Мюссе (1810–1857). Поэт рисует себя, и такковы все его герои. Власть разврата над душой человека – постоянная тема его произведений. Граница идиллического и трагического. Романтическая драма была поставлена в 1896 с Сарой Бернар в главной роли. Фабрицио дель Донго – персонаж «Пармской обители» Стендаля. Его судьба – это череда приключений, в которых он предстает как самая яркая личность среди героев Стендаля, чья искренность и обаяние волнуют воображение.

взволнована. Часто очень сложно расставаться после того, что вы так любили друг друга на сцене. Мы болтали обо всем на свете. Мы не прислушивались к тому, о чем мы говорили, как два любовника, которые расстаются по необходимости и будут следовать по разным дорогам. Они утешают друг друга, говоря о чем-то, думая отдалить неизбежное расставание. Я не знаю, о чем думала Эдвиж, когда сказала: «Мы скоро увидимся». Я же представлял уходящую Беренику¹... А сам принимал себя за Тита...

Нужно было сделать один шаг. Я его сделал, не сомневайтесь. Бедный я, бедный! Неисправимый и сентиментальный... Признаюсь, я всегда любил Расина.

¹ «Береника» – одна из наиболее популярных пьес Расина (1639-1699). Основные персонажи трагедии, поставленной в 1670 году, это Беренис (Береника) – царица Палестины, – и Титус (Тит) – римский император. Они страстно любят друг друга, но должны расстаться, так как римляне не потерпят нарушения закона. Пьеса была поставлена Жаном-Клодом Паскалем в 1982. Декорации и костюмы сделаны по его рисункам.

Алекс Манфиш

Из очень разных кладовых

Зажившее (из стихов об отъезде)

Память крови

Память крови – сплетение жгучих рубцов,
Длань, чей оттиск тревожный навеки пунцов.
В ней – уют материнства и путь кочевой,
В ней – и загнанность жертвы, и стяг боевой.
В ней святые слова – и изгнания мгла,
Темный обруч судьбы, что под меч волокла.
В ней – преданья гранит, одолевший века;
Но от памяти той – тень разлуки близка...
В ней – нетленная верность несчетных сердец;
Но от памяти той – юным прядям сесть...
В белоствольной тиши и под сенью колонн –
Древней памяти клич, несмолкающий стон:
Что прильнул-прикипел не к тому очагу,
Что мужал-вырастал не на том берегу...
От дворов-пустыррей, что сто раз обежал,
Кличет древняя память к иным рубежам:
«Детским тропкам своим, где кормил голубей,
Той земле-стороне, где обрел колыбель, –
Поклонись; но сродниться душе не вели
С ненадежным теплом приютившей земли...»
Как же быть, если жизнь – безоглядная песнь,
А над ней – неизбывный вопрос: «Кто я емь?»,
Двух истоков скрещенье, и скорби игла,
Что двойная печать на судьбе полегла...

Перед отъездом

Я ни пиром, ни спором
Тех не скрасил недель –

Предотъездную пору
Переждал, как метель.
Взгляд в окно пеленаю
До последнего дня:
«Я не знаю, не знаю –
Пусть решат за меня».
Сиротливо и глухо
Слышен голос любви;
А за что мне разлука,
Не спросил я, увы.
Не спросил, не помыслил,
От сует в стороне...
Я ведь знал – это выстрел,
Но решил – не по мне.
Так, сметенный безвольно,
Пал бы с ветви побег...
Я ведь знал – это больно,
Но решил – не навек.
В зыбкий замок тумана
Утлый челн уплывет...
Я ведь знал – это рана,
Но решил – заживет.
Тает снег на карнизах –
Белых звезд пелена;
А любовь неказнима,
Но пока – не слышна.
Есть напев колокольный
У трамвайных путей;
А любовь безглагольна –
Как дожждаться вестей?..
Шелест ветра – осинам,
Песнь речная – мостам...
Обо мне, уносимом,
Чьим споется устам?

Песнь займет у прилива
Гул прощальный лесной;
А любовь – молчалива,
Но поедет со мной.
Все минует таможни,
В дальний следуя край:
Увезти ее – можно,
Кинуть здесь – не мечтай.

Так расписаны авиалинии,
Как заглавья пророческих книг.
То не в плен повлекли – в племя приняли
Тех, кто к кубку прощаний приник.
То не в книгах сказалося, не в паспорте –
Чьим пустеть-угасать очагам...
В Ленинграде проснись, в Вене – спать пойди:
Вот и стежка твоя, мальчуган.
Выйди в поле, на взлетно-посадочну,
На ничейну взгляни полосу;
На ночь – в зданье, чье имя загадочно, –
Путь сквозь сумрак сплетется в косу.
Не разлучна-то песнь над невестою,
Чей уж в сани стлан-брошен платок;
То по радио весть-речь немецкая –
Стих? Иль пьеса? Иль суток итог?..
Мне та речь – не реченье, та весть – не сказ:
На частотах, что здесь не поймать,
То ли «Юности», то ль «Ровесников»
Позывные я слышу опять.
Посылает мне их даль восточная,
Где под крышею, в доме пустом,
Над покинутой радиоточкою,
В гулких трубах – дождинок стон.

Здесь же – словно равнина к зиме, чиста, –
Под порогом чужого жилья
Полоненной дождейкой мечется
Вихрем схваченная юность моя...

Но в стране и немецкой те ж звучат позывные –
Сквозь покровы небесны, сквозь дороги земные;
Речью тою, чьи знаю все пласты и узоры, –
В сон-уют пеленая, позабыв про укору, –
Словно в детстве на даче, мерно-тихо поется –
Про удел, что утрачен, и про тот, что найдется,
Да про град, что покинут, да про боль, что смолкает,
Про слезу, что остынет, про мечту, что отгадет,
Да как звонкие трубы жаждут свежей капли,
Да про девичьи губы, что к моим не успели...

Так сбылось, так уж было сговорено –
Что оторван от почвы росток,
И уже ни орленку, ни ворону
Ту печаль не нести на восток;
И не будет ей отзвука гулкою –
Будет только моею бедой,
Что летит в невозвратное Пулково
Без меня самолет со звездой...
Смолкла речь тайнозвучно-чеканная,
Тишь в окошко мерцает теперь.
Только улицы безымянные
Словно шепчут: «Разлуку испей».
И зачем в чьих-то пальцах колышется
Анкет запылившихся гроздь?
Ведь уже ни в одной не напишется,
Что я на Надеждинской рос,
Что не спеть уж замерзшим клавишам
Про калитку и дремлющий сад,

И что письма вернутся отправившим
С извещеньем – пропал адресат.

*Детство мое, постой
Не спеши, погоди.
Дай мне ответ простой –
Что там, впереди?..
Из советской песни*

*(Это о тех, кто эмигрировал в юности... О многих, пусть и не обо
всех...)*

Молви, тебе ль, юнец, –
Нежен цвет, зелен плод,
Выпал в один конец
Ранний перелет?
Ты ль – на дворе в снежки?
Близок дом, в белом клен...
Ты ли – в тетрадь с доски
Прописи в наклон?
Ты ль в дачный пруд нырял?
Светел день, весел плеск...
Ты ль с кузовком бежал
В пригородный лес?
Ты ль в комсомол вступал?
Сдан устав, ал значок...
Ты ль в белизне купал
Несоужженность щек?
Ты ли ловил в капель
Журкин клич, посвист крыл?
Клич тот – тебе ль, тебе ль
Путь предвозвестил?

Ты ль – в самолет чужой?
Юн птенец, крут уступ.
Речи не той – иной, –
Взмыть с несмелых губ.
Что ж – не робей, лети!
Клич – не плач, путь – не в плен.
Кто не свернул с пути,
Тот благословен.
Ты ль – чуж-незван побег?
Нет – не верь лжи той злой:
Станешь своим навек
В стороне иной.
Стань же навек своим,
Зацвети и примись;
К образам лишь былым
Мыслью не стремись.
Их – чтоб твоей души
Жгуч рубец не рассек, –
В памяти приглуши,
Вырванный росток.
Весен ли первых след,
Чист-медвян, тал-текуч...
Песен ли вербный всплеск, –
Не звучи, не мучь!
Ах, не звучи, не мучь, –
Юн птенец, крут излом.
Пусть уж тугой сургуч
Стынет на былом.
Пусть о далеком сне –
Ни следа, ни следа.
Пусть не стекло в окне –
Тусклая слюда.
Пусть уж за той слюдой –
Только глушь, только степь,

Лишь бы тоской-слезой
Сердцу опустеть.

Ранний путь лежал и предо мною –
Путь в тот край, что нам завещан был.
Кто ж меня завесой-пеленою
От таких же юных отделил?
Так же улетал я... но ведь это ж
Только явь; а смысл ее – иной...
Дождь тот предотлетный – ты ль ответишь,
В чем же был он? Что ж не так со мной?
Зная – день ушедший невозвратен,
Зная – день, что будет, смутно-бел,
С тем ли я прощался, что утратил,
С тем ли, что увидеть не успел?
Я еще не знал ни расставаний,
Ни утрат – до той, чей след рубцом.
Были все утраты – лишь словами,
Боль ждала – с закутанным лицом.
Были до поры щадяще глухи
Те слова, но, призрачно скупой,
Знак предвозвещаемой разлуки
Над моей тогда уж был судьбой.
И уже тогда – грозя иль нежа, –
Возвещалось: здесь ты иль вдали,
Песнь и образ в сердце будут те же
Навсегда: не жди, чтоб отцвели...
И в тиши над градом полумесяц
Тихо тень двуострую качал,
Предрекая: здесь ты иль унёсен,
Жизнь твоя – сплетенье двух начал.

Тематическая мозаика

Монолог Эдмона Дантеса, не нашедшего клад

Чьею силой влеком? В чем мой смысл? И неужто
Мне не быть игроком – лишь бессильной игрушкой?
Ты, и кто-то... и я – кто мы? Прах ли без прока
Или тьма дурачья для потехи жестокой?..
Нам и петь, нам и пасть средь вселенского цирка;
Бесам – зрелище всласть, нам – от бублика дырка...
Оседлал бы я жизнь, но с крутой ее холки
Мои замыслы – дзынь, шмяк и вдрызг на осколки.
Мой ли труд, твой ли клад... тщанья, скорби и вины
Душит подлый захват черных лапиц судьбины.
Мы хотим, глупыши, ставку честную сделать:
Соль и злато души – волю, разум и смелость, –
Мы бросаем в игру, словно зернышки в землю,
И впотьмах, на ветру, ловим искры везенья.
Но по-детски чуток все же верим порою
В справедливый итог, что обещан игрою:
Тем победа, кто храбр, тем, кто робок, – пощада,
Душам жертвенным – Храм, добрым пастырям – стадо,
А узилища мглу без вины услезивший –
В пику горькому злу замок счастья созиждет...
Но, как домик из карт – глянь – завет твой разрушен.
Вместо сказочных царств – звон разбитых игрушек.
Сердце просит: утешь! Не один я! Веками
Блики ложных надежд в пустоту увлекали.
Сонмы живших, их жизнь, их мечты, идеалы –
Шварк с откоса... и дзынь!.. Так назначил диавол.
Вслед мечтаньям их, пестрым, радужным, глупым,
И мои он – под дых, шмяк и вдрызг по уступам...
Чудной власти венков не взблестал и не взблещет:
Только волны у ног – клад, что был мне завещан.

Встану. Руки сожму. Сброшен в море средь ночи,

Сквозь бездонную тьму был я, плоти комочек.
Тяжкий камень повлек сквозь беззвучье – в бездушность,
Но заветный клинок, искрой жизни взметнувшись,
С хваткой пут разлучил; и объят глубиною
Саван гибельный был без меня – не со мною.
Я пучину отверг. Ей в поживу не создан,
Я вернулся наверх – к свету, звукам и звездам.
Под раскаты грозы, в чернопламенной пене,
Я припомнил азы первых детских молений,
И не канул на дно... Всею плотью живую
Волн испил я вино не за смерть, а за волю.
А потом мне явил Промысл, добрый и чудный,
Тот дощатый настил контрабандного судна,
Где постиг, что спасен; что и скалы, и шквалы –
Позади; что не сон – мой побег небывалый;
Что не быть ни цепям, ни сомкнувшимся стенам –
Быть тугим парусам и волнам белопенным.
Пушек бешеный вой грянет злобно – но втуне!
Вольный, сильный, живой, на спасительной шхуне,
Злой судьбе вперекор, узник вдаль унесется!
Быть мне вновь моряком; ширь и синь – мои сестры,
А заветный мой клад – блеск волны серебристый,
Златотканый закат, итальянская пристань.

Так я думал в тот час. Дай же разума, Боже!
Ты ль мне душу не спас? Я ль из мрака не ожил?
Кем я был? Кем я стал? В склеп пожизненный кинут,
Я о воле мечтал – не о горах цехинов.
Я мечтал – и сбылось! В том ли бездна обмана,
Что жемчужная гроздь не обвила мне стана?
Чьею силой влеком? В чем мой смысл? Да неужто
Лишь в сокровище том – зыбком замке воздушном?
Нет! Укутаю взгляд в предзакатные зори.
Я не узник. Мой клад – ветер, звезды и море,

И шальная тоска о неверной невесте,
И – острее клинка, – воля к жизни и мести.
Сверхмогущества меч не сверкнет в моей длани:
Мне возить и стеречь контрабандные ткани.
Вековечного зла необъятна пучина.
Нет золотого жезла – есть на сердце кручина.
Сверхмогущества нет, коим мир покорял бы...
Но займется рассвет, и приедет кораблик,
И с него прокричат (Боже, всем ли Ты даришь
Дружбы истинной клад?): «Мы вернулись, товарищ!»
Будет водная гладь широка и привольна;
Поплыву я опять в славный город Ливорно.
Брошу пыльный пиастр в кабачке у причала:
«Ставь вино лишь, без яств – но чтоб песня звучала!...».
Выпью первый бокал – за мечту, что в зловещей
Пустоте этих скал погребаю навечно.
Но второй подниму, крикнув бездне уныний:
Я прорвался сквозь тьму! Я не сдамся и ныне!
И, плеснув до краев, кубок выхвачу третий,
И воскликну: пробьет час удачи на свете!
А пока – да шумит гул моряцких застолий.
Клад, что мною добыт – море, дружба и воля,
Путеводный клубок, битв и странствий орлянка,
Да романс про любовь, что поет итальянка.

Кумир лжелюбви

Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параллеле против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния: и в конце времен злодеи разорвут мир.

...(цивилизация – А. М.) погибнет не от сострадания, а от лжесострадания...

«Гуманность» (общества и литературы) и есть ледяная любовь...

Смотрите: ледяная сосулька играет на зимнем солнце и кажется алмазom.

Вот от этих «алмазов» и погибнет все...

Василий Розанов, «Опавшие листья»

...Да, ты мой брат, – решительно я встал над всеми спорами;

А брат – носком расшитого, ковбойского, со шпорами...

*Евгений Евтушенко, из поэмы «Под кожей Статуи Свободы»,
фрагмент из монолога Мартина Лютера Кинга*

Шепчем ли Богу – спаси и не выдай, –

Смеем ли мелкой невзгодой корить, –

О, сколь отрадно под черной планидой

Не оказаться, не быть!..

Шепчем, судьбины шарахаясь вражьей, –

Нет! То не нам... не о нас... не для нас!..

Но, от нее не отмоленный, страждет

Кто-то – и рядом подчас!..

Что ж – виновата ль пред сбитою птицей

Та, чей над морем не прерван полет?

Нет! Но виновный порыв – откупиться, –

Властной волною встает...

Ибо шептал я: пусть лучше кому-то –

Лишь бы не мне... не меня... не со мной!..

Чем откупиться? Дай, Боже, – не лютой,

Не запредельной ценой!..

Ах, этот «кто-то»... простит ли он кротко;

Или внезапно – заречься ж нельзя, –

Вцепится он в твою хрупкую лодку,

Ей перегрузкой грозя...

Дашь ему влезть, чтоб, дрожа, отдышался?..

С ним и надежду, и ужас деля,

Примешь ли? Зыбким поделишься ль шансом

Выплыть и крикнуть – земля?..

В час, когда рядом застигнутый роком

Бьется, ища, к кому руки воздеть, –

Сможешь ли дать, не гася своих окон,
Знак, что убежище здесь?
Сможешь ли? Ибо не брату ли брата
Сдернуть, стащить в смертный миг с алтаря, –
В доме ль своем от ээсовцев спрятав,
Крови ли дозу даря...

Но не прославлю я тех, кто упрямо –
Сквозь беспредельного зла ураган, –
Всепониманья и жалости пламя
Дарит смертельным врагам!
Слышу порою из уст просветленных:
Нам ли судить? Тот, кто целится в нас, –
Был ведь он тоже комочком в пеленках
Прежде чем душу не спас.
Нам ли судить? Кто на свете палач им –
Пленникам зла, чья пред нами вина
В том лишь, что их, а не нас предназначил
К черной стезе сатана?..
Жаждут они нашей крови... И все же,
Выкрикнув – «смерть им!» – из чьих кладовых
Взял ты весы, чтоб решить, чьи дороже
Жизни – твоя или их?..

Что ж, – я спрошу, – значит, с движимым тьмою,
Мечущим бомбы, сжимающим нож,
Шансом на жизнь – или жизнью самою, –
Ты поделиться зовешь?
Он тебе – брат, не услышавший гласа,
Брат, не сумевший прозреть и постичь?
Так... ну а ты ему? Ты ему – мясо!
Иль – пока бегаешь, – дичь...
Ты – и кто рядом! Он схватит светильник
Всемилосердья, что вами зажжен,

Дом ваш спалит... и – кричащих, бессильных, –
Вас освежает ножом...
Он тебе – брат? Но представь, что, ощеря
Пасть острозубую, прыгнет с ветвей
Брошенный в чаще – и выросший зверем
Дикий детеныш людей...
Нелюдью вскормленный, нелюдем стал он;
Нет в том вины – тут виною лишь рок...
Но неужель пред разверстым оскалом
Ты не нажмешь на курок?
Враг пред тобой; и не мерзкий ли идол –
Жалость к нему, если целится он
В тех, чей, как к Богу – спаси и не выдай! –
Голос к тебе обращен!
Так защити их – простертою мышцей,
Разумом светлым, отринувшим блажь;
И, уничтожив врага, – освятишься,
А не ударив, – предашь!
К близким любовь – вот весы, на которых
Взвесишь, чьи жизни безмерно ценней!..
Всемилосердье – предательский морок,
Призрак из царства теней.
Где не гнездо, не очаг, не обитель –
Замок из хладно искрящихся льдов.
Где, из безжизненных сотканный нитей,
Правит кумир – лжелюбовь.

Летний крик души

Садистским трехминутным красным светом
Бьет светофор спешащему в глаза.
В груди – псалмом, мильонократно спетым, –
Биение червонного туза.
И мысль, что стал пожизненным острогом
Наш мир... тот мир, где царствует, гноя,

Жара – победа дьявола над Богом,
Жара – ухмылка антибытия!..
Не здравствуй лето – нет, совсем не здравствуй,
А сгинь, на теле времени нарыв!
Жара – мое египетское рабство,
Мой древнеримский цирк, мой замок Иф!
Но ведь сумел бежать, освободиться
Тот пленник! Он бежал – и из волны
Был выхвачен рукой контрабандиста
И понял – грезы в жизнь воплощены..
А нам – дано ль, ту радость испивая,
Воскликнуть: мир для счастья сотворен?
Прорвется ль сквозь удушие плоть живая,
Чтоб наслаждаться вечным январем?..
Чтоб не сдавил уж больше грудь и плечи
Треклятый жар сплетеньем адских сбруй;
Чтоб, сладостен и верен, свеж и вечен
Пал на чело прохлады поцелуй!
Приди, январь, и властно, и внезапно,
Цари и никогда не покидай!
Январь... товарищ варежка, мне зябко...
Январь... товарищ елочка, сияй!
К слезавшемуся снегу на капоте,
К хрустальным льдинкам возле колеса,
Дрожа от ликования чуткой плоти,
В восторге брошусь, славя небеса.

Удел декоративный

Повезло тебе, цыпленок, желтенький пушистик.
Меж травинок запыленных ты находишь листик.
Ты и братики-сестрички – желтые комочки, –
Бойко скачете все прытче возле мамы-квочки.
Мама – курочка в подсобном фонде зоопарка.
Для куриных душ на свете лучше нет подарка.

Вам не краше ль всех утопий тот загон обширный,
Где жирафно-антилопий сонм пасется мирный?
Вы меж ног парнокопытных весело снуете,
Кожуру и зерна фруктов лакомо клюете.
Поприветствуйте павлина, что так сонно-важен;
Он, хвостун хвостатый, тоже в тот загон посажен.

И зачем вам знать, цыплятам, – вам и маме-клуше, –
Что, когда рокочет сильно, а потом все глуше,
То, быть может, проезжает тара грузовая –
С птицефабрики ближайшей птицекладь живая.
Клетко-ящичками кузов доверху нагружен,
И торчат из каждой клетки клювики наружу.
И без счета там глазенков, в жизни не видавших
Ни загонов, ни газонов, ни листков опавших.
Там сплошной пушистый веер перышек дрожащих.
Тех цыплят родил конвейер, принял клетко-ящик.
Им ни жизни нет куриной, ни зеленой травки.
Ждут и примут их витрины, полки да прилавки.
Завтра им – головке каждой, каждому цыпленку, –
На убой, на расфасовку и под термопленку...

Мама квохчет и кудахчет – где мои цыплятки?
Ну, скорее к ней бегите, не играйте в прятки.
Малыши, семейка-стая, желтые комочки!
Вы из маминых скорлупок родились в сорочке.
Мимо вас промчалась, крошки, мук земных бездонность:
Ваши крылышки и ножки не свезут в «Макдональдс».
Вас ни в супе, ни на гриле не закажет пипл,
Вам удел декоративный в этой жизни выпал.

Автопортрет в пятнадцать лет

В россыпи улиц, лишь станет смеркаться, вновь закружусь
без прока.

Светит Литейный рекламой сберкассы, желтыми бусами окон.
Вздрогну... но все ж на «не струсь» экзамен выдержу,

мирная пташка,

Шаг не ускорив и встретясь глазами с насмешливою компашкой.

Радужный бензоручей из-под фары перемахну без загвоздок,

Из магазина «Электротовары» выхвачу радиоотзвук.

Так я и знал... Химик – СКА семь-четыре – слух мой

уловит цепко...

Ладно – развею досаду в тире, целясь в арбуз и репку...

И, окунувшись вновь ненароком в чьих-то речей наплывы,

Услышу, что выйдет, пожалуй, боком, коль вечно мотать призывы,

Что до весны, пока лед не стаял, – морока, а не рыбалка,

И что подруга уехала в Таллин, выскочив за прибалта...

А я, чтобы выглядеть закаленным, зябну в одной ветровке,

Но понимаю – не дошколенок, – никчемность такой рисовки.

Сам понимаю, и понимает насмешливая компашка,

Что не отчаянный мимо шагает, жаждущий рукопашной;

Знаю, что прыгать не стану в бездонность, что очень

домашний мальчик,

Чья не зайдет к приключеньям склонность дальше кина

про команчей,

Что не рванусь, как дитя к гостинцу, в хмельные объятья боя,

И, выбирая – спастись иль постигнуть, – не предпочту второе;

Что к облакам не взлечу, словно Феникс, ибо в огонь не кинусь,

Что перед девушкой встать, подбоченясь, – мало,

чтоб скрыть невинность.

Снежная королева

Искры юности тщетно лова,

Что летят из-за чьих-то пазух,

Окунусь в голоса и слова

Из любимых старинных сказок.
Страшно, страшно идти к рубежу,
Что одарит познаьем поздним!..
Дай я санки свои подвяжу
Вперехватку к твоим полозьям.
Им доверясь по-детски, – не мне ль,
В аметистовый глянуть лик твой?
Будут сани, и будет метель,
И послышится в ней молитва...
Одинокая! Ты заждалась,
Чтоб однажды поверил кто-то:
Ты не зла, и не зла твоя власть,
В ней не хлад, а озноб полета.
Мне страшна временных рубежей
Вековечная безучастность...
Льдистоокая! Молви, ужель
В этом мире нельзя не гаснуть?..
Молвив – «можно», – любя и знобя,
Прочь от скорби меня умчишь ты.
Я замру на руках у тебя,
Словно сказочный тот мальчишка.
Песнь синеющих в белом саней
Не от всех ли кручин отмолит?..
И, смеясь над приказом «старей»,
Я упрямо пребуду молод.

С точки зрения плюшевого мишки

*Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу.
Потому что он хороший.*
Агния Барто

Подобрали мишку с полу.
Был он плюшев и глазаст.

И с тоской, припав к подолу,
Он подумал: «Все. Абзац.
Лапа напрочь. Уши в каше,
Нос – в подтеках киселя.
Завтра – в мусор... Ну, а Маше
Купят Барби... Voila.»
Но в потертую макушку
Ткнулась мокрая щека;
И подумал он: «Неужто
Все ж не выбросят пока?..»
Был он девочкой обласкан
И на полку водворен
Между кукольной коляской
И цветастым букварем.
И с матрешкой, чей повыцвел
Сарафан, когда-то ал,
Он до первых птичьих свистов
Все о жизни толковал.
«Лапы нет. На плюше пятна,
Но не выкинули все ж...
Я пока еще занятый –
Разве нет – скажи, матреш?..
Я все тот же мягкий мишка;
Лапа? Мне ж Берлин не брать...
Мной пока еще – отмывши, –
Интересно поиграть.
Но признайся – если честно,
Между нами, на ушко, –
Что игрушкой интересной
Быть на свете не легко.
Заиграют, затаскают,
Раскурочат в дых и в чох –
До тряпья, или до гаек,
Иль до стружек... а, матрех?..

А пожить бы... эх, трехлапый,
Размечтался... как вон тот –
Ты ж не высмеешь, – у шкапа,
Глянь, Амур... иль, блин, Эрот.
Он – на бархатной подушке,
Под стеклом – не дунь, не тронь.
Сувенир. А мы – игрушки...
Интересные, матрень...»
И в ответ, светясь устало
Цепью выщербин в боку:
Та матрешка: «Все бывало
На игрушечьем веку.
Мяты, биты – будто с фронта...
Только... ты, миш, под тахтой
Просидел перед ремонтом,
Ты не видел чистки той...
А меня совсем уж было –
В тюк, на вынос, в битый хлам...
Но девчушка обхватила,
Разрыдалась – не отдам.
Ну, а этих, что из гипса,
Хрусталя – не тронь, не дунь, –
Их, коль краешек отшибся
Иль пятно, – в тот тюк, мишунь...
Иль сияй на всю катушку,
Или – что ж за сувенир...
И, крича «Отдай игрушку!»,
Вслед никто не семенил.
Так что если хрустнул, треснул, –
На такой лихой расклад
Быть игрушкой интересной
Лучше бархата у пят.
Глянут вскользь – и забывают
Тех, кого – не двинь, не трожь...

Ну, а тех, в кого играют, –
Мятых, битых, – любят все ж.
И хоть нету нам поблажек –
Отдохни и вновь устань, –
Ты, выходит, нужен даже
И без ла... прости, мишань...»
И сказал – чуток с усмешкой, –
Мишка, плюшев и глазасть:
«Чем любить – куда б утешней,
Если кто поблажку даст.
Нам с тобой... и к тем, под склянкой,
Зависть побоку... ведь их
Тоже, значит, – в том и ляпка, –
Любят круто... в чох и в дых...
Любят так, что, не сверкая,
Не сносить небитых лбов.
Это, значит, вот такая
Любовальная любовь...
Ну, а нас чуть свет, матрешка,
По любви игровой,
Вновь ни за что и ни про что
Вмажут в плинтус головой;
И, по швам однажды треснув,
Мы с тобой – конец один, –
Из игрушек интересных
В хлам тот самый угодим...
А представь, что вдруг – поблажка,
И не надо – ты прикинь, –
Ни сиять солдатской пряжкой,
Ни в игру, чтоб швырк да дзынь.
И не плачут над тобою,
Чтоб потом за шкуру хватать,
А дают – представь такое, –
Отдохнув, не уставать.

Эх, матрешка... если б кто-то –
Пусть бы взрослый, пусть дите, –
Нас спросил, о чем забота,
Что болит да как житье, –
Мы сказали б: дай поблажку!..
Что ни делай, а она
Мне, тебе, тому, в кудряшках.
Паразиту, – всем нужна...
Ну, и кто б – дите иль взрослый, –
Услыхал чутьем шестым,
Как сквозь будней сизый росплеск
Все мы в лад звеним-шуршим,
Все – игрушки, сувениры,
Мать их родина Китай, –
Шепчем в сонный лик квартиры
Пару слов: «Поблажку дай...».

Вот такой сумел подслушать
Я, поэт и фантазер,
Двух потрепанных игрушек
Философский разговор.

Эйтан Адам

Долина Лотоса

Это вышло очень удачно: как раз в день получения диплома инженера мой приятель Рафаэль (получивший в тот же день диплом ветеринара) предложил мне:

- Давай прокатимся к моему деду Христофору в Долину Лотоса.
- Неудобно, он же меня не знает.
- Неудобно снимать штаны через голову. Он давно привык, что на каникулы я к нему приезжаю, и не один.

По дороге Рафаэль рассказал мне о долине:

– Фактически это три долины: Нижняя Лотоса, Средняя и Верхняя. В Верхней никто не живет, дед живет в Средней. Полная пастораль: нет ни сотовой связи, ни Интернета. Только телефон и телеграф. Ну, еще ловят радио.

Мы приехали на станцию Нижний Лотос. Оказалось, что дальше нужно ехать по местной узкоколейке, по которой ходили в день два поезда вверх и два поезда вниз. Пришлось ждать.

Наконец подали состав: локомотив, сидячий вагон и грузовая платформа. Платформа была пуста, в вагон кроме нас сели еще несколько человек.

У железной дороги свои законы: чем уже колея, тем ниже скорость, зато круче повороты. Долина извивалась среди поросших лесом гор, за каждым поворотом открывался невиданной красоты пейзаж. Пару раз я видел оленей и косуль, а уж птиц было великое множество.

– Говорил я тебе, оно того стоит, – ухмылялся Рафаэль, глядя на мои восторженные глаза.

Под вечер мы прибыли на станцию Средний Лотос. Вышли на платформу. Я заметил, что узкоколейка продолжается и дальше, причем рельсы блестели, как будто по ним регулярно ездили.

Мне показалось? Или нет? Я сошел с платформы и померил ногами ширину колеи.

Так и есть! 600 мм вместо обычных для узкоколеек 750! Неужели

передо мной старая *декавиллька*? Я читал, что после I мировой войны по всей Европе, осталось множество *декавилек* шириной 500 или 600 мм, и что десятки из них еще работают на местных линиях.

– Рафаэль, ты не знаешь, когда построили эту дорогу?

– Понятия не имею, спроси у деда.

Дед Христофор жил в полукилометре от станции вверх вдоль узкоколейки, в одном из последних домов слева. Он нам действительно обрадовался и немедленно выставил на стол кувшин козьего молока и лепешки с козьим сыром. Что я вам скажу, это была пища богов – на открытой веранде с легким вечерним ветерком в лучах заходящего солнца.

Я обратил внимание, что по ту сторону узкоколейки стояло несколько старых четырехэтажных жилых домов вполне городского типа.

– Там раньше лесорубы жили, – объяснил дед Христофор, – здесь хороший строевой лес. Но потом перестали, сейчас там никто не живет.

Дома, однако, совсем не выглядели заброшенными.

– Простите, – спросил я, – а когда построили эту дорогу?

– Да сколько я себя помню, она всегда здесь была.

– И куда она идет дальше? И кто по ней ездит?

Можно было подумать, что я промолчал. Дед Христофор продолжал смотреть на меня совершенно безмятежным взглядом, как будто я не задал конкретных вопросов.

– Пошли покурим, дед не любит дыма, – сказал Рафаэль.

Я не курю, и это было Рафаэлю прекрасно известно. Но тут я с ним вышел. Мы отошли к забору.

– Слушай, я не знаю, в чем здесь дело, но для местных жителей Верхняя Долина Лотоса не существует. Они ее в упор не видят, и дорогу туда тоже. Их сознание заканчивается вот здесь на околице и дальше не простирается.

– Как это может быть?

– Не знаю. Я же здесь и в детстве бывал, с мальчишками местными гонял, но и для них мир заканчивался на этой околице. Мы лазали по склонам черт знает куда, один раз даже спугнули медведя – но никогда не смотрели в ту сторону.

– Я бы проверил по карте.

– Я проверял. Ничего особенного, длинная извилистая долина, небольшие горные озера.

Все это меня подхлестнуло. С утра я отправился на станцию и без лишних сложностей арендовал на три дня легкую мотодрезину. Заправился горючим, взял несколько дополнительных канистр, взял еды и воды и отправился вверх по долине.

Долина хорошела от поворота к повороту. Мотодрезина не могла идти быстро – и из-за малой ширины колеи, и из-за многочисленных поворотов, и из-за уклона. Мне даже показалось, что уклон превышает максимально разрешенный, но измерить это я не мог.

Да я и не торопился. Во-первых, в случае непредвиденных проблем надо было успеть затормозить, а во-вторых, красота была... Так что я не превышал 20 км в час.

Мне регулярно попадались разъезды и полустанки во вполне рабочем состоянии. Наконец, после четырех разъездов, трех полустанков и 42 км пути показалась небольшая станция.

Все было как полагается. Низкая пассажирская платформа, надпись «Верхний Лотос», запасные пути, какие-то склады. В стороне виднелся домик стрелочника, явно жилой, возле него был разбит огород и росло несколько яблонь. На путях стояли несколько локомотивов и вагонов. И дорога продолжалась дальше вверх.

На одном из путей возле весьма допотопного паровоза возился какой-то парень в рабочей одежде. Я подошел к нему и поздоровался.

– Виктор, – сказал он и протянул замасленную руку.

– Алекс, – сказал я и руку пожал. Он был, наверное, моих лет и даже немного похож на меня.

– Вы можете мне помочь?

Прошу заметить, я потомственный железнодорожник. То есть с тех пор, как существуют железные дороги, все мужчины моего семейства и большинство родственников работали на железных дорогах – рабочими, машинистами, были что стали инженерами, как и я. Так что я с молодых ногтей ошивался в депо и мастерских, и удивить меня было трудно.

Беглый осмотр показал, что нужно заменить два подшипника и кое-что отрегулировать.

– Запчасти есть? – спросил я.

– Должны быть на складе, – он махнул рукой.

Я зашел на склад. Это был огромный склад в совершенно идеальном состоянии. Там было все, что только могла пожелать душа железнодорожника, – вплоть до новехоньких рельс и шпал. Так что я быстро нашел нужные детали и инструменты и вернулся к Виктору.

Мы провозились до вечера, но в результате допотопный паровоз был приведен практически в идеальное состояние.

– Идем ужинать, – сказал Виктор, – сестра нас, наверное, уже заждалась.

Мы пошли было к дому, но Виктор повел меня немного в сторону:

– Сначала умыться, а то мы промаслены насквозь.

Там в сторонке был небольшой водопад. Оно, конечно, горячий душ должен был быть приятнее ледяного водопада, однако мне было так здорово, что просто не хотелось вылезать.

– Идем, идем, – потянул меня Виктор.

Его сестра накрывала на стол возле домика во дворе. Это была стройная девушка невысокого роста, в темных брюках и в свитере... я бы сказал, светло-фиолетовом, но у женщин есть куча собственных названий цветов.

– Я Юлия, – сказала она мне, улыбнулась и погладила меня по плечу.

Ее глаза... Нет, они не обещали бурной романтики под южными звездами. Не обещали они и тихих семейных радостей у домашнего очага. Они просто говорили: это т о. То самое. Без вопросов.

Впрочем, один вопрос был. Возраст. Ей наверняка было меньше 18, а могло быть, чего доброго, и меньше 16.

– Да садитесь же, – Юлия улыбнулась какой-то сверхприветливой улыбкой и погладила меня по руке.

Овощной салат со сметаной, потом жаренная с колбасой картошка, залитая яйцом. Свежайший домашний квас.

Потом мы пили чай с домашним печеньем. На вкус чай был самый обыкновенный, но он никогда не казался мне таким прекрасным. Под такими звездами, под такой луной.

Мне постелили в боковой отдельной комнате, но я практически не спал. Я был полон какой-то невероятной радостью, как будто передо мной впереди лежала жизнь, полная радостного осмысленного действия, и никаких печалей и неприятностей.

Я поднялся рано и при этом был свеж, как огурчик. В кухне Юлия вылезала из погребка:

– С добрым утром, вот и отлично. Примите от меня вещи. – Я, разумеется, помог.

На завтрак были яйца всмятку, творог, домашние блины с медом и кофе по-турецки. После завтрака Виктор спросил:

– Вы не хотели бы остаться с нами? Тут еще надо починить две стрелки, сменить несколько рельс, еще кое-что по мелочи – и все будет в лучшем виде. Можно будет двигаться дальше вверх.

Достаточно было взглянуть в глаза Юлии, чтобы согласиться. Но нельзя же так, с бухты-баракты.

– Понимаете, – сказал я, – у меня остались кое-какие дела. Вот разве что после этого...

Виктор вздохнул, встал, взял ящик с инструментами и пошел работать.

– Алекс, – проникновенно сказала Юлия, – мне кажется, что вас внизу ничто не держит.

Она была права. Диплом я получил, на работу еще не устроился. Мои родители умерли давно, меня вырастила старшая сестра. Но, пока я служил в армии, она вышла замуж, и теперь собственные семья и дети интересовали ее, конечно, больше всего. Последний раз она даже забыла поздравить меня с днем рождения.

Но были разные мелочи, финансовые дела, да и документы следовало бы с собой прихватить. Кстати, о документах.

– Простите за нескромный вопрос, – сказал я, – но сколько вам лет?

– Лет? – вопрос ее явно удивил. – Я точно не знаю. Брату около

двухсот, я немного моложе.

Я воспринял эту информацию как нечто само собой разумеющееся.

– Юлия, я вернусь через неделю, максимум через 10 дней. Обещаю.

Она погладила мне руку и посмотрела на меня каким-то жалеющим взглядом.

Я управился еще быстрее. Уже на 5-й день я подъезжал по знакомой узкоколейке к станции Средний Лотос.

Путь от станции вверх был разобран. Давно. Ржавые рельсы и гнилые шпалы валялись на земле, все заросло травой и кустами, кое-где и деревьями. Впечатление было такое, что путь был разобран лет двадцать назад, если не все пятьдесят. Домов лесорубов просто не было.

Дед Христофор подтвердил, что так было сколько он себя помнит.

Но у меня еще было время в запасе, а упрямства мне не занимать. Оставив большую часть вещей у деда Христофора, на следующий (6-й) день я спустился в Нижний Лотос, быстро приобрел все необходимое и успел вернуться в Средний Лотос. Так что на 7-й день я двинул вверх по долине пешком с грузом – осла мне никто не согласился одолжить.

Я не турист и не альпинист, но я служил в пехоте. Хорошие берцы на ногах (и запасные с собой), хороший рюкзак, фляги с водой, полевой сухпай, прочее полевое снаряжение... Я к этому привычный.

Понимая, что я весьма нагружен и, к тому же, иду вверх по бездорожью и вообще по пересеченной местности, я двигался размеренно и к концу 7-го дня прошел только 30 км. С трудом заставив себя хоть немного поспать у костра, с зарей я двинулся дальше и к середине 8-го дня был на месте.

Станция была полуразрушена, пути разбиты, подвижной состав проржавел и развалился, складов не было. На месте огорода рос бурьян, яблони одичали. Я смог найти фундамент домика и даже разгреб мусор над крышкой погреба, но в погребе была только плесень.

Водопад был на месте, такой же холодный, но радости он мне не прибавил.

К вечеру следующего дня я вернулся в Средний Лотос. Я переночевал у как всегда гостеприимного деда Христофора и с утра отправился на станцию.

Мне показалось? Или нет? Я сошел с платформы и померил ногами ширину колеи.

Так и есть. Обычные для узкоколеек 750 мм.

Хайфа, канун 9 Тишрея 5783 г.¹

¹ 3.10.2022

Диана Беребицкая
Хлебные человечки

1.

Он снова шел по серо-зеленому коридору с бесконечными дверьми. Под сводчатым потолком мутно светила лампа. Собственные гулкие шаги мешали ему понять, доносятся ли из-за дверей какие-нибудь звуки, но что-то его насторожило. Он остановился и прислушался. Потом метнулся к ближайшей двери, одновременно расстегивая кобуру. Заглянул в глазок. Увиденное раздосадовало его: собственно, он только проверял, как выполнен приказ, и совершенно не собирался делать чужую работу. А тут... Да за такое – под трибунал! Но не факт, что в этой обстановке он получит новых бойцов, и так половина разбежалась... А что с этими антисоветчиками в камере? Отстреливать по одному – патронов не хватит, да и времени: войска оставляют город.

Он открыл «кормушку» и со злостью швырнул в камеру, полную

людей, невесть откуда взявшееся у него в руках яблоко. Яблоко разорвалось, как граната, и тут же сквозь пол коридора, между плитками, стали прорастать острые шипы костела Святой Эльжбеты¹. Он пытался увернуться, но они упрямо поднимали его на свои пики, протыкая гимнастерку где-то в районе левого кармана...

Он рывком сел на постели. Ничего такого: ранило осколком при бомбежке, но фриц немного не рассчитал. Да и доктор очень кстати попался, хороший доктор, даром что враг народа. Или так: враг народа, потому и «попался», и оказался тогда в эшелоне с заключенными, и до сих пор сидит как миленький. И еще беречь его приходится: сейчас каждый фельдшер – и тот на счету... Так что никакое это не возмездие за арестантов, убитых во Львовской тюрьме². Это ранение. Никакой мистики. А сны – это сны. Только очень уж часто...

2.

Возле печки-буржуйки было жарко, но стоило сделать шаг от нее вглубь комнаты, под одежду начинали вползать промозглая сырость и ледяные мурашки холода. Оставалось только надеяться, что малышка не

¹ Костел Святой Эльжбеты – собор в неоготическом стиле во Львове.

² В начале ВОВ при отступлении советских войск из западных областей Украины, сотрудники НКВД расстреливали заключенных, которых сочли нецелесообразным эвакуировать.

замерзла: ее кровать стояла почти рядом с печкой. Опасно, но ничего не подделаешь, здесь, в Новосибирске, иначе не выжить.

Лея наклонилась над дочкой:

– Ну-ка вылезай из норки, поужинаем.

Девочка не ответила, а ее острая мышья мордочка приняла тоскливое выражение.

– Гляди, Поленька, что я тебе принесла, – в бумажке лежали три цветных льдинки монпансье: желтая, красная и зеленая, – но сначала поешь, совсем чуточку, ладно?

Полинка потянулась было к конфетам, но вдруг тяжело, по-взрослому выдохнула:

– Не могу...

Лея почувствовала, как горячо и горько подступают к ее глазам слезы: жалость, отчаянье, бессильная зависть к полуголодным хозяйским близнецам, вечно ищущим, что бы поесть. А ее родная девочка все слабеет день ото дня, и кашляет, кашляет... Как глупо было сменить сегодня Полинку любимую брошку со снежинкой («Мамочка, ты с ней как артистка!») на эти никчемные леденцы.

И все-таки она сумеет накормить дочку! Лея развернула платок, где лежал кусок тяжелого картофельного хлеба с отрубями, разрежала его на маленькие кубики и выстроила их в ряд. Налила в кружку кипятку. Капнула меду в блюдце.

– Иди сюда, моя хорошая, – взяла Полинку к себе на колени, (Господи, она же опять вся горит!) – смотри: это люди, они стоят в очереди за хлебом. Им очень холодно, дует ветер, идет снег. Надо, чтобы ты открыла ротик, впустила их и спасла.

И Полинка сдалась: стала медленно и обреченно жевать, с усилием проглатывая хлеб кубик за кубиком. Когда она останавливалась, Лея напоминала ей:

– Попей тепленького, они же мерзнут! Они уже так долго на морозе... А вон те люди сейчас перейдут улицу, – цветные монпансье

превратились в светофор, – и тоже придут к тебе погреться...

Сострадание сжимало маленькое сердечко, и Полинка старалась изо всех сил. Но смогла «спасти» она всего-то треть очереди. Устала. Уронила конфету. Зеленый глазок «светофора» закатился под шифоньер...

Что же делать?

3.

С этим надо было что-то делать. Дамочка его в упор не видела! Нет – поблагодарить, что вытащил ее с лесоповала, где она совсем надорвалась, с грьжей этой – уже еле ноги волочила. По всему, так и загнулась бы. Куда ей деревья валить! Оне ж нежные. Ручки-ножки, как у куклы, талия вот-вот переломится, глазищи – с поволокой, как у нэпманки какой. А зыркнет – на пять метров вокруг выжигает... Он к ней и так, и эдак, а у нее только дочь-сопливка на уме. И фото мужа в рамочке. Но где тот муж? Верно, на фронте. И вернется ли... Правда, жида – они хитрые, может изловчиться и уцелеть.

Но что ей мужа дожидаться, если сам начальник тюрьмы – не последний человек в городе – на нее глаз положил? И работку подкинул непильную: на машинке в редакции стучать, там ей и комнатенку выделили, в рамках уплотнения городского населения. Ну, может, кладовку. А что без окон – так им же теплее, не дует. Все лучше, чем в бараке. Он-то понимает. Сам, можно сказать, эвакуированный. Вместе с рабочим местом. Не так просто: такое хозяйство через всю страну перевезти, да чтоб не разбежались под бомбежками. Держать их надо – во как! Зато – и почет. От всех.

Но не от этой. От нее ни благодарности, ни уважения. Он-то ее пугать не хотел: не зверь же. Хотел по-доброму, чтоб сама... А она только выкобенивается, да в глазах полыхает что-то: не то страх, не то ярость. Совсем оборзела баба. Но ведь как хороша! Да хватит с ней сюсюкаться, в конце концов! Не она первая... Кувалда кулака тяжело припечатала дубовую столешницу. Он встал, застегнул верхнюю пуговицу френча, вынул ординарца и приказал ему немедленно доставить жидовочку из «Зари

Сибири»: нужно, мол, срочно, на ночь глядя, перепечатать протокол допроса, а все машинистки уже разошлись.

4.

Бледная и оцепеневшая, Лея выглядела словно высеченной из куска льда. Войдя, она так и застыла на пороге, как будто не хотела, чтобы хозяин кабинета услышал, как колотится ее сердце. Было позорно и страшно выказать перед ним свой испуг. Поздний стук в дверь. Больная Полинка, оставленная одна. Дорога сюда через обморочный ледяной мрак... По пути солдат сказал, что ее везут печатать протокол какого-то допроса. Значит пришли не за ней. Но почему печатать должна она, и почему в такое время? Впрочем, они всегда приходят по ночам... Отец, школьная подруга, соседи с нижнего этажа... Кого они назначили врагом народа на этот раз?

– Проходите! – из-за стола ей навстречу шагнул этот человек, – хочу попросить Вас об услуге, – ...этот человек, который преследовал ее уже несколько недель, который, вроде бы, и помог вначале, но теперь настойчиво намекал ей на обязанность «расплатиться по счетам»...

– Не стесняйтесь! Располагайтесь здесь, – он указал на пишущую машинку, стоящую на небольшом столике у стены, – утром надо срочно переслать в Москву протоколы, а они не готовы. Вот и пришлось Вас обеспокоить.

Приспустив с головы платок, она присела за столик и вздрогнула, когда его рука ободряюще похлопала ее по плечу. Ободряюще? Ей показалось, что этим жестом он пытается прощупать сквозь грубую ткань пальто все ее сорок птичьих килограмм... Не надо саму себя запугивать. Она будет ему полезной, аккуратно перепечатает все их грязные доносы – и вернется домой, к дочке.

– Да, Николай Петрович! Что нужно печатать? Давайте сразу начнем: моя девочка приболела, не хотелось бы оставлять ее надолго, – Лея привычным движением заправила бумагу в машинку, он даже не успел заметить, как дрожат у нее руки.

Он передал ей документы, закурил и стал расхаживать по кабинету. Она печатала, сидя спиной к нему, и чутко вслушивалась, как пол сдавленно попискивает под его шагами. Так прошла добрая четверть часа. Напряжение, тугой шнуровкой затянутое где-то под ложечкой, начало ослабевать. Возможно, ее опасения беспочвенны, и ему, действительно, нужно просто подготовить эти бумаги? Внезапно она поймала себя на том, что давно не слышит скрипа половиц. Он стоял рядом, вороньей тенью нависая над ее стулом.

– Да, снимите же, наконец, пальто! Здесь тепло. Хотите чаю? Вы так спешите... А ведь мы могли бы подружиться...

Несмотря на игривый тон, он цепко обхватил ее сзади, задирая кофточку и сминая грудь жесткими обжигающими ладонями. Рванувшись вперед, она вскочила, и отлетевший стул ударил его высокой спинкой в лицо. Он охнул. Что там? Сломала зуб? Выбила глаз? Мало! Ее бил крупный озноб, в горле клокотало, и, глядя, как он стирает с лица кровь, она внезапно яростно расхохоталась. Хохот взметнулся в воздух и реял над ней, как черный флаг. В висках стучало: «Прекрати! Опасно!», но остановиться она не могла.

Он грязно выругался и ринулся на нее, сгреб в охапку, швырнул на пол, намертво пригрузив своим телом, в бешенстве рвал на ней одежду, отыгрываясь за унижение. Идиот! Обхаживал ее! Ему ли не знать: только страх делает человека мягким, как воск, только власть позволяет взять все, что пожелаешь!

Лея напрягала все силы, извивалась, пытаясь выскользнуть из его лап, но вдруг резкая боль пронзила ее живот. Грыжа! Боль впивалась все сильнее, разрасталась, разбухала. Накатила тошнота, сквозь корчи кашля брызнула фонтаном рвота.

Ее мучитель инстинктивно отпрянул, замер на секунду, потом брезгливо пнул Лею, всю в липком поту и желчи, носком сапога. Она застонала. Живехонька! Придуривается. Смеет еще кочевряжиться, издеваться над ним?! Распаяясь, он пинал ее, бил ногами еще и еще. Пожалуй,

и убил бы, но в какой-то момент его тоже стошнило.

Проблевавшись, он выглянул в коридор. Тут же подскочил перепуганный ординарец, вытягивая тощую шею в тщетной попытке выглянуть молодцевато.

– Убери ее отсюда.

– Что с ней? Куда убрать?

– Откуда я знаю? Домой. В госпиталь. К черту на рога! Видишь, припадочная...

5.

Утром следующего дня ординарец доложил, что доставил гражданку Лею Апельман в больницу, с трудом разыскал там смертельно уставшего, а может, и изрядно выпившего хирурга, и тот прооперировал ее по поводу ущемления грыжи. Во время операции больная скончалась. Дочку ее пока присматривает хозяйка квартиры, будет оформлять в детдом, но, видно, не успеет. Девчонка тоже не жилец: похоже, чахотка.

6.

Ужасно саднили ребра: кажется, он разодрал себе весь бок. Острые жерди изгороди пропороли рубаху, и он повис на ней, как тряпичная кукла, молотя воздух босыми ногами, будто все еще бежал. На него надвигалась гигантская фигура:

– Ах ты ж!.. – сторож встряхнул его с такой силой, что последние яблоки выкатились из его карманов, а душа – наоборот – закатилась в пятки. Колька зажмурился и булькнул что-то нечленораздельное.

Сторож хмыкнул, оглядывая воршику:

– Что ж ты тощий такой? Да, не свезло тебе сегодня... Мамка-то за рубаху выпорот?

– Выпорет... – согласился Колька, осторожно открывая один глаз.

Сторож укоризненно покачал седой головой, от которой, казалось, исходило сияние:

– Воруешь-то зачем? Не стыдно? Ты глянь на себя: умыть – так

чистый ангел, – он развел руками два лоскута рубахи, рваными крыльями висящие за спиной у мальчика.

У Кольки перехватило дыхание, и странно зацарапало в носу: он ожидал ужасного наказания, а совсем не этого мягкого голоса, не теплой руки, приглаживающей его вихры.

Он открыл второй глаз. Старика не было. Яблок не было. Не было и семилетнего шкета в разодранной рубашонке. Была темнота, ключья недоумения и еще чего-то неудобного, вроде благодарности. И боль под ребрами. Давило и жгло в груди, отдавало в лопатку. Никак не получалось вздохнуть. Вместо этого легкие наполнялись неведомым газообразным страхом. Снова рана беспокоит? Или сердце?

Боль не отпускала, и скоро ему стало абсолютно наплевать на ее причины. Все рассуждения на эту тему куда-то улетучились. Благо он никогда не покидал свой боевой пост, жил практически в самой тюрьме. По его приказу из камеры немедленно доставили того самого врача, что когда-то вынимал осколок.

7.

Врач был невысоким и немолодым, каким-то съезжившимся и погасшим. Но Николай Петрович знал ему цену. Когда возникала необходимость, перед пациентом словно возникал другой человек: собранный, пружинистый, четкий. Будто бы в этом щуплом арестанте живой оставалась только его профессия, которая когда-то стоила ему свободы (а нечего было растрчивать на врагов дорогие лекарства!) и которая – единственная – наполняла смыслом его теперешнее существование.

– Гляди, доктор. Прихватило меня, – тон хозяина кабинета казался даже извиняющимся. Не знающий слабости и снисхождения, начальник тюрьмы неожиданно робел перед этим невзрачным человечком. Казалось, тот, несмотря на свое ничтожное положение, имел больше власти, чем он сам, управлял духами жизни и смерти.

И доктор не подвел: что он уже там делал, что ему дал, но пациенту

полегчало. Его телу возвращались прежние сила и уверенность. Страх уполз обратно в свое логово. Николай Петрович расслабился, и ему захотелось быть великодушным:

– Знаешь что, доктор? Ты приготовься. Завтра поедешь в город. Там тебя девица ждет, – он хохотнул. – Да, ты губу-то не раскатывай. Мелкая она совсем. Думаю, года три от роду будет. Вот. И доложишь, что там с ней.

8.

Доктора, разумеется, никто не ждал. Оробевшая хозяйка квартиры, куда в свое время подселили Лею с дочкой, провела их с конвойным в чулан. «Буржуйка» едва теплилась. Куча тряпья, лежавшая на кровати, чуть вздрагивала, издавая похожее на стон клочкотание.

– Она что-то пила сегодня?

– Два глотка молока... от своих оторвала, – две пары любопытных глаз выглядывали из-за двери чулана, – Нет сил глядеть, как мается.

Врач приподнял одеяло, попросил принести лампу, долго припал ухом к хрупким ребрышкам, осторожно простукивал длинными пальцами, похожими на пальцы пианиста. Дело было совсем плохо. Маленькое тельце, как диковинный музыкальный инструмент, отзывалось глухими хрипами, бульканьем, треском, шорохами. Крупозная пневмония и, наверняка, плеврит. Он задумался, принимая бой. Потом велел нагреть корыто с водой, принести пару простыней и побольше одеял, полотенец или какой-нибудь ветоши.

Когда хозяйка заикнулась, что топить особо нечем, он вскинул на нее взгляд, полный такой горечи и такого гнева, что она только беспомощно махнула рукой. Повиновалась. Даже соседку позвала. И все они нечаянной спасательной бригадой встали, развернув на поднятых руках горячие мокрые простыни вокруг корыта с теплой водой, куда уложили маленькую Полю. Пар поднимался над простынями и щипал глаза.

9.

Так продолжалось неделю. Его приводили, освобождали от наручников. Он и уставшие после тяжелой смены женщины повторяли процедуру, укутывали девочку в горячие простыни и – поверх – в сухую ветошь, накрывали всем, чем возможно, чтобы жар продержался подольше. Потом хозяйка дома уже и сама знала, что делать, а врача приводили раз в неделю, чтобы выслушать больную. Настал день, когда у Поли хватило сил заплакать и позвать маму, а потом и день, когда она смогла сесть в кровати.

А потом пришел не доктор, а сам начальник тюрьмы. Буднично постучал в дверь, смел с дороги испуганную хозяйку и тяжелым шагом вошел в комнату, где обитала Полинка. Девочка что-то лепетала, перебирая цветные лоскутки. Серо-голубая тусклая кожа, неестественно-тонкая шея. И все же врач сказал ему, что опасность миновала... И что из этого? Зачем он сейчас пришел сюда, что он тут вообще делает?

Девочка оторвала взгляд от лоскутков, несколько мгновений недоверчиво смотрела на незнакомца миндалевидными нэпманскими глазами и неожиданно, улыбнувшись, потянулась к нему. Он вздрогнул. Потом вынул из кармана галифе невесть откуда взявшееся яблоко, обтер от крошек табака и молча положил на стул возле ее кровати. Яблоко излучало тепло, отсвечивало алыми брызгами прожилок. Оно было будто маленький солнечный взрыв в этой промозглой комнате.

Николай Петрович круто развернулся и вышел прочь.

Эдвард Ковалерчук

Байки

Василий Иванович

Широко известна была в свое время довольно длинная серия анекдотов про Василия Ивановича Чапаева. Об анекдотах про другого Василия Ивановича – маршала Советского Союза Чуйкова мало кто слышал. Сам маршал Чуйков не менее знаменит своей полководческой деятельностью в Великой Отечественной войне, чем комдив Чапаев в истории войны Гражданской. Заслуги маршала Чуйкова неоспоримы. Помимо официальных источников неплохо бы сослаться в этом плане на оценку деятельности Чуйкова писателем Василием Гроссманом в его книге «В годы войны». При всем своем полководческом таланте маршал Чуйков не имел не только высшего военного образования, но и вообще не отличался общей образованностью, что и приводило уважаемого полководца порой к казусным или даже анекдотичным ситуациям. После войны, когда необходимость в его полководческом таланте существенно ослабла, В. И. Чуйков был назначен главным инспектором Министерства обороны СССР. В этом качестве он прибыл однажды с инспекцией в Военную академию связи.

В ходе инспекции В. И. Чуйков знакомился с деятельностью научных кафедр. Пока ему показывали кафедры чисто военных дисциплин как-то: стратегии и тактики, организации связи и т. п., особых вопросов у маршала не возникало. Знакомясь с кафедрами приемных и передающих устройств, военных радиостанций, он, хотя и не мог вникнуть в сложные научно-технические вопросы, которыми занимались эти кафедры, все же понимал, что здесь изучается и разрабатывается какая-то сложная техника, и благоразумно воздерживался как от замечаний, так и от неуместных вопросов.

Но вот он увидел на дверях табличку «Кафедра антенн». Специалисты понимают, что на этой кафедре изучаются сложные теоретические проблемы распространения радиоволн, что в основе этих научных проблем лежит самый сложный математический аппарат теории поля, пожалуй, самый сложный из известных науке раздел математики. Но опыт Великой

Отечественной войны вызвал у Василия Ивановича единственную ассоциацию, связанную со словом «антенна»: какой-нибудь металлический штырь или кусок проволоки, натянутый между деревьями. Поэтому он, остановившись перед увиденной табличкой с названием кафедры, возмущенно воскликнул: «Этта еще что такое!! Вы бы еще штепсельно-розеточную кафедру придумали!»

Маршальский лифт

Мало известны широкой публике также анекдоты про другого маршала, а именно Главкома ВВС главного маршала авиации Павла Степановича Кутахова. Эти анекдоты известны, наверное, только авиаторам, да и то лишь тем из них, кто проходил службу в 70-е и 80-е годы. Маршал авиации Кутахов, надо заметить, был не каким-нибудь там высшим военным чиновником. Он был настоящим авиатором, боевым военным летчиком, дважды Героем Советского Союза, одержавшим во время Великой Отечественной войны десятки побед в воздушных боях. Павел Степанович продолжал летать на самых современных сверхзвуковых истребителях до шестидесятилетнего возраста. То есть он был, как говорится, летающим маршалом. Среди советских авиаторов он пользовался несомненным авторитетом и уважением. Конечно, будучи уже Главкомандующим ВВС, он был в некотором смысле и чиновником тоже, и определенные чиновничьи повадки ему были не чужды. Мне вспоминается иногда эпизод из моей жизни, когда мне довелось побывать в Главном штабе ВВС на Кутузовской набережной в Москве. На меня тогда произвела впечатление система охраны штаба. Стоявшие у пропускных турникетов рядовые солдаты охраны носили не голубые авиационные погоны, как можно было ожидать, а красные – общевойсковые. Они вели себя с каким-то особым достоинством. Брали из рук, проходивших как на вход, так и на выход пропуска, не спеша и внимательно прочитывали в этих пропусках все от первой до последней буквы, трижды неторопливо сверяли лицо владельца пропуска с фотографией в нем и лишь затем, возвратив пропуск и отдавая честь, разрешали проход. При этом, если скапливалась очередь на вход или на выход, их это нисколько не смущало. В очереди смиренно стояли и полковники, и генерал-майоры, и генерал-лейтенанты... Но это,

разумеется, к чиновничьим причудам никакого отношения не имеет. Просто нормальный строгий порядок. Но вот, пройдя процедуру проверки, я оказался в просторном вестибюле, похожем на вестибюль пятизвездочного отеля. Четыре лифта. Три из них заняты, а четвертый – свободен. Просторный, с приветливо раскрытыми дверьми, ярко освещенный. А в уголке кабины лифта сидит на стульчике бабуля – этакий божий одуванчик. Я, естественно, направился к этому свободному лифту, и занес уже было ногу, чтобы в него войти, как вдруг этот божий одуванчик, бабуля эта, резво вскочила со своего стульчика, и лицо ее, мгновенно покраснев, выразило негодование и ужас одновременно. «Вы куда?!» – сдавленным шепотом закричала она. При этом глаза ее напомнили мне почему-то Громозеку из известного мультфильма по роману Кира Булычева. «Как куда? – недоуменно ответил я, – мне на седьмой этаж нужно, в управление кадров». «Вы что?!» – оглушительно продолжал шипеть одуванчик. При этом глаза бабули не только не вернулись на свои места, но, упершись мне в грудь, буквально выталкивали меня обратно в вестибюль, – «это же МАРШАЛЬСКИЙ ЛИФТ!!!» Мне пришлось ретироваться. Заходя в другой, освободившийся к тому времени лифт, я оглянулся. Бабуля снова сидела на своем стульчике, вроде бы как ни в чем не бывало, но лицо ее, все еще красное, резко контрастировало с седым венчиком редких волос и выдавало только что перенесенный стресс. Как бы бедняжку удар не хватил, – подумал я, но к маршалскому лифту больше никогда не подходил.

Перчик

Как-то раз маршал Кутахов отлетал смену на одном из аэродромов 69-й Воздушной армии. После полетов в сопровождении командарма, командира истребительно-авиационной дивизии и своего адъютанта отправился на обед в летнюю столовую. Стол там был накрыт, как полагается, по первому разряду. Обслуживал начальник продовольственной службы дивизии собственной персоной. Вернее, он даже не обслуживал, а руководил обслуживанием как завзятый метрдотель. Правда, образу метрдотеля не вполне соответствовала его фигура, затянутая отнюдь не во фрак, а в скрывавшую под собой майорские погоны белую – первой категории – новенькую поварскую куртку примерно этак 64 размера. Большого,

наверное, на складе не нашлось, потому что от застегнутых пуговиц все равно расходились лучами волнистые складки. Лицо майора сияло счастьем, пышные усы топорщились на пухлых щеках. Казалось, сними он фуражку, и из-под нее вывалится лихой запорожский оселедец. Наверное, поэтому он фуражку и не снимал, и из-под нее катились по вискам капельки пота. Однако очень хотелось отрапортовать при встрече по всей форме, отдав честь лихо под козырек, а не как-нибудь. Гости уселись за стол. Шеф-повар старшина-сверхсрочник такой же тучный, как и его начальник, тоже в белой куртке, но уже не в фуражке, а в белом же поварском колпаке, подкатил тележку с подносом и поставил на стол дымящиеся тарелки с борщом, а также маленькие тарелочки со свежими, натертыми чесноком, пампушками. Начпрод, не снимавший с лица счастливую сияющую улыбку, при этом приговаривал: «Вот, товарищ маршал, отведайте нашего борща. Это ж настоящий украинский. Да Вы с перчиком, с перчиком»... Павел Степанович, видимо, довольный проведенными полетами, в благодушном настроении, потянулся к столовому прибору. Взял перчицу, тряхнул над своей тарелкой, но перца почему-то не появилось. Тряхнул еще – ничего. Снова тряхнул, уже посильнее. Крышечка с перчицы сорвалась и упала в тарелку, а за ней посыпался пепел и вывалились два окурка. Последовала немая сцена, ну прямо как в «Ревизоре». Но недолго. Комдив, повернувшись к начпроду, показал ему кулак: «Ну я тебе покажу перчику!»

Чаяк

Другой анекдот тоже связан с послеполетным обедом. На сей раз рядом с Главкомом не было адъютанта. Кутахов сам отправил его с каким-то поручением. И адъютант начпрода не предупредил. О чем? Ну это будет понятно из дальнейшего изложения. Когда подали обед, Павел Степанович, оглядел стол и спросил начпрода: «А чаяк мой где?». Начпрод, встревоженный неожиданным вопросом, засуетился. «Сейчас будет, товарищ маршал». И помчался к раздаче. «Чай Главкому, быстро!!!». Полминуты не прошло, на стол поставили стакан горячего чая. Начпрод едва успел подумать: что за причуда такая, перед обедом чай пить. Ну, так ведь у маршалов свои привычки. Надо будет на будущее на заметку взять.

Кутахов тем временем о чем-то увлеченно разговаривал с комдивом. Наверное, обсуждали только что проведенный учебный воздушный бой, потому как размахивали в воздухе руками, изображая ладонями то цель, то перехватчик.

Краем глаза маршал видел, что ему под правую руку стакан поставили. Поэтому, завершив очередной маневр правой ладонью – перехватчиком, которая успешно поразила левую ладонь – цель, он, не глядя, потянулся за стаканом, крепко с азартом от только что проведенного «боя» схватил его и тут же от неожиданности – горячий ведь! – швырнул в сторону, в аккурат под ноги начпроду. Стакан – понятное дело – вдребезги. Не будь начпрод в сапогах, точно бы ноги ошпарил. Не знал бедняга, что главкомовский чаек – это и не чай вовсе, а стакан коньяка. Подвел, короче говоря, адъютант.

Курилка

Даром что на партийных собраниях то и дело критиковали «кампанейщину». Надо, мол, не кампаниями, а постоянно и неуклонно... Тем не менее, кампании время от времени затевали. То одну, то другую. Затеяли как-то кампанию по борьбе с курением в учреждениях. На самом высоком уровне затеяли, аж в самом ЦК. Так ведь и правильно затеяли. На заседаниях и в кабинетах так, бывало, накурят, не то, что не продохнуть, на вытянутую руку и не видно же ничего. Посмотрите любой фильм, про двадцатые-тридцатые годы: что ни собрание – дым коромыслом. А в шестидесятые-семидесятые намного лучше, что ли было? На любом совещании на столе пепельницы переполненные, окурки на стол вываливаются. Даже в начальственных кабинетах потолки закопченные. А в общих помещениях контор разных, бюро – неистребимый табачный запах, да что там запах, прямо скажем – вонь. Повели кампанию. Циркуляры разные, распоряжения... Таблички поразвесили: «НЕ КУРИТЬ!!!». Отвели специальные места для курения, как правило, на лестничных площадках. Да ведь толку от этого мало, все равно дым табачный по всему зданию расплзается. Короче говоря, отучать надо людей от курения. Ведь и времени рабочего сколько теряется. Раньше на рабочем месте курили, без отрыва, так сказать, от производства. А теперь то и дело перекуры на лестнице, совсем

работать перестали. Нет, точно надо отучать. Совсем. Да как отучишь-то? Это ведь потруднее, чем борьба с пьянством.

В Главном штабе ВВС тоже курилки на лестничных площадках устроили. Вышел как-то маршал Кутахов на площадку. Все, конечно, руки по швам, сигаретка – в кулак. Товарищи офицеры!!! И тишина. В этой тишине Павел Степанович, тоже тихим голосом, но отчетливо так: «Курящий офицер не перспективен». И ушел. Площадка как-то быстренько тоже опустела.

Говорят, число курильщиков в Главном штабе после этого заметно уменьшилось.

Сопрут или не сопрут?

Забавный случай произошел с моим отцом летом 1945 года. Вскоре после Победы он приехал в командировку в Ригу. К служебному заданию он должен был приступить сразу же по прибытии, а устройство в гостинице откладывалось до вечера. Поэтому прежде всего надо было избавиться от лишнего груза, то есть сдать в камеру хранения выдавший виды командировочный чемоданчик. Поставив свой нехитрый багаж на стойку, отец стал объяснять приемщику, что чемоданчик, мол, довольно потрепанный, фронтовой еще, замки на нем не работают, так что, извиняюсь, значит, и прошу быть повнимательнее. Приемщик – старый латыш – ни слова по-русски не понял, но догадался, о чем речь и, покивав сочувственно головой, ответил «saprut», что значит по-латышски «понятно». Отец мой, не понимающий ни слова по-латышски, услышав слово «saprut», прервал свои извинения и замер с открытым ртом.

– То есть как это сопрут?! – возмутился он. Я ведь вам для чего сдаю чемодан? Чтобы вы его сохранили, а не для того, чтобы его у вас сперли. Что за безобразие! У вас тут камера хранения или что? Вы вообще-то отвечаете за сданный вам багаж?

Приемщик, естественно, из этой длинной тирады совсем уже ничего не понял, но перепугался не на шутку. Как-никак перед ним стоял офицер советского военно-морского флота, и его гневная речь не сулила ничего хорошего. Побледнев и совсем растерявшись, старик затряс головой и пролепетал «ne saprut» – не понимаю, мол.

– Вот это другое дело, – успокоился отец. – Если не сопрут, то оставляю вам чемодан до вечера. Там в общем-то ничего ценного нет: белье да туалетные принадлежности, но вещи, сами понимаете, необходимые. Так что смотрите, короче говоря, чтоб не сперли, – забрал положенный на стойку жетон и отправился по своим делам.

Марина Симкина

Рассказы

Палочник

Работала Дина тяжело – дворником в религиозном поселке, задерживалась на работе дольше оплачиваемого времени – медлительна была, да и чересчур тщательна. В то время как (она это видела) некоторые ее коллеги забрасывали часть мусора с шоссе в кустарник вдоль дороги, Дина, наоборот, специально оборудованной палкой с крючком вытаскивала этот мусор из кустов, сгребала щеткой в огромный совок, перекладывала в специальную дворницкую коляску, из которой потом необходимо было высыпать содержимое в большие мусорные баки, стоявшие на обочинах. Баки были далеко не на каждом шагу, переполненную коляску нужно было везти к ним, а потом тратить время для возвращения порождением (Отличное словечко! Дина подхватила его в своей дворничьей бригаде.) к точке, где она прекратила мести. Поэтому все дворники, и наученная ими Дина в том числе, подбирали на тех же помойках выброшенные ведра – чаще всего из-под краски, обвешивали этими ведрами на специальных крючках весь бортик коляски по периметру и получали тем самым дополнительный объем для мусора.

Эти дребезжащие колесницы были видны и слышны издалека. Дина потом никак не могла понять, как ее не заметил водитель, который долго копошился на противоположной стороне улицы, что-то укладывая и перекладывая в багажнике. А потом сел за руль и на заднем ходу сшиб ее вместе с коляской. Дина отчетливо помнит себя летящей по дуге вниз головой в сторону большого шоссе и понимающей, что от нее уже никак не зависит, куда и кому под колеса она приземлится. Повезло – на шоссе машин не было. Отделалась сотрясением мозга, испугом, ссадинами да синяками по всему телу. Ноги какое-то время не ходили, руки ничего держать не могли. Но вышла на работу, как только головокружение прошло, – семью кормить надо. Метлу держала двумя руками вместо одной, шагала через боль – так, в процессе, и разработала конечности.

...После рабочего дня Дина заскочила домой, наскоро перекусила.

Устала, но прилечь некогда. У нее еще урок математики на дому у двух разновозрастных учеников, детей хозяина магазина в поселке. Там еще и совсем малый рядом крутится, ему тоже интересно, так Дина на ходу и ему задания подкидывает. После урока нужно забежать в тот самый поселковый магазин и в счет оплаты урока купить каких-то продуктов в дом. А заодно купить что-то по списку пожилой соседке и забросить ей. Тоже – хоть небольшая, но подработка. И еще обещала дочери съездить с ней в город, купить какую-нибудь теплую вещь: кофточку, свитерок – мерзнет в школе.

На остановке, пока ждали автобуса в город, дочь выкурила сигарету, погасила об асфальт, на тротуаре же и оставила. Мама-дворник встала, подняла окурок, показательно отнесла в урну...

Приехали; пошли по торговой улице. Один магазин, другой – ничего дочери не нравится... В пятый зашли – там пончо Дине в глаза бросилось – мохнатое, теплое, уютное – сама бы в такое укуталась. Продавщица маме поддакивает, товар расхваливает. Дочь стоит с каменным лицом. Дина молчание за согласие приняла, заплатила, пакет дочери в руки отдала, вышли. Через несколько шагов дочь уста разомкнула: «Меня в школе засмеют – не буду я это носить!» И оставила пакет на ближайшей урне – как раз подвернулась.

Дина, не останавливаясь, шла вперед. Только без дыхания. Дыхание пропало. Его заперло чем-то внизу живота. Потом дыхание прорвалось сквозь боль – рыданием, в голос. Испуганная дочь с криком «Мама, я сейчас заберу» бросилась назад к урне, но там уже ничего не было.

На тремпиаде¹ стояли молча. Остановилась попутная машина, Дина села к водителю, дочь – молча – на заднее сиденье. Водитель по дороге о чем-то спрашивал Дину, она механически отвечала.

– Родственница? – спросил он, кивнув головой в сторону второй пассажирки.

Дина оглянулась.

– Нет, – ответила она, не слишком понимая ни себя, ни водителя.

¹ Тремпиада – так в Израиле называют места, где водители останавливаются и подбирают пассажиров, которым с ними по пути. В частности, очень распространенный вид взаимопомощи в поселениях.

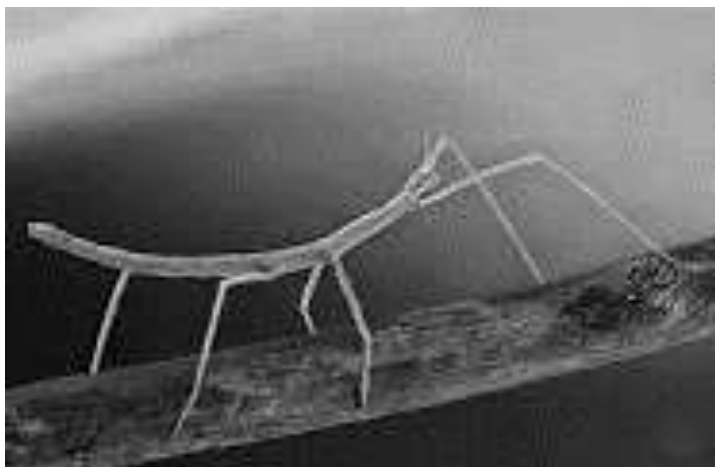
Потом добавила: – А... да... – и неопределенно махнула рукой.

– Дочь, – глухо подсказали с заднего сиденья.

Водитель довез до своего поселка, дальше нужно было идти пешком несколько километров по проселочной дороге. Может, кто-то из соседей будет проезжать – подхватят. Стемнело. Только звезды, да на дороге мелкие камешки посверкивают. Обе молчат. Дина время от времени то на камушек наступит, – чтобы ощутить его серединой стопы, через босоножку, перекатить через него ступню с пятки на носок, – то на ветку сухую. Та затрещит – все какое-то разнообразие. Занесла ногу над очередной такой коряжкой, а коряга веточку-голову к Дине поворачивает и глазами на нее смотрит. Дина с поднятой ногой застыла. Что это? Кто это? Инопланетянин какой-нибудь? Чего от нее ждут? Так и стоять или переступить и дальше идти?

Коряга на Дину посмотрела-посмотрела, голову-веточку отвернула и ножками-веточками медленно сама в сторону зашагала. И Дина пошла. Молча. В шоке. До следующей сухой ветки. И увидев ее, наконец в ужасе закричала. Дочь прижалась к ней плечом:

– Мама, это просто ветка... Не бойся!

С лисанету

Лето. Мы с подругой проходим студенческую практику на заводе. В разных цехах, но в обед встречаемся.

– Поехали на выходные к нам на дачу, – зовет Сима.

– А... ну... спасибо... Я подумаю...

Чтобы я подумала правильно и не передумала, Сима сама является за мной утром в субботу.

– У тебя есть велосипед? Возьми – покатаемся.

– Нет, но у брата есть. Вов! Дашь мне твой велосипед?

Брат согласен.

– А фотик есть?

– Володя! Можно я твой фотоаппарат возьму?

Брат приносит мне «Смену» в бежевом кожаном футляре:

– На! Пленка там есть, только уже частично отснята. Дать запасную?

– Да я же заряжать не умею.

– Бери-бери, – говорит Сима. – Кто-нибудь нам поможет.

Сарафан, купальник, фотоаппарат... Поехали!

В лифт (с 9-го этажа!) тяжелый дорожный велосипед заводим задом и ставим на заднее колесо. Пока дверь закрывается, велосипед так и норовит встать на оба колеса. Мы с Симой вжимаемся в стенки крохотной кабинки и изо всех сил удерживаем строптивного коня. На первом этаже лифт открывается и велосипед с облегчением грохается на передние колеса.

К метро едем на трамвае. Народу мало, поэтому и ропота по поводу велосипеда немного. Обсуждаем, как будем проводить время...

Входим в вестибюль метро.

– С велосипедом нельзя! – кидается к нам дежурная.

– Как нельзя? С каких это пор в метро нельзя ехать с вещами?

– С вещами можно, а с велосипедом – нельзя!

– Что же нам делать? Как отсюда попасть на вокзал? – расстраивается подруга.

- Сделайте из велосипеда вещи, – советует дежурная.
- Как? – в один голос изумляемся мы с Симой.
- Снимите колеса.
- Оба? – пугаюсь я поставленной задачи.
- Хотя бы одно. Переднее, – великодушно разрешают нам.

К раме велосипеда прикреплена коричневая кобура с инструментами. Две девушки – будущие инженеры! – никаких из них в руках завесомо не держали, но умудряются выбрать нужный. Открутили. Сима несет переднее колесо, а я веду обезноженный велосипед, удерживая бедолагу на одном заднем, и он без конца тычется обезглавленной рамой в ступеньки эскалатора, в платформу...

Вкручиваемся с изуродованным велосипедом в вагон... Пересадка... Ну, будем ставить колесо?

– Давай сначала расписание посмотрим, – говорит Сима. – А то поезда редко.

Эскалатор... Расписание... Поезд уже стоит! Бежим к нему, спотыкаясь пустой рамой. Успели! Располагаемся на скамье и снова достаем ключи... За нами с интересом наблюдают два парня, сидящие напротив.

– Девушки! Вам помочь?

Соглашаемся с радостью, мужчины ставят на место переднее колесо. (В белых рубашках – какие герои! Не перемазались бы...)

– Э, – говорят, – да у вас цепь заедает.

Они снимают цепь, снимают подшипники...

– У вас же там смазки совсем нет, – говорят они. – Ой! Наша станция! Мы выходим!

Парни высыпают мне в ладонь шарики из подшипников и торопятся к выходу.

Теперь у нас есть сумки с вещами, велосипед, правда уже о двух колесах, но не на ходу, какая-то непонятная зубчатая деталь и много маленьких металлических шариков. Шарик – в носовой платок, чтоб не потерять. Деталь – потом разберемся – в сумку. Велосипед уже можно вести за руль, до дачи недалеко.

Тетя Катя, Симины мама, бросается нас обнимать:

– Девочки мои золотые!.. Вы пока погуляйте, а я котлеты нажарю.

Мы садимся на тахту, заполняем подшипники Симиным душистым вазелином, загоняем в них шарики, умудряемся натянуть цепь – ну, не зря из нас инженеров готовят?! – и выходим со двора.

У Симы – небольшой подростковый велосипед, девичий, без рамы. У меня – большой и мужской. До педалей не достаю. Две девушки – будущие инженеры, уже совершенно уверенные в своих технических способностях, – проявляют смекалку и максимально опускают седло.

Теперь я достаю до педалей – правда, только носками ног. Но ехать можно. Вот оседлать велосипед я могу только с какого-нибудь возвышения. А сойти с велосипеда – лишь предварительно затормозив: нужно сползти с седла, встать сразу двумя ногами на педали и дать задний ход. Погасив скорость, слегка наклонить велосипед и проскакать несколько шагов одной ногой по земле рядом с велосипедом. Небольшая тренировка возле дачи – и вперед!

...Перед нами – крутой спуск, усыпанный камнями. Сима спешивается и сводит свой велик по травянистой обочине. А мне – не затормозить: корпус наклонен вперед. Если я встану на обе педали, меня неминуемо перебросит через руль. Скорость увеличивается. Все мои усилия направлены на то, чтобы удержаться в седле. Впереди, прямо по ходу, высокий узкий камень. Своей передней почти плоской стенкой он смотрит на меня, поджидает... Сманеврировать даже не пытаюсь – только мертвой хваткой держусь за руль. Как я миновала тот камень, поняла уже на обратном пути. На песке отчетливо был виден единственный велосипедный след, он вел точно к этому камню. Но за сантиметры до камня след вдруг раздваивался, а через несколько сантиметров после снова соединялся в один... Видимо, руки дрогнули... Передним колесом я проехала слева от камня, а задним – уже справа.

Пока же я продолжаю путь, склон становится более пологим... Я сбрасываю оцепенение, стресс отходит. Травка зеленеет, птички поют, колеса крутить не нужно... Благодать!

И вдруг – развилка! Одна дорога – почти прямо, но вверх. А другая – крутой поворот направо, и там почти сразу начинается бревенчатый мостик-тарактелка через речку. Причем мостик без перил, и на нем – люди. Кто стоит, кто на краю сидит...

Что бы вы выбрали? Я не выбрала ничего. Я осталась на этой развилке, при падении солнечным сплетением выровняв руль и остальную конструкцию в одну плоскость. И катаясь, по земле, пыталась вдохнуть.

Сима тихонечко довела в поводу свой велосипед и застала толпу вокруг меня. Что бы и как потом ни происходило или не будет происходить с ней, со мной, но самоотверженность подруги я запомню на всю жизнь. Перед кучей людей девятнадцатилетняя девушка сняла с себя сафран, оставшись в некомплектном, некрасивом белье, и уложила меня на свою одежду – чтобы я не лежала на голой земле.

Как мы оказались в травмпункте, не помню. Там обработали руки, ноги, обе щеки – все была сплошная ссадина. Хотели зашить губу.

– Шама прирастет, – сказала я.

Остаток субботы и воскресенье мы уже никаких подвигов не совершали. Не катались, не фотографировались – только ели тети-Катины котлеты и жили тихо. Щеки и коленки зарастали корочкой, пленкой затягивалась разорванная губа.

В воскресенье нас с велосипедом с трудом запихнули в переполненную электричку.

– С лиса-пету?.. – сочувственно поинтересовался парень, зажатый моей многострадальной железью.

– С ли-са-пету, – в тон ему подтвердила я. – Эх, придется снова переднее колесо откручивать – иначе в метро не пустят.

– А где ты живешь? Хочешь, я на нем доеду и тебе отдам? А потом – к себе на трамвае...

– Давай! – согласилась я.

...Я нажала звонок в нашу квартиру, открыла мама.

– Встречайте дочь красивую! – с интонацией фокусника прокричала я, пока мама зажигала свет в коридоре.

– Кто тебя так? – мама смотрела на меня с ужасом.

– С лиса-пету! – отрапортовала я понравившейся мне формулировкой.

– Не ври! Если бы ты упала с велосипеда, был бы разбит нос. Или одна щека. Кто тебя бил? У тебя что – отобрали велосипед?

– Нет. Велосипед везет сюда, точнее, едет на нем один парень...

Незнакомый.

Их не было долго – ни велосипеда, ни моего доброхота. Мы уже решили, что и не будет.

Но через несколько часов раздался звонок в дверь, и истерзанный рыцарь показал на прислоненный к перилам велосипед с понуро съехавшим набок седлом:

– Вот! Обещал – сделал! Шины спустили, как только я на него сел.
– Ехал, как по булыжникам, – и он, не попрощавшись, шагнул к лифту.

Хороший парень! Понятия не имею, рассчитывал ли он в дальнейшем познакомиться со мной... Я так и не узнала, как его зовут...

А, да, кстати... Губа – *шама прирошла*. Хорошо, что не зашивали.

Лия Ковалева

Рассказы

Виноград

Так давно со мною ничего не случилось! Я почти примирилась с этим. Глаза уже перестали блестеть. Впрочем, может быть оттого, что я перестала краситься. Косметика идет счастливым. Неудачникам к лицу смирение. Не все ли равно, как ты выглядишь, если никому нет дела до твоих губ, твоих глаз? Еще несколько лет – и я тоже стану подбирать бездомных кошек и тратить на них свою зарплату и свою бессмертную душу. Как Тихоновна, что живет напротив. С каким озабоченным видом гуляет она со своими питомцами! Вот что ждет меня.

А пока – буду работать, по воскресеньям ездить на велосипеде, а по праздникам – пить вино в компании подруг и их мужей и терпеть перекрестный огонь их понимающих взглядов.

И вдруг – совершенно неожиданно – все переменялось. В одну неделю. Кажется, мне не придется подбирать бездомных кошек...

Я снова купила бигуди и помаду самого модного – коричневого – оттенка. И в глазах появился блеск. Парикмахер, делавший мне прическу, подмигнул и сказал: «Ему понравится. Будьте уверены!»

Не знаю, заметил ли он мою новую прическу. Он почти побежал навстречу, завидев меня издали.

Мы пошли по аллее. Справа и слева пламенели клены, величественные и грозные. Кажется, мы о чем-то говорили. Я чувствовала внутри какую-то распрямляющуюся пружину – пружинистой стала походка, гибкими – руки, и смех стал другой – мягкий, особенный...

– Куда мы идем? – спросил он вдруг.

– Не знаю. Не все ли равно? (И голос какой-то не мой!)

– Но ведь надо решить, дорогая!

– Ах, разве это так важно?

– А что важно? – спросил он, смеясь и обнимая меня.

– Все неважно!

Было совсем тепло. Солнце заходило. Клены роняли на нас свои

огненные листья. Мы стояли не шевелясь.

– Вот что, – сказал он, беря меня под руку. Он повел меня к выходу из парка. – Сегодня я принимаю тебя. Но я плохой хозяин. У меня дома ничего нет!

Как он может сейчас говорить об этом?

– Купим чего-нибудь. Вот ларек. Смотри – виноград!

– Виноград, – повторила я послушно.

– Виноградец неблестящий... Эй, послушайте, почему виноград? Восемьдесят? А вчера я видел по шестьдесят. Ну, ладно... Скажи, сколько брать? (это – ко мне) ... Кило иди полкило?

– Как хочешь.

– А все-таки?

– Мне все равно, – сказала я уже обычным голосом. Ко мне возвращался нормальный слух. Я услышала, как кричат мальчишки и где-то неподалеку громыкает телега.

Я огляделась. Мы уже вышли из парка. Тут тоже были деревья, но будничные, блеклые, с легкой желтизной. Листья на них наполовину облетели. А может быть, это просто солнце спряталось, и все стало другим. Подул холодный ветер.

– Послушайте, девушка, взвесьте полкило, только кладите хороший, поспелее... Вон ту кисточку... Да нет, что вы кладете мне одну зелень? Я же говорю – там поспелее... Дайте тогда с витрины, если у вас нет приличного винограда... Почему не можете с витрины? Слушайте, вы слишком много рассуждаете. Нет, кажется, я вам сейчас все верну. Ну-ка покажите... Так и есть – одна зелень! Пойдите, пойдите... Что же вы высыпали? Я же не сказал еще, что не беру! Вот баба! Ну и баба! Есть у вас жалобная книга?

Жалобной книги не оказалось. Солнце действительно зашло. Стало холодно.

– Ну и баба! – повторил он с отвращением. – Уф! Ну да ладно. В магазине возьмем, в восьмерке. Там меня знают, не станут подсовывать гниль.

– Мне холодно, – сказала я.

– А мы на автобусе. Вот идет. Быстрее?

- Не хочу.
- Но пешком далековато!
- Я домой.
- Но почему?

У него был огорченный вид. Он ничего не понимал. Нам было так хорошо! А будет еще лучше! Ведь это каприз... Просто мне хочется его помучить... Ведь я согласилась! Я уже обещала.

Он просил. Он умолял!

Но я уже не могла. И тут ничего нельзя было поделать.

Около моего дома никого не было. Я помедлила на крыльце.

В тусклом свете фонаря дом выглядел совсем ветхим.

Раздалось мяуканье. Это Тихоновна вышла со своими кошками на вечернюю прогулку.

Date: Август 30, 2005

В ресторане

Сегодня я с утра в Комарове.

После недели, наполненной обязанностями, суетой, частыми огорчениями и редкими озарениями, я разрешаю себе такой «разгрузочный день» – отрываюсь от всего, что составляет мою жизнь, и уезжаю в Комарово, в лес.

День восстановления души. Я брожу по лесу, вдыхаю сосновый воздух, гляжу вокруг – вон белочка взлетела по ветвям наверх, а вот стайка воробьев деловито галдит, усевшись на проводах. Что-то зашуршало в траве у моих ног – наверно, ящерица.

Редкое состояние бездумья – только созерцаю, только слушаю. И наполняюсь звонкой лесной тишиной, запахами цветущей природы и чем-

то еще, поднимающимся из самой глубины существа и смыкающимся с окружающим миром.

«Я родилась с миром в душе», – говорила моя подруга. Не знаю, родилась ли я с миром в душе – скорее всего, нет. Но иногда я его ощущаю – в такие вот минуты. Врачующий запах леса, благотворная тишина... И приходят в голову стихи. В голову, освобожденную от будничных мыслей, приходят стихи Ахматовой – здесь все пропитано ею, здесь недалеко ее могила, которую я навещу, хотя в этом нет для меня душевной необходимости – я не любительница ритуалов. Мои ритуалы в душе, где живут ее стихи – и начинают звучать спонтанно, неожиданно... и не только ее, но и другие любимые строчки – по настроению...

Я брожу, иногда присаживаюсь на пенек, даже не открываю захваченную с собою книгу – она для поезда, а здесь я читаю другую книгу, читаю душой и лечу – бессознательно – душевные ссадины.

Время течет незаметно.

Подходит час обеда. И я иду перекусить в ресторан – днем там цены, как в обыкновенной столовой, и обед не опустошит мой карман.

Ресторан находится на горке и называется «Горка».

Высокие, широкие окна полузадернуты белыми шторами, столики стоят полукругом вокруг маленькой эстрады, как будто они собрались танцевать под оркестр невидимок... Днем эстрада всегда пуста.

За мой столик сели двое.

Девушка – тоненькая-тоненькая, в желто-белом платье, с коротко и беспорядочно (по моде) подстриженными волосами. Смуглое лицо, темные глаза с длинными ресницами, яркий рот.

Похожа на большую садовую ромашку.

Ее спутник – лет двадцати пяти, с твердым подбородком, в спортивной полосатой рубашке.

Усевшись за стол, они стали дружно изучать меню.

– Возьмем борщ пополам, Юрка! – сказала ромашка.

«Студенты, – подумала я. – Влюбленные...»

Официантка принесла борщ и чистую тарелку. Ромашка деловито стала переливать борщ в пустую тарелку, помахивая ресницами чуть чаще, чем это требовалось обстоятельствами. А он смотрел на нее с

усмешечкой.

«Пожалуй, молодожены, – решила я. – Медовый месяц?»

– Ты что-то разочарован? – спросила она лукаво, принимаясь за борщ.

– Пожалуй.

– Ничем не могу помочь.

– Жаль.

– Еще бы! Бедненький! Целый день зря потерял!

– Жаль не времени, а эмоций, – сказал он рассудительно.

– Все равно не могу помочь.

– Скажи, а кто этот тип... тот самый – ты понимаешь?

– О, это так... Один человек, – небрежно сказала она. – Москвич.

Да он уже уехал.

«Нет, не молодожены», – подумала я. И почему-то огорчилась.

– Когда уехал?

– Вчера. Но он вернется, – сказала она, предостерегающе взмахнув ресницами. – Он вернется в сентябре.

– Тебя это радует?

– Да. Он славный дядечка.

– А из какого он круга?

– М-м-м... Из круга писателей-корреспондентов.

– Понятно. Что ж – посылай бог удачи. Я вижу, ты становишься авантюристкой.

– А ты?

– Что ж я? Заметь – позвонил тебе в первый же день, как только приехал...

Они помолчали, потом он спросил небрежно:

– Между прочим, я чуть не позвонил тебе из Москвы. Два раза собирался – да так и не собрался...

– Хорошо сделал, – сказала она быстро. – Муж все время был дома. Был бы скандал...

Он чуть заметно усмехнулся.

– Да нет, я хотел позвонить тебе по делу. Ты мне когда-то давала адрес одной своей московской подруги, помнишь? Так вот, я думал зайти

к ней. Знакомых в Москве не было, все разъехались. Хотел узнать ее телефон. Как она, ничего?

– Ничего. Такая полная. Одевается – шик. Армянка.

– Вот что! Пожалуй, хорошо, что не позвонил, – лениво заметил он, закуривая.

– Ну почему же. У нее, между прочим, подруга есть – очень миленькая. Да и она сама – как девчонка, она отличная.

Снова пауза. «Молодоженам» принесли яичницу, и они с аппетитом ели ее, глядя в свои тарелки... Я без всякого аппетита жевала свою котлету.

– Здорово он тебя. Чем это? – спросил он, разглядывая белый шрам на переносице у своей спутницы.

Она вздохнула.

– Говорит, кулаком. Врет, конечно... Поругались. Я схватила брачное свидетельство и – в куски. Тогда он кинулся... да что, разве в первый раз... – углы губ опустились. Она уже не была похожа на садовую ромашку...

– Н-да... Тяжело дается тебе карьера, – посочувствовал он. – А по совести – стоит ли игра свеч?

– Не знаю, – вздохнула она скорбно.

– Так ты познакомишь меня с этой... кстати, кто она?

– Продавщица, – ромашка сразу оживилась. – Я думаю, ты ей понравишься. Особенно твоя обстановка... Ты ей подпусти чего-нибудь такого – видел, мол, в магазине, восхищен...

– Учишь? – усмехнулся собеседник. – Ладно. Слетаем к ней – на машине. Потом покатаемся и тебя отвезем. Идет?

– Идет! – с готовностью согласилась она.

Он расплатился, а она посмотрелась в маленькое зеркальце – проверила свои махровые ресницы, прическу, подкрасила губы – все было в порядке, вернее в устраивающем ее беспорядке. Она захлопнула сумочку и поднялась.

Из окна было видно, как он взял ее под руку и повел вниз по лестнице. Издали, когда не было видно ее мохнатых ресниц, она если и походила на ромашку, то на такую, по которой кто-то гадал «любит-не-любит»

– и оборвал все лепестки. Осталось одно желтенькое пятнышко. Ничего белого.

Два моря

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..

О, голубое-голубое небо! Удивительное – без облаков и почти без туч... Постоянный солнечный блеск – блеск, а не свет... Все это было, наверно, заложено во мне генетически – в одесситке, каждое лето – на песке у моря или в море. (И при этом не научившейся плавать – несмотря на все усилия друзей и подруг. Просто как бревно! Вода меня не держала – легкую, худенькую – не держала и все!..)

Но море я все равно любила.

А научилась я держаться на воде в Коктебеле, куда приехала уже с шестилетней дочкой. Вдруг – свершилось чудо. Я почувствовала, что держусь на воде! Да что там держусь – плаваю! Все утро не вылезала из моря, осваивая его упругость. И весь вечер тоже.

А на следующее утро, придя с дочкой к морю в 6 часов утра (всегда ходили рано, когда на пляже было еще пусто), пока она собирала камешки на берегу, я поплыла к буйку. Вот так сразу! Уж очень не терпелось проверить свое новое умение!..

Доплыла, задыхающаяся, долго не могла ухватиться за скользкий буюк, наконец, ухватилась, начала дышать... И чуть отдохнув, не спуская глаз с крошечной точки на берегу – моей дочки – пустилась в обратный путь. И тут я испугалась. Впервые дошло – а ну как не доплыву? А она на берегу одна, строит домик из песочка и населяет его камешками – детьми...

Добралась до берега исключительно на волне материнской любви. На автопилоте.

Такова была прекрасная чушь, свойственная молодости, которая могла превратиться в страшную трагедию. Страшную чушь...

Осознала я это позже. Никому не рассказывала – стыдилась. (И было чего!)

Так вот, возвращаясь на берег Средиземного моря, должна признаться, что оно мне не очень понравилось – не чета моему Черному, которое держало меня, баюкало в своих объятиях, спокойное, ласковое, упругое... Здесь почти всегда волны, трудно плавать, и, как мне сейчас кажется, больше народу, меньше покоя и ласки...

Но небо синее, чем там, и жизнь совсем, совсем другая... Но что я все сравниваю с Одессой?

А мой Питер, в котором прошла большая часть жизни? И *пышное природы увяданье*, и *в багрец и золото одетые леса*, и сам город, который *из тьмы лесов, из топи блат вознесся пышно, горделиво* – Питер с его Невой, с набережными, с его горделивым обликом – разве не прекрасен? И прекрасен, и забываем...

А здесь – здесь все иначе. Библейские образы, духовная аура, торжественная красота пейзажей, – все это гармонично дышит и смотрится. Иерусалим воплощает в себе страдания и память еврейского народа. К которому и я принадлежу... – по рождению, но не по жизни...

А Петербург – это моя жизнь, мои личные страдания и воспоминания, и радости, и горести, окаймленные и украшенные Невой, дворцами, мостами, величественной, но не древней аурой, столь близкой сердцу... Это Пушкин и Достоевский, Блок и Ахматова, строчки которых пронизывают мою речь и мое сознание, мою память и мое «сегодня».

Да, искусство – всечеловечно. Но оно имеет родину, что бы ни говорили. И стихи, читаемые около памятника Маяковскому, – звучат совсем иначе, как если бы их читали возле Стены Плача... Иначе! Не хуже и не лучше – иначе, по-другому!

Вот где начинается душевное противостояние.

Два моря, два города, две ауры, два сознания... две жизни, в конце концов. Жизнь здесь – и жизнь там!

А душа одна. И ей надо вместить две жизни.

О, эмигрантская судьба!

Родина – одна.

И дом один.

Так было веками. Отечество – и отчий дом... К этому бы еще и странствия – как у Чацкого, как у Пера Гюнта... Чтобы постранствовать – и вернуться домой. Вот тогда *и дым отечества нам сладок и приятен...*

Но вот свершилось – раздвоение личности, которому нет названия, нет диагноза, но которое знакомо многим эмигрантам, особенно – немолодым...

Прошлое – большая часть моей личности, моей жизни – осталось там, на том берегу....

А настоящее и будущее, которого осталось так мало, – здесь, со мною...

...Жизнь моя, иль ты приснилась мне?

Узнаю тебя, любовь!

А ведь не всегда узнаешь!

В тот момент ей казалось, что узнала. Он не был красив – но она

уже знала, что в мужчине главное не это.

Как он точно делал в гимнастическом зале все упражнения на кольцах! Он летал, как птица. И на брусках он делал стойку не так, как другие – было в его движениях изящество, был полет – и никакого напряжения!

Может быть, ей это все так нравилось, потому что в ее движениях не было ни изящества, ни полета – одно напряжение, страх, что не получится, и стыд за неуклюжесть.

Да, в движениях он был прекрасен, был талантлив...

Но во всем остальном – нет. И это ее огорчало, хотя и не меняло того чувства, которое она испытывала.

Было еще одно соображение, которое заставляло ее сомневаться в своем выборе: все двенадцать ее соучениц были в него влюблены – в большей или меньшей степени. И это заставляло ее хранить в величайшей тайне свое чувство, а кроме того – она знала, что такое «стадное чувство» и стыдилась его проявлений. А вдруг и это?..

Так шло время. И их жизни шли параллельно – он оставался лучшим гимнастом, она – лучшей ученицей во всем, кроме физкультуры. И нигде не пересекались.

И вдруг... вот с этого» вдруг» начинаются все эпизоды, все действия.

Вдруг он, подойдя к ней после уроков, сказал: «Давай, встретимся сегодня вечером, погуляем. Я за тобой зайду, можно?»

Пробегавшая мимо подружка сделала большие глаза. Может быть, именно поэтому она, ни с кем из юношей еще никогда не встречавшаяся, победила смущение и согласилась.

Она явилась на первое в своей жизни свидание в срок – что было, как потом ей объяснили, неправильно, «неженственно». Но он уже был, к счастью, и ей не пришлось ждать, переминаясь с ноги на ногу и зная, что прохожие усмеваются, глядя на нее, и они пошли рядом, не берясь за руки, а просто рядом. Ну, встретились знакомые, совершенно случайно, им по дороге... что тут особенного?

– Куда же мы пойдем? – спросила она.

– На кладбище, – ответил он спокойно.

Она даже остановилась от неожиданности.

– Понимаешь, у меня год назад умерла мама. И я решил... вот... я редко бываю там... Пойдем вместе, а?

И тут она вспомнила – да, было такое, ею уже забытое, год назад, и все девочки жалели его, но потом все вошло в колею И все забылось. К тому же она тогда еще не была влюблена в него.

– Ну, пойдем! – сказала она не без некоторого содрогания.

Она не любила кладбища и боялась его. Но теперь... Раз он так решил...

Они шли очень долго. Говорили мало – как-то не находили общих тем. Кроме того, тень предстоящего парализовала ее – исчезла легкость общения, присущая ей, остроумие – какое уж тут остроумие, какой смех? Кладбище!

Шли бесконечно долго. И когда были уже почти у цели, увидели – в ворота входила похоронная процессия. Грянул оркестр, гроб колыхался – его несли на руках, звуки рыданий, черные покрывала... Боже! Она зарыдала, он прижал ее к себе, но она рванулась – и побежала прочь, обратно. Плача, она бежала со всех ног, сколько было сил, ничего не видя вокруг себя.

А когда силы кончились, села на траву около какого-то заборчика и продолжала плакать, закрыв лицо руками.

В последний раз она была на кладбище с мамой, в годовщину со дня смерти отца. Он умер, когда она было еще маленькой, трехлетней, и теперь не помнила его лица, хотя ей казалось, что помнит, она ХОТЕЛА помнить и уверяла маму и родных, что помнит. И как он ее любил, и обнимал, и кормил конфетами... Ей было стыдно не помнить его! И она преодолевала этот стыд уверениями, что помнит его лицо и помнит его любовь...

Родные удивлялись – какая у девочки память! И только мама догадывалась, что тут не в памяти дело, а в ее, маминых, рассказах о нем, хотя и редких... Но ей ничего не говорила.

Она не знала, сколько времени просидела так, а когда слезы кончились, встала, отряхнула платье – и тут только увидела его: он стоял поодаль, не решаясь подойти, растерянный и печальный.

Они смотрели друг на друга. Потом она сказала:

– Ну, пойдём. Надо же дойти до цели...

И они пошли – она впереди, он чуть-чуть сзади. Он плелся за нею, ничего не понимая. А она, овладев собой, шла решительным шагом. Через четверть часа они стояли у могилы его матери – маленькой плиты. У него не было даже цветка – то ли не подумал, то ли решение явилось спонтанно... Он стоял молча, неподвижно.

Она взяла его за руку и повела налево. Они шли, шли – и остановились у другой мраморной плиты, где росли маргаритки.

– Тут мой отец, – сказала она. – Я его почти не помню. Мама меня приводит сюда раз в год, мы сидим на плите, сажаем цветы – и она мне о нем рассказывает. Я помню его – но не очень хорошо... Знаю, что был красивый, хорошо пел, очень добрый. И меня любил больше всех – так она говорит... И еще был веселый, веселее всех! А она у меня такая красивая!

– Я знаю, я видел твою маму. Очень красивая. А моя мама не была красавицей, но была такая добрая, и заботливая... Мне ее так не хватает! Я даже не знал... не думал... что так может быть...

...Она сорвала три маргаритки, они постояли еще минуту и отнесли их на могилу его матери. Она подумала – но не сказала вслух – что за это мама не обидится. А она потом расскажет – когда через год придут снова сюда сажать цветы.

А может быть, и не расскажет. Зачем?

Так они стояли и молчали – об одном и том же... Нет, все-таки – о разном. У него сиротство началось недавно, у нее оно уже стало образом жизни.

Но поняла она это только сейчас.

Так кончилась эта любовь. То, что она принимала за любовь. А что чувствовал он – она так никогда и не узнала, ибо отношения оборвались. Они сидели в одном классе – и только.

И в душе не осталось ничегошеньки – ни грусти, ни сожаления. Все прошло, как проходит грипп без осложнений...

Осталось одно – вопрос, так и не высказанный – почему она так

мало знает о своем отце?

И пройдет много лет, пока этот вопрос снова встанет перед нею – но уже некому будет на него ответить.

Америка! Америка! Летучие воспоминания...

Когда умер мой отец, мне было четыре года. И мама сказала, что он уехал в Америку. Уже не помню, как я встретила это известие, но для меня Америка была чем-то потусторонним. Очень долго держалась эта версия.

Но в день моего рождения, просыпаясь утром, я всегда находила на стуле рядом с кроваткой подарки от папы (из Америки, разумеется). То, что подарки были копеечные, мне не приходило в голову – для меня ценность симпатичной копилки, бусиков, переводных картинок, блокнотиков или альбома для рисования и цветных карандашей, да еще с шоколадкой в придачу была неизмеримо высока.

Не помню, когда мне открыли правду. Наверное, когда я перестала спрашивать, когда папа вернется, и до поступления в школу.

А когда Америка перестала быть «потусторонней», начались другие переживания – для моего внука. Уехали в Америку его отец (он уже давно был приходящим папой, но был!), потом его любимая тетка, бабушка, он все время держался (ему было тогда меньше 8 лет), но когда он узнал, что уезжает моя подруга, а его любимая учительница английского языка, он не выдержал:

– Но почему уезжают все те, кого мы любим? – спрашивал он, заливаясь слезами. – Я не хочу, чтоб Асенька уезжала! Не хочу!

Мне было его ужасно жалко...

Эта жалость укоренилась во мне и жива до сих пор. Даже теперь, когда особых причин нет, я его ужасно жалею, стараясь не показывать этого, разумеется.

Я и ребятам своим говорила – в народе «жалость» – это то же, что любовь.

«Он жену свою жалеет очень!» – это значит – любит.

Они приняли формулу Сатина, что жалость унижительна, что человека надо не жалеть, а уважать. А я старалась расставить все по местам.

Почему нельзя совмещать эти чувства? Если вы меня пожалеете, видя, что я потеряла голос в сражениях с вами, так вы перестанете меня уважать? – вопрошала я шепотом.

Так вот, люблю – жалею. Сопереживаю (хотя очень редко знаю, в чем именно надо сопереживать). Просто – вижу.

Но возвращаюсь к теме. Когда мы с ним побывали в этой самой Америке – ушли все огорчения по поводу существования такого края, куда люди исчезают – или отбывают – просто ушли. Ах, Америка, Америка...

Сильва, мама и Жулик

Девочка вышла на порог, сжимая в руке узелок с вещами, а в другой руке держа ведро с кашей. Слезы текли по ее лицу. В узелке были любимые мишка и зайчик.

– Иди-иди! И не возвращайся домой! Мне такая дочка не нужна – кричала ей вслед мама.

И девочка пошла.

Мама смотрела на худенькую, чуть сгорбившуюся фигурку в розовой курточке, и крупные слезы падали из ее глаз.

– Что я делаю! – бормотала она. – Что я делаю! Она же меня сводит с ума. Обязательно настоять на своем! Но ведь нужна какая-то дисциплина, – убеждала она себя шепотом, не спуская глаз с удаляющейся фигурки...

Когда фигурка была еле видна, она не выдержала и крикнула:

– Сильва!

В этой лесной глуши имя прозвучало как-то странно. Опереточно. Да оно и было опереточным, но маме очень нравилось, как нравилась оперетта «Сильва». Никому не пришло бы в голову, как звали девочку на самом деле. Ее имя было Суламифь! Или – на иврите – Шуламит. Древнее библейское имя. Они с мужем так радовались, что набрали на него! Но осталась проблема – как называть девочку дома? В детском саду?

Мифа – некрасиво. Можно было остановиться на таких распространенных и ничего не значащих именах, как Лялька или Лиля. Но какое отношение они имели к древнему, величественному имени «Суламифь»? Как бы «Мифа» или «Ляля» отличали их черноглазую красивую дочку от

всех остальных? И тут мама произнесла мечтательно: Сильва!..

Муж поморщился, потом повторил и сказал с презрением: оперетта!

– Ну и что? – возмутилась мама. – А оперетта-то какая! И имя – звучное и ни на кого не похожее! Увидишь – будет одна-единственная Сильва в садике – и одна-единственная в классе!

Сильва приостановилась, она услышала зов, но не оглянулась, а продолжала свой путь.

Было лето.

Маленький дачный домик стоял на самом краю дачного поселка, и тропинка, по которой шла девочка, вела в лесок. Они часто ходили в этот лесок, там были малина и земляника.

Но сейчас девочке было не до того – ей предстояло съесть ненавистную овсяную кашу, или не возвращаться домой. Каша была в ведерке, которое мама тщательно вымыла, прежде чем поместить туда кашу...

– Ну и не вернусь, – думала девочка, глотая слезы. Сама пожалеет, что выгнала меня. Сама будет плакать. Может, уже плачет...

Очень захотелось оглянуться – но она не сделала этого. Она твердо знала, что не будет есть эту отвратительную кашу – а это было условием возвращения...

– Может быть, выбросить ее? – думала девочка. – Или скормить птичкам?

Но сразу отказалась от такой мысли. Мама не разрешала врать. Никому. И сама никогда не обманывала!

Мама казалось очень твердой, но иногда сдавалась. Надо было только разжалобить ее.

Но на этот раз Сильве не хотелось – потому что она была права, она не будет больше есть эту ненавистную кашу – НИКОГДА!

Так и скажет маме. Может вообще не кушать. Больно надо!

И сразу стало легче. Она даже повернула налево, скрывшись за кустами, сделала маленький круг – и пошла обратно к дому. Но уже решительно, выпрямившись.

Решение было принято.

Она подошла к дому, дверь была открыта, Жулик кинулся к ней. Она поставила ведро на ступеньки, положила туда же свой узелок и села на ступеньку.

– Ты чего? – пролаял Жулик. (Она прекрасно понимала его язык.)

– Так вот домой не пускают, – ответила она.

– Не может быть! – ответил он и кинулся в дом. Она слышала его долгий, захлебывающийся, убедительный лай. Он уговаривал маму, что место девочки – в доме.

Она вышла на крыльцо.

– Съела?

– Нет. И не буду.

– Зачем же вернулась? – спросила мама – и тут же получила убедительный и темпераментный ответ от Жулика.

Она тоже понимала его язык.

– Ты уж помолчал бы! – сказала она. – Сам не хочешь есть овсянку, вот и защищаешь ее...

И тут Жулик подпрыгнул, подошел к ведру и... стал лаять. Он лакал долго. Пока ведро не перевернулось, уже почти пустое. И тогда победно задрал хвост, стал, лая, бегать по двору...

И тут обе не выдержали и расхохотались.

Мама села рядом на ступеньку.

Сильва прислонилась к ее плечу.

Мама обняла ее.

Сильва понимала – победа одержана – правда, с помощью Жулика. (Да и предмета спора уже не было!)

– И в кого это она такая упрямая? – привычно формулировала мама свои привычные педагогические проблемы. И пришла к привычному педагогическому выводу: в отца.

Больше не в кого!

А Сильва, понежившись возле мамы, решила сделать тактический ход – чтобы закрепить победу и еще больше задобрить маму.

– Мамочка, давай сделаем яичницу! – сказала она.
Мама со вздохом встала.
Победа была закреплена.

Кот – как собака. Портрет Рыжика

Не думала, что это возможно.

Но Рыжик постепенно приобретает собачьи ухватки.

Он вырос, ему полгода уже. Обожает спать, свернувшись клубком, на моем диване.

Но стоит мне тихонько подойти к двери и выйти – просыпается мгновенно.

Как-то мы с внуком хотели выйти, он как будто не заметил. Мы спустились со ступенек – и услышали вдруг отчаянный вопль – как же вы меня-то оставили!

Внук взвился наверх, выпустил узника, тот промчался вниз – и там ждал нас, все еще обиженный. Мы – в магазин. он – за нами. Совсем, как полгода назад наша дорогая, любимая Топси...

Мы заходим в магазин – он ждет. Иногда подает голос – вы, мол, не забыли меня? Я тут, жду вас!

Выходим, дружно втроем направляется домой. И вдруг – навстречу – большой черный пес! Наблюдаем.

Рыжик останавливается и выгибает спину. Но как! он становится одnogорбым верблюдом. Мы покатываемся с хохота, но он не слышит – поглощен своими переживаниями...

Собака дружелюбно проходит мимо... Рыжик смотрит ей вслед. И вдруг – исчезает.

Где он? Загадочная картинка!

Я поднимаю глаза наверх – а он уже на дереве. Взлетел мгновенно – все-таки безопаснее. Хотя в принципе он считает своей защитницей меня (вообще труслив, как заяц). Но здесь побоялся, что и я не устою против такого страшного зверя!

Дома он ласков, дружелюбен, но отличается от Топси своей трусливостью. Топси всех заходящих в дом встречала с восторгом, знала, что и она вызывает такое же чувство.

А Рыжик, трус, ни к кому не подходит, не дает погладить себя и ко всем относится недоверчиво. Но я надеюсь, это пройдет. Тут он похож на собаку, причем недобрую. У меня таких не было. Должен же он перенять привычки и чувства своих дружелюбных и гостеприимных хозяев!

(Помню, на заборе дачного особнячка в Комарово была надпись, видимо, предостерегающая воров: «В доме злая собака!» А кто-то приписал (со знанием дела): «И беспринципный хозяин!»)

Меня он сразу признал мамой – трется о ноги, вспрыгивает на колени, даже целуется. Как-то по-своему, но целуется... Особые приметы – кисточки на ушах, полосатая рыжина, хвост длинный и очень подвижный, выразительный.

Остальных членов семьи признал не сразу – но признал, не чурается, ластится к дочке, с внуком несколько настрожен. Но не избегает... А у дочки вчера заснул на диване, и она ночью переносила его ко мне. «Идем, Рыжунечка, идем, мой любимый, мой хороший», – а любимый и глаз не открыл.

А вообще он мурлычет, любит лежать на моей подушке или у меня на коленях, причем вспрыгивает именно когда я печатаю. Старается помешать – почему мои пальцы бегают по каким-то клавишам, а не по его шерстке... Вот такой у меня Рыжик.

Оживляет наш дом и вызывает улыбку часто своими позами и прыжками. Спасибо ему!

Жизнь и спектакль

У Ленинградского ТЮЗа началась новая жизнь.

Не стало Брянцева, старого, опытного, всеми уважаемого главного режиссера.

Его дело живо: его фамилия – на фасаде нового здания, очень современного, выстроенного специально для юных зрителей. Это теперь театр имени Брянцева. Наверно, символично, что на площади, где выстроен новый Театр, стоит памятник Грибоедову.

Уже не помню, как начался роман у моего класса с новым ТЮЗом. Но – начался.

В театре бывали встречи актеров с школьными преподавателями –

назывались они «педагогический актив». Естественно, я там оказалась из любви ко всему новому, из любопытства.

Корогодский, главный режиссер, даже пожаловал в гости к нам в школу, на занятия моего литературного кружка. (Он тоже был любопытный, был падок на все интересное, что происходило с ребятами.) И попал на интересный диспут.

Объявление о диспуте выглядело так:

Все приходите на диспут

О ЛЮБВИ!

А внизу маленькими буквами –

К общественной работе.

Идея была такая: любить можно – только если эта «общественная работа» очень интересная. (А когда она бывает интересная?) И мои ребята в самый драматический момент, когда учителя, и особенно парторг, нас ругали на все корки за нелюбовь к общественным делам, – вынесли стенгазету совершенно необыкновенную – и по оформлению (форма капли!), чудесные рисунки – и по содержанию – критические статьи о книгах, о спектакле, фельетоны на темы школьной жизни, стихи и проза юных литераторов – чего там только не было! И все сделали и придумали сами, без моего участия.

(Я участвовала только в замысле – показать, что стенгазета может быть интересной.) Немногие учителя, которые пришли на диспут, были ошеломлены. Настроены были на критику – не ждали такого конструктивного подхода к проблеме со стороны кружковцев! А кружковцы с задранными носами наблюдали за реакцией учителей... (Знай наших!)

В общем, налицо была драматургия – вступление, конфликт, кульминация и развязка.

А в итоге – внезапно вспыхнувший в режиссере интерес и к

ребятам, и к драматическому действию, и ко мне.

Так я была приглашена в учительский актив ТЮЗа.

Корогодский не поленился ознакомиться с моими публикациями в «Юности», обрадовался – и взял меня на мушку.

И вот на одном из собраний актива начал разговор о том, что у театра мало современных пьес, а между тем у нас есть пишущие педагоги, хорошо знающие школу и ее проблемы... И тут он остановился около меня и внимательно на меня посмотрел...

– Вы что же, бросаете мне перчатку? – спросила я.

– Вот именно! – сказал он.

Длинная пауза.

– Принимаю! – сказала я.

О, я прекрасно знала, какую тяжесть я взвалила на свои плечи. Знала и как труден жанр, и как труден путь к воплощению именно моих идей, и какая непростая обстановка политическая, и как ничтожно мала надежда на успех.

От своих идей я отступать не собиралась. В своем умении выстроить драматургию, написать хорошие диалоги – очень сомневалась. Но – ведь интересно!

И это было решающим аргументом в том споре, который я вела сама с собой.

Пьеса писалась около года.

Было написано семь (!) вариантов.

Принят был восьмой.

Репетировали ее студийцы – сами вчерашние ученики. Им было все близко – они прекрасно играли, потому что играли себя...

Но Корогодский понимал – и говорил мне: очень неудобная пьеса! Ее могут не пропустить – там!

И воздевал глаза кверху.

Будьте к этому готовы!

И был прав. Не пропустили: во-первых, плохих учителей не принято было показывать. Во-вторых – позволять ученикам иметь свое

мнение, отличное от мнения Добролюбова (а также и авторов незабвенного учебника Наумова, Дементьева и Плоткина), тоже было не принято, противоречило всем канонам практической советской педагогики! (Мои ученики, кстати, этим учебником не пользовались.)

А моя героиня имела свое мнение. И отстаивала его – вопреки всем – одноклассникам, ученикам, даже собственной маме...

Но Корогодскому очень хотелось, чтобы пьеса пошла. И он устроил бесплатные просмотры по выходным – для всех желающих!

И народ повалил. И народ хвалил.

Но для тех, кто решал, быть ли новому спектаклю, не это было важно. Публике нравится? Ну и что?

Надо, чтоб понравилось высшему начальству! А оно – колебалось.

И вот – невероятное везение – статья в газете «Правда», с какими-то намеками на то, что надо бы либеральнее решать некоторые вопросы – конечно, о нашей конкретной проблеме там не было ни слова. Но была чуть-чуть приоткрыта дверь для «неудобных пьес». И в эту щелку устремился Корогодский со своим спектаклем, со своими студийцами. И спектакль был разрешен.

После спектаклей – дискуссии зрителей, ведь у большинства проблемы, поставленные в пьесе, были наиболее острыми, живыми, современными. И какими интересными были эти дискуссии! Но...

Об этом «но» – позже. Это – отдельная песня...

А пока – *гром победы раздавайся*, пьеса идет, полные сборы, аплодисменты, хвалебные отзывы...

Почему пьеса была «неудобной»?

Кое-что о сюжете: старшеклассница Наташа позволила себе в сочинении не согласиться с оценками Добролюбова. На нее «Гроза» не произвела «освежающего впечатления». Более того – после трагического самоубийства Катерины ничто в городе не изменилось.

Что же это за протест? Это не протест, а капитуляция!

За подобное самоуправство девочка получает двойку.

Таков первый конфликт – с учительницей, требующей еще вдобавок и извинений за попытку Наташи доказать свою правоту, точнее – свое право на самостоятельное мнение...

(Разумеется, о статье Писарева учительница попросту умолчала.)

А второй конфликт – с классом. Все ученики должны были написать «индивидуальные обязательства», т. е. написать, что они намерены читать, какие отметки исправить, в какой музей пойти – расписать свою жизнь на полгода вперед.

Всех возмущала подобная бюрократическая регламентация их личной жизни.

И все-таки – все написали.

Причина? Класс выходил на первое место в соревновании, а за первое место им полагалась экскурсия в Москву на каникулах. Узнав об этом, все насмешники, все противники «личных обязательств», махнув рукой на принципы, быстренько написали и сдали эти бумажки.

А Наташа не захотела.

И на этой почве третий конфликт – с матерью, склонной к конформизму – жизненный опыт в советской стране давал хорошую практику. Мать – архитектор, и на вопрос дочери, согласилась бы она делать не так, как считает нужным, отвечает: но я же строю дом!

А дочь в отчаянии говорит – я тоже строю дом, почему ты этого не понимаешь? Почему никто не понимает?..

Была в пьесе и лирическая линия – зарождающаяся любовь, ревность, верная дружба, давшая сбой в решающую минуту.

...В конце концов Наташа остается одна.

И вот тут-то мое «но». Вернее, «но» самой постановки.

...У меня пьеса кончалась тем, что девочку сломали. С отворачиванием к самой себе она делает все, что требуют от нее. На следующий день не идет в школу... Как же ей теперь «строить свой дом»? Друзья ищут ее – но не находят. Она бродит по городу и думает. Впервые пропустила уроки...

«Коллектив» победил и доволен – первое место обеспечено!

Учительница как будто тоже удовлетворена. И только директор школы понял, что произошло. И задумался...

И это оставляет некоторую надежду. Хорошо, когда человек задумывается!

(А играл директора студиец, которому была суждена большая актерская судьба! Но тогда этого никто не знал.)

Эта маленькая роль была дебютом Георгия Тараторкина – будущего Раскольникова в фильме «Преступление и наказание» (в первом фильме).

На репетиции режиссер меня не приглашал. А на генеральной репетиции я вдруг увидела совершенно другой финал!

Моя героиня не сломлена. Она соглашается даже переписать сочинение... Правда, убегая в слезах, кричит: «Но против своего убеждения, против!»

И обязательство тоже подписывает. В гневе, под давлением подруг – но подписывает. Ура! Класс выходит на первое место.

Happy end.

И сделать уже ничего нельзя. Спектакль принят высокой комиссией именно в таком виде. И только в таком виде – говорит режиссер. И никакие мои разговоры и протесты не помогли. «Скажите спасибо, что хоть в таком виде спектакль приняли», – обиделся режиссер. «Это вообще чудо и необычайное везение, что он идет!»

Да, это было везение. Живой, правдивый, прекрасно сделанный спектакль, в котором юные артисты играли себя...

Пьеса вышла маленькой книжкой в издательстве «Искусство» в серии «Сегодня на сцене». И тут она вышла в моей первоначальной редакции. (Хоть тут!)

А в марте 1965 г. проводилось обсуждение двух пьес, поставленных на сцене ТЮЗа. И театровед, который рецензировал мою пьесу, сказал: «Замечательный финал! Автор не поддался соблазну показать героиню, готовую на все ради коллектива. Он показал человека, сломленного

жесткими – и увы! – такими типичными обстоятельствами! Честь и хвала ему за это!»

После обсуждения я спросила его: «Вы прочитали книжку, а на сцене ведь не видели пьесу, правда?»

Он смущенно кивнул.

Тогда я сказала: «А вы посмотрите! Актеры очень хороши. Музыка хороша. Много выдумки. Песня написана студийцем – чудесная! На сцене все правдивы, пластичны, выразительны...»

Одна деталь вам не понравится: финал там – другой. Совсем другой. Тот, на который я не поддалась, по вашим словам...

Пьеса шла еще в четырех городах. Я видела ее в Саратове.

И там тоже – дискуссии, зрители не расходились после спектакля. Наверно, для них не так важно было мое «но...». Важно было, что их жизнь показана правдиво, драматично и лирично, и вполне серьезно.

А вот учителя – обижались. Бедные, замороженные советской пропагандой, советской методикой учителя, для которых задача – воспитывать в учениках абсолютное единомыслие с авторитетами была неоспорима, они свято верили, что должны учить молодежь не думать самостоятельно, а повторять, заучивать слова авторитетов – будь то Белинский, будь то авторы учебника...

Позднее это называлось «цитатничество и начетничество».

Хорошо, что эти времена прошли!

Дворянское гнездо (учительская вспоминает...)

– Я не пойду туда, Анюта!

– Ну и что дома скажешь?

– А ничего. Ну... Вырву лист из дневника. Осторожненько!

– Так ведь Чарлик сразу заметит! Ты же знаешь! Он на три метра под землей видит!

– Кто это такой зоркий у нас, Анюта?

Ребята быстро обернулись – Елизавета Михайловна... Лизочек.

Это ничего! С нею можно даже посоветоваться. Она не продаст, прислушается и посочувствует...

И Анюта решила.

– Елизавета Михайловна, у нас чепе. Витька схватил двойку по математике. Ни за что, вот честное слово – ни за что. Вы же знаете Иосифа Борисовича!

– Я знаю Иосифа Борисовича, – улыбнулась Лиза. – Ну и в чем же заключалось это «ни за что»?

– Я не сделал одного примера – из десяти. Случайно! Пример-то легкий! Ну, а у него было настроение такое... И говорит: перепишешь этот пример – сто раз! Я сказал – не буду сто раз переписывать! Ну, он и вlepил двойку... И все! А у меня сегодня день рождения у папы... Не могу ему такой подарок преподнести! И вообще, это все Анютка... Говорит – пойдем, поговоришь с ним. С Чарликом. А смысл? Я-то в «дворянское гнездо» ни ногой!

– Что значит в «дворянское гнездо»? – удивилась Лизок.

Ребята переглянулись и хихикнули...

– Вы не понимаете, Елизавета Михайловна? Это – учительская!

– Да ну? – сказала Лизок. – Классика... Используете по назначению!

Витя схватил Анюту за рукав – и оба убежали.

А Елизавета Михайловна покачала головой.

– Ну, молодцы! – сказала она.

И открыла дверь в «дворянское гнездо»...

– Привет, друзья! – сказала она.

Учительская была полна и жужжала. Стояло привычное для переменки жужжание, изредка нарушавшееся взрывами смеха. Там, где стоял Иосиф Борисович...

– Не кажется ли вам, друзья, что учебный год несколько затянулся? – спросил он своим могучим басом...

Взрыв смеха.

За окном – зеленые деревья, еще без золота и без багреца, воспетых Пушкиным...

Потому что там – пятое сентября!

Учебный год только начался!..

– А вы знаете, кто мы с вами есть? – спросила Елизавета Михайловна.

– Знаем! – бодро ответил Иосиф Борисович. – Только сегодня в «Правде» читал. Мы – передовой отряд советской интеллигенции, который...

Раздались смешки.

Но Лиза его перебила.

– Нет! Мы, учительская, для ребят – «дворянское гнездо»!

Учителя умолкли...

– Клево! – сказал Коля, преподаватель физкультуры. – В яблочко!

И тут раздался звонок.

«Дворянское гнездо» опустело.

Елизавета Михайловна, у которой не было урока, подошла к окну и долго смотрела в сад. Смотрела и думала. Странные мысли теснились в ее голове...

Судьба писателя (Л. К. Чуковская)

В этой истории две части – первая комическая, вторая – драматическая. Начну с комической...

В конце 60-ых я отдыхала летом в Комарово, в доме творчества писателей. Писателем я не была ни формально, ни фактически, но как раз незадолго до отъезда в Комарово вышла моя первая книжка, небольшая брошюра. Я очень тщательно работала над рукописью, вычищала ее, избавляла от прокрадывавшихся штампов и повторов – в общем, применяла ту же методику, что и к сочинениям моих учеников, только еще более ужесточенную... И книжка издана, вот она передо мною...

А за обедом я оказываюсь соседкой... Лидии Корнеевны Чуковской. Она приехала из Москвы на несколько дней. Не будучи ни в малейшей степени снобом, она приветливо общалась с учительницей, сидевшей с нею за одним столом, а потом пригласила ее (т. е. меня) погулять, пойти вместе к морю. Собеседницей она была отличной.

Мы с нею хорошо погуляли, и, заметив ее некоторую заинтересованность, я поделилась с нею своей новостью – вот, первая книжка

напечатана... Она поняла, что для меня это событие, и попросила дать ей почитать. Мне совестно было отнимать у нее время, но когда она сказала, что тоже даст мне почитать свою невышедшую повесть, я, конечно, тут же сдалась...

Так мы поладили и обменялись книжками.

Я очень волновалась. Зная кое-что о ней как о редакторе и как о человеке – это было после моего короткого знакомства с Маршаком – я понимала, что мне выпала великая честь, но и великое испытание...

На следующее утро мы встретились за завтраком, а потом снова отправились пройтись. Она отдала мне мою книжку, похвалив все, что только можно было – и словесные находки, и неожиданные повороты, и нестандартный замысел.

Когда я пришла в свою комнату – а я просила ее отмечать на полях промахи – я открыла книжку и зажмурилась. Поля были испещрены ее пометками!

Оказалось, что я, считавшая себя пуристом в языке, допустила и пропустила столько словесного сора, столько штампов и неуклюжих оборотов, что больше двойки поставить себе не могла.

Вот что значит – высокая планка! И я до нее не дотягивала...

Потом в разговоре она просила меня не обижаться – она колебалась, редактировать ли книжку или ограничиться только знакомством – но из симпатии ко мне решила на первое.

– Надеюсь, вы не обидитесь, – сказала она, – а в будущем это может...

(Еще как помогло!)

А теперь вторая часть – драматическая.

Я тоже прочла ее рукопись. Это была рукопись всем известной теперь повести «Софья Петровна»... Это история о сталинских временах – мать «из бывших» – ради сына ломает себя, приспосабливается к новым временам, верит в коммунистический рай, который вот-вот будет построен, воспитывает чудесного мальчика, активного комсомольца – и вдруг сына сажают...

Уверенная в том, что это ошибка, да, с врагами надо бороться, их

много, врагов народа, но ее сын – совсем не такой, он посажен по ошибке, она обивает пороги сильных мира сего, пишет жалобы, письма...

Ей не приходит в голову, что все ее жалобы, все письма и заявления никем не прочитываются, никого не интересуют, летят в корзину...

От сына приходит случайная весточка, их которой делается ясно, что его дни сочтены...

Что помочь ему она не может. А усугубить его положение сумеет. И свое.

...Написано все просто, но душу рвет на части...

Никаких претензий автору не предъявляло издательство, кроме одной – пусть будет хеппи энд! Пусть сын вернется домой и справедливость восторжествует.

...Изменит она финал – книжка выйдет, гонорар будет получен, и вообще все будет хорошо.

А если нет – гонорар будет выплачен, но... книжка не выйдет.

Лидия Корнеевна подала в суд на издательство.

Чем суд закончился – вы знаете? Думаю, да.

Прошли годы. Книжка Лидии Корнеевны стоит у меня на полке – с тем финалом, который нужен был ей. И мне. И всем нам.

А тогда... Тогда я ей сказала, что абсолютно понимаю ее позицию, ее аргументы – стою на том и не могу иначе – и что так должно быть, художник не должен врать, не имеет права... но как мне обидно, что мои ученики – и еще тысячи таких же учеников – не прочтут эту повесть и не увидят правды! Не увидят именно сейчас, сегодня!

Не увидят и лжи. Что наверно, еще важнее.

И все же, все же, все же...

Сиротство (из шестидесятых)

Муж ушел. Ушел неожиданно, оскорбительно.

Не потому, что она плохая жена.

А потому, что нашлась другая – лучше ли, хуже ли, но для него –

более нужная, более желанная (что самое обидное!). Такова его версия. Которую оспорить невозможно.

Но и принять невозможно... И пошли бессонные ночи. Воспоминания. Внутренние диалоги – нет, монологи.

Как у Ахматовой:

И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты...

Да, он не слушал. Потому что его не было рядом, и уже не будет. А она захлебывалась от обиды, от невыполненных обещаний... Хотя знала – не девочка уже, дочь студентка! – знала цену этим обещаниям и клятвам мужчин!

Но у нее не должно было быть так!

А вот – случилось...

Надо держаться, чтобы не видно было хоть на работе, хоть чужим людям, – а как держаться? Вот осталась с дочкой – и чувствует она, что дочке не под силу выносить ее муку, ее ночные слезы. Она жалеет мать, но убегает, убегает из дома, эта тяжесть – не по ней, не для нее...

Даже близких Ирина сторонится – не хочет, чтобы видели, как ей тяжело, но и одиночество – невыносимо. Одно утешение – родное существо рядом. Дочечка...

Пришла она как-то с работы – дочки нет. Задержалась в институте, наверное...

Похозяйничала, ужин сварганила, самой есть не хочется, но вот придет дочь, вместе, подумала, что-нибудь проглотчу.

Ждет.

Стук в дверь – соседка:

– Тут телеграмму принесли, вас не было, меня попросили передать, как придете – видно, срочная...

В телеграмме было:

«Мамочка уехала Людой Москву два дня не волнуйся».

Всего несколько слов – а как кувалдой по голове...

Переваривала, переваривала – не переварила.

Совсем одну оставили. Ей бы самой куда-нибудь бежать, умчаться, но куда, как?

Такое отчаяние охватило! Да, в Москве есть знакомые, друзья есть, но как это можно – сорваться вдруг и с занятий, и меня бросить? Хотя – почему бы и не оставить на пару дней – отвлечься, отдохнуть... Трезвая мысль.

Но изнемогшая душа не принимает трезвых мыслей...

Ирина берет трубку. Взгляд на часы... 8 часов...

– Таня, ты можешь сейчас ко мне приехать?

– Еду. Буду минут через 15.

Отлегло...

Почему не подругам, не кузинам позвонила? Не могла. А ей смогла. Тане, ученице – десятикласснице, которая часто бывает у нее дома, с которой не было и не могло быть разговора о главном, хотя она знает (как все на работе знают – почувствовали, что с нею творится что-то, а что – догадаться нетрудно).

Наверно, исчезла улыбка – и глаза как у больной собаки...

Танечка – помощница и друг. У Тани дома тоже пусто – мать врач, работает за городом в санатории, отец давно живет отдельно и не очень интересуется. Таня – человек бессемейный. И ее притягивало семейное тепло, которое она ощущала в доме. Наверное, это главное. А может быть – и человеческое сочувствие, да просто привязанность...

Примчалась.

– Танечка, давай поужинаем вместе. Садись.

– А Ася где?

– Уехала в Москву. На два дня

Открыла рот – спросить – но не спросила.

Поужинали.

– А можно, я у Вас сегодня переночую?.. Я как чувствовала – что-то неладно, боялась, Вы заболели, даже взяла с собой сумку, могу у Вас и уроки на завтра приготовить... А утром вместе в школу пойдем, хорошо?

Ночью спала. Не просыпалась, слез не было. Сидевшее внутри

отчаяние свернулось клубком, притихло... Будто кто-то сказал – «Нельзя! Цыц!»

И пошел второй день одиночества, такой же, – как вчера...

Таня пришла опять, и опять сидели, готовясь к урокам, она – за своим столом, Таня – за обеденным. И Таня вдруг сказала:

– А знаете что, сегодня хороший фильм идет! Если успеем – сбегаем на десятичасовой сеанс?

И тут впервые Ирина улыбнулась. Заговорщически подмигнула Тане.

– А что? И сбегаем!

Фильм посмотрели. Даже немножко обсудили. А когда возвращались, подходили к двери – увидели съездившуюся фигурку на ступеньке...

– Ты давно?

– Нет. С полчаса. Ключ забыла захватить...

Зашли в квартиру, Таня собрала свою сумку, попрощалась и убежала.

Ирина стала стелить постель. Никаких вопросов.

Дочь молчала. Долго молчала. А потом вырвалось у нее:

– Мне очень жаль. Очень... Я такая дура! решила – поедем, где-нибудь переночуем, друзей много, по Москве побегаем... К Валентине попали в 10 вечера. У нее гости сидят. Она так удивилась! Мы же без предупреждения!..

А потом вышла с нами в прихожую и говорит: – У меня нет места сегодня, приехали родственники из Перми. Ни одного спального места, уж прости...

И мы ушли. Поехали к Леониду. Я Людку утешаю, она совсем скисла – я говорю, ну, тут дело верное! Без ночлега не останемся! Заходим – он на пороге хотел нас вытолкнуть – я решила, шутка, со смехом говорю – ну нет, не удастся вытолкнуть! И вдруг вижу... И у них люди – много людей! Сидят, ходят, шарят в шкафах... И такие, знаешь... Мама, у них – обыск! И нас допросили – кто мы, откуда, зачем явились... Леня и Рита, и все сидят, как аршин проглотили. Такой беспорядок вокруг...

Забрали несколько книг – в том числе Ахматову – он не хотел давать – у него вырвали из рук! А потом повернулся к нам и говорит –

Уходите! Тут случайным знакомым делать нечего! (это я потом уже догадалась – сказал для тех, кто делал обыск...)

И мы ушли. Ночевали на вокзале. Утром походили по Москве, но уж никакой радости не было. Один мрак. И дневным уехали обратно. Мамочка, прости меня!

И только тут она кинулась к матери, приникла к ней, обняла и зарыдала.

Ирина обняла ее. Так они сидели, поникшие.

Сироты.

У Самойлова – сороковые, роковые... А шестидесятые – проклятые?

Да нет! Не годы виноваты. Люди. Все дело – в людях... Такие мысли проносились в голове у Ирины, когда она сидела с дочкой молча, прижав ее к себе, поникнув головой.

Одиночество

Она бежала, задыхаясь от обиды, по дорожке в лес, начинающийся почти около дома. Первое время дорога была слабо освещена светом из окон ее дома. Она бежала, задыхаясь от гнева и обиды, не в силах справиться с неожиданным для самой эмоциональным всплеском от встречи, оказанной ей домашними.

Она вернулась домой после нескольких часов, проведенных в библиотеке. Сын говорил по телефону и не заметил ее прихода. Не ответил на приветствие. Не ответил на ее вопрос, где Нина: он говорил по телефону. Когда она потрясла его за плечо, он скинул ее руку и раздраженно сказал, подняв, наконец, на нее глаза:

– Ты не видишь, что я говорю по телефону, что ли? Нинка спит, – и вернулся к своему разговору.

Она пошла в кабинет к мужу. Он сидел в обнимку с компьютером. Несколько минут не замечал ее присутствия. Тогда она сказала:

– Здравствуй! Да ты погляди, любимая жена пришла!

Он не оторвался от компьютера, но ответил:

– А, пришла? Хорошо! Любимая жена пришла... Любимая жена, мне еще часок-другой надо посидеть, не сварганишь ли мне чашечку кофе?

И тут туго свернувшийся в душе нервный заряд взорвался...

– Сам сварганишь!

И – убежала из дома.

Впрочем, заметил ли кто-нибудь это, неизвестно...

Она бежала в лес. Бежала, потому что поняла, что дома ее никто не ждал, никому она не нужна...

Всего два дня в неделю она не ходила на работу с утра – и до пяти время посвящалось дому...

Он ждал этих дней! Он страдал от пренебрежения остальных членов семьи, пинающих его и загрязняющих... Только она в эти два дня занималась им – вплотную и любовно: убирала, расчищала завалы платьев в комнате дочери, отмывала, наводила порядок, стряпала – готовила и завтрак, и обед, и ужин на два-три дня...

В остальные дни она ему могла посвятить всего пару часов после работы...

Чтобы накормить свое «маленькое стадо».

Когда, взмыленная, становилась под душ, отмывала пот и все заботы, связанные с домом, а потом, забыв порою (как сегодня) поесть, мчалась в библиотеку, она испытывала одновременно чувство удовлетворения и освобождения. Несколько часов – до закрытия библиотеки – были часами радостной работы. Работая с книгами, отбирая, сравнивая, делая неожиданные находки, она жила в своем мире.

Книги – лучшие собеседники в мире! – думала она.

Закапываясь в материал все глубже и глубже, она никак не могла приблизиться к завершению своей диссертации, хотя некоторые товарки, менее подготовленные, менее способные, уже защитились...

А сегодня с нею что-то случилось. Она вернулась домой голодная и усталая, хотя и довольная проведенным днем – но встреча была так неадекватна ее ожиданиям, то есть – встречи вообще не было – ее не ждали.

Ей не радовались!..

Да, она давно уже заметила – домашние воспринимают ее как часть обстановки. Особенно муж и сын... Они заняты собой, своими делами, исчезли куда-то милые домашние вечера с шутками, рассказами о проведенном дне, о неожиданных победах – и о проблемах.

И все резче ответы сына на ее вопросы, и все реже приносит муж билеты в филармонию или в театр – а раньше это было часто...

Она давно уже сбилась с дорожки – или дорожка кончилась незаметно – и шагала между кустами и деревьями, натываясь на кочки и упавшие ветки, ничего не видя и ведя мысленный диалог (или, вернее, монолог) с мужем, с сыном. А обида все подбрасывала сучья в костер... пока, наконец, Оля не наткнулась на какую-то большую ветку и не упала. Вот тут она горько зарыдала.

Плакала она минут десять. Горькими, сердитыми слезами. Когда слезы иссякли, ее поразила тишина. Листья не шуршали, как обычно – полное безветрие... Тишина была не просто полной, но даже какой-то устрашающей. Она встала, отряхнулась и впервые подумала – куда же это я забрела, с какой стороны дом?

Дом, дом – впервые он представился ей не прожорливым существом, глотающим ее время, такое дорогое – но и маяком в жизни, в скитаниях.

Вот сейчас – куда ей идти, в какую сторону?

Так далеко она, кажется, никогда не забредала!

Маяк, подай голос!

Все та же тишина. Абсолютная, непривычная.

Ей стало по-настоящему страшно.

У нее не было внутреннего компаса, какой вырабатывается у много путешествующих людей. Она совершенно не понимала – куда забрела, и в какую сторону ей двигаться, чтобы попасть домой. «Заблудилась! – подумала она. – Как девочка Маша!»

Но двигаться надо было!

И она пошла.

Диалог с мужем постепенно утих. Исчерпался? Или стало не до того?

А может быть, охватившее ее одиночество как-то по-другому повернуло всю картину ее прихода домой, и обиду...

Она очень устала. И думала теперь лишь об одном – когда же ее хватятся?

Поймут ли – где искать?

Выбившись из сил, она присела на кучу листьев – и снова задумалась.

А во всем ли она права?

Не бывала ли и она порою резка, порою невнимательна к душевным движениям детей, к их стремлению к самостоятельности? Сын давно уже пытался вырваться из-под родительской опеки. Но она знала его характер, его душу. Они оба с мужем считали, что рано ему с его легкомыслием предоставлять полную свободу. Боялись, что забросит учебу – и муж этого не хотел...

Ну, а Нинулька пока еще нежилась в домашней обстановке, в маминой и папиной ласке, роль любимой доченьки ей еще не надоела... Но уже появились мальчишки. Во всяком случае, интерес к ним очевиден! Тут надо тоже направлять, но очень деликатно, незаметно...

А впрочем, как ее ни отговаривал отец – она вышла замуж по своему выбору.

Жалеет ли?

Проанализировав молниеносно 19 лет брака, решила – нет, не жалеет. Разумеется, от идеала он далек, ее муженек... Но, наслушавшись страшных историй от подруг, она решила – он лучше многих. При всех своих тараканах!

Но ведь и она тоже... при всей своей заботливости – жестковата. Нелегко идет на компромиссы!

(Она хотела быть честной с собой).

Между тем, становилось прохладно.

Да и под ложечкой сосало – последний раз ела утром. Что же

теперь делать? Неужели до утра придется маяться, бродить незнамо куда?
А утром что ей светит?

И тут вдруг она услышала далекий зов:

– О-ля! О-ля!

Он повторялся, удаляясь... Кажется, влево...

И повернувшись влево, она крикнула:

– Я тут! Я жду!

– Ма-ма! Ма-ма! – доносилось из чащи.

И снова она ответила...

– Я слышу тебя! Не двигайся! Мы идем к тебе! – орал во всю глотку сын.

И сразу на душе стало спокойно. Ушло одиночество... Она снова села – чтобы отдохнуть перед обратной дорогой... Может быть, она будет совсем не такой длинной...

Расставание...

А во сне он опять видел отца. Уже в третий раз.

Проснувшись, вспоминал: они гуляли в поле и разговаривали. Отец, как всегда, рассказывал о чем-то интересном. О неожиданной встрече с человеком, который оказался сыном... чьим сыном он оказался? Чьим?

Так и не вспомнил. Но вспомнил другой эпизод – как отец взгромоздил его на коня, как учил ездить...

И тут почувствовал, как слезы подступили к горлу. Вскочил, подбежал к двери и накинул крючок... Мама имела привычку заходить без стука.. А уж Люша – тем более.

Люша... Вытирая слезы подвернувшимся полотенцем, он вспоминал, как настойчиво Люша спрашивала, когда папа вернется из Америки? Ну когда, когда? Мне скучно без него! Знаешь, как я скучаю?..

И как он отвечал:

– Скоро, Люшка. Еще немножко подождать...

И переводил разговор на что-нибудь другое.

– Люша, а ты сделала рисунок для тети Нины? Ты же обещала!

И взмахнув ручонками, она убежала рисовать...

Мама... Первое время она как окаменела. Она ни с кем не разговаривала – ни с ним, ни с сестрой, ни с бабушкой... Даже Люшкой занималась совсем мало – скинула на него.

Он не знал, что горе может ТАК выражаться. Она как будто не понимала, что папы уже нет – совсем нет. И не будет. Никогда не будет...

Он утром поднимал Люшку, кормил, отвозил на велосипеде в детский сад, потом отправлялся в техникум.

И все чаще появлялась мысль – уехать бы... Все переменить... Уехать от воспоминаний, терзавших его душу. И от матери, застывшей в своей скорби...

Только вот ребенка жалко. На кого оставить? Конечно, тетя Нина подставила бы руки, как всегда подставляла, когда у них кто-нибудь заболел, что-нибудь случилось...

И все-таки – надо подождать. Пусть девочка чуточку подрастет... пусть мама придет в себя.

Думая так, он тянул ляжку – нелюбимый техникум, наполненная парами горя квартира.

Непохожая на себя мама. Раньше – смешливая, красивая, полная жизни – неужели ее делал такой отец – с его шумным оптимизмом, сумасшедшей любовью к детям, особенно к малышке, с его заботой и нежной любовью к маме?

Но вот – прошло уже два года. Мама стала больше похожа на себя прежнюю. Иногда громко смеялась, иногда играла с Люшкой... Только вот с ним у нее не ладилось. Он не оправдывал ее ожиданий. Он не был послушным сыном!

Он ночами читал. Утром спал, нередко пропуская техникум.

Он не был похож на отца. Совсем!

Он тосковал об отце.

И иногда беседовал с ним во сне... Почему так редко, папа!

Он встал поздно, в техникум не пошел. Днем ушел – оставил матери записку, что зайдет за Люшей в детский сад. Бродил по городу, мысленно прощаясь с ним. Решение уехать уже почти пришло. Семья тяготила его. Не семья даже – квартира, вся наполненная воспоминаниями...

Ребенка он любил – это от отца. Он знал, что отец как будто завещал ему Люшеньку, любимую и долгожданную. Да и сам любил ее пухлые ручонки, ее большие голубые, как у мамы, глаза (а у отца были карие!), любил ее милую неуклюжесть и звонкий голосок – всю ее любил. Из-за нее и медлил с отъездом!

Незаметно прошло несколько часов скитаний по городу – по местам, в которых бывали с отцом – и он направился к детскому саду.

И тут его ждала печальная новость. Люшка упала и не то сломала себе ножку, не то повредила. Он схватил девочку на руки и побежал с нею в поликлинику, которая была рядом.

Рентген показал – трещина кости. Наложили гипс.

Слез было! Больше от страха, чем от боли – так сказал доктор.

И с Люшкой на руках – а тяжеленькая же ты, девчужка! – и рассказывая ей сказку, чтоб унять слезы, пришел с нею домой.

Мамы не было.

Он накормил девочку и поел сам, раздел ее, уложил и сел рядом читать ей сказку. В этот раз читали «Аленький цветочек». Слушала трепетно, то улыбалась, то слезы появлялись... И вдруг – он услышал, как дверь отворяется ключом – мама.

– Что с Люшей? Мне позвонили на работу из детского сада... Что с ножкой?

– Ничего страшного, мамочка. Трещина кости, не перелом. Вот, загипсовали. Через дня два сможет даже в садик пойти..

И тут мама заплакала. Оттаяла, значит. Потом уж понял – чего она только не передумала, пока бежала домой...

Успокоившись, подошла и поцеловала его... (Это за Люшу...)

А потом уже села рядом с дочкой – и началось воркование...

Снова отъезд откладывался. Не мог же он оставить их сейчас...

А желание все разгоралось. Он уже списался со Сталинградским

техникумом о переводе на такое же отделение, уже готовился внутренне к отъезду...

Наконец, гипс сняли, девочка может ходить, через два-три дня – прыгать и танцевать на занятиях по ритмике...

Но вот вечером мама с работы пришла не одна.

– Знакомься, сын. Это Борис Николаевич. А это мой сын Витя.

Потом пили чай, вели светскую беседу...

Боже, какая ненависть к этому человеку взвилась ярким пламенем в душе Вити!

Он старался не показать, правда, выпив полчашки чаю, отклонялся, сославшись на дела, и ушел.

Мужчина! В маминной жизни – другой мужчина... Невыносимо... Как могла? Еще и двух лет не прошло ... А как он смотрел на нее! Как кот на сало!

Он, пожалуй, красив. Высок. Чуть прихрамывает. Вежлив, воспитан... Тем хуже!

Бегал по улицам часа два. Зашел к другу – хотел проситься переночевать. Но увидел – негде. Посидев полчаса, распрощался... Поздно ночью вернулся домой. Тихо открыл дверь ключом...

Но мама не спала. И вышла к нему.

– Витя, ну что же ты?.. Отчего ты убежал?

– Освободил место.

– Да с чего ты решил? Ничего же нет! Что же, мне и знакомых нельзя иметь?

– Таких – нельзя!

– С чего ты взял?

– Видел, как он на тебя смотрит!

– Витя, это твои 18 лет в тебе играют. Все твое воображение!

– Пусть так. Не хочу! Не хочу! Не хочу!..

Прошло две недели. Гость больше не появлялся. Мама терзалась – то рвалась говорить на запретную тему, но он отвергал все попытки, то

молчала...

И Витя понял: все. Пора пришла.

– Мама, я через неделю уезжаю. Перевожусь в Сталинградский тракторный техникум. Обо всем договорился. И о месте в общежитии тоже. Жить буду на стипендию и на папину пенсию. Думаю, он бы одобрил – там очень хороший техникум. Лучше нашего нашего. Буду часто писать и тебе, и Люшке. Как только устроюсь – вышлю адрес...

Мама не сказала ни слова. Только лицо ее снова... как будто окаменело.

Витя понял – нанес ей удар.

Страшный!

– Мамочка... Я вернусь! И на каникулы буду приезжать...

Она молчала.

– Мама, я задумал этот перевод давно. Ждал, пока Люшка подрастет... Если удастся, буду вам с Люшкой оттуда помогать – может, устроюсь на работу... Ну не молчи же так! Поверь – это не потому.....

Витя в Сталинграде учился усердно, нашел подработку. Появились друзья. От сердца отлегло.

А с другой стороны – тревога не отпускала. Послал маме денег – она отослала обратно. Он снова послал со словами «для сестры».

Писал письма – Люше смешные, со сказочками, маме – короткие, о быте, об учебе.

Мама почти не писала. А Люша... Люша написала письмо:

«Дарагой братек я тебя цилую и скучаю. мама тоже дядя боря мне купил куклу а папа из америки прислал картинки и книшку пиши мне»

Диана Беребицкая

По тексту

Совсем бы чуть-чуть поднапрячься еще,
Да время умаялось щелкать бичом,
И – поздно. Теперь не поспеть нипочем
К раздаче медалей.
Не летчик, не Байрон, не бел и не черн,
Короче, хотя ты совсем ни при чем,
И точно бы лучший удел предпочел,
Тебя сосчитали.

Нагрели. Смогли заманить калачом.
Ты пойман, посаженный «на горячо»,
И в шкурке лягушечьей ты запечен –
Сосискою в тесте.
И нянчишь нечаянный свой незачет,
А жизнь равнодушная мимо течет,
Не то, чтобы так, как рассчитывал черт,
Но – дальше по тексту.

А дальше – судьбы нарастающий гул,
Нахлынет, закружит, у горла, у губ,
И больше не важно, какой ты бегун,
Талант или бездарь.

...Ты в солнечный сгусток собьешь пелену,
Судьбе не позволишь себя обмануть,
Ты выпрыгнешь. Жаль только юных минут,
Сорвавшихся в бездну.

Марина Симкина

Год прошедший

Он старался от всего сердца,
Суетился, пыхтел, вертелся.
От зимы к зиме долгим рейсом
Дни отстукивал, как по рельсам.

А запомнится год – виноватым:
Подкачали иные даты.
Где-то выбоины, где-то кочки,
И кому-то не дал отсрочки...

Он старался – не смог иначе.
Но кому-то послал удачу,
Оказаться сумел полезным?!
– Друг избавился от болезни.

А другой – обзавелся дочкой,
Мы с тобой обменялись строчкой.
А не будь его – не смогли бы..
Скажем прошлому году спасибо!

Александр Радовский
Часы и мастер

*Одноактная пьеса для одного актера
Действие происходит в Израиле в конце XX века.*

Обычная гостиная израильской квартиры средней руки. Единственная вещь, которая выделяет ее из других, – огромные, в человеческий рост, напольные часы. Герою пьесы, Меиру, уже за восемьдесят, он больной, сильно хромает и имеет привычку разговаривать с людьми, которые умерли.

Оставь меня в покое! Сколько человек может пить?.. Это если у него здоровые почки и мочевой пузырь! А у меня... Но я уже выпил три стакана! И мне надо, наконец, позвонить Янкелю, а ты все утро... Хорошо, хорошо, выпью.

Идет на кухню и возвращается со стаканом воды.

Я уже принимал... И аспирин принимал. И кальций. ...Ты уверена? Странно... Ладно, но сначала поговорю с Янкелем и... Но что уж такого страшного случится, если я приму через полчаса?.. Хорошо, хорошо, хорошо...

Глокает таблетки. Звонит телефон.

Меир Каценельсон слушает... Кто?.. Не помню... Дов Лихт? Конечно, помню! Так это твой дед? У него были отличные часы, швейцарские, «Лонжин», но кто-то из внуков... Так это был ты? Хулиган!.. Хороший был человек, благословенна его память. Теперь таких уже не делают. Да и часов таких теперь не достать... Так что ты хочешь от меня? Ведь не ради часов ты звонишь? Верно?.. Что значит: «часов, но не этих»?.. Да, есть.

Смотрит на напольные часы.

Это часы замечательные, можно сказать, единственные в мире. Их сделал рабби Меир из Глухова. Он был великий рав и великий мастер. Гениальный часовой мастер. Слышал про него? Эх ты, а еще внук Лихта. Про каких-нибудь вшивых футболистов ты, небось... Впрочем, что тут говорить, у меня у самого внук футболист. То есть был, пока не повредил ногу... Да, Алон Каценельсон мой внук... «Великий»? Великий бездельник! Что он умеет, кроме как пинать мяч? И кому он сейчас нужен с такой ногой? Я сам хромой, но это у меня врожденное, и я за чужой счет никогда не жил. А его кто будет кормить всю жизнь? Ладно, мне некогда. Так в чем дело? И откуда ты пронюхал про эти часы?.. Ясно. Так вот: передай своему вшивому миллионеру, что этих часов ему не видать, как своих ушей... Даже за миллиард долларов. На кой мне этот миллиард? Я одной ногой в могиле... Слушай меня внимательно. Я старый больной еврей. И я кое-что повидал в жизни. Человек должен работать! Понимаешь? Работать! Но не ногами! Работают – по крайней мере евреи – головой и руками! Все!

Вешает трубку.

А... теперь ты... Послушай, Залман, мало того что Клара меня все утро донимала, так и ты туда же... Надо же – первый раз за сто лет дождался от тебя похвалы, видно и впрямь Машиах вот-вот... А ты обо мне что думал? Что я променяю часы рабби Меира на какие-то вшивые доллары?.. Ага! Вылезло наконец-то шило из мешка: Хана! Когда ты был жив, ты... Послушай, Залман, ты думаешь, я не знаю, что ты до сих пор не можешь мне простить, что Хана хотела меня, а не тебя?.. Я тебе сто раз говорил: я женился на Кларе не потому, что она была богата, и не женился на Хане не потому, что она была бедна. Праправнучка самого рабби Меира – это стоит больше любого богатства... А что, по-твоему, я этого тогда не

понимал? Я, может, не такой умник, как ты, я всего лишь часовщик – рабби Меир, кстати, тоже был часовщиком и не кантовался за счет общины, как некоторые, – но элементарные вещи понимаю даже я... Да потому что Хана хотела сделать из меня великого рава, второго рабби Меира! А я не гожусь! Не способен! Я просто часовщик! А ей надо было вылепить своими руками – как ее прапрабабка, тоже, кстати, Хана, – из часовщика великого рава. Но у рабби Меира были для этого данные, а у меня нет! И у тебя, видно, тоже – раз ничего особенного из тебя не вышло, хоть ты ни на что, кроме Торы, времени не тратил. Ты уж прости... Не спорю. Но таких могучих орлов, как ты, в вашей йешиве было еще человек сто и она... Прекрасно! Если тебе хочется верить, что я женился на Кларе из-за денег, на здоровье! Если за гробом, конечно, есть здоровье... Да потому что Клара любила меня таким, как я есть! И ничего не требовала... Ну, хорошо, допустим, что жена должна требовать. Пусть не требовать – подталкивать. Тянуть. Твоя Фейга тебя и тянула, и подталкивала – и куда она тебя вытянула? На какую-то такую высоту?.. Послушай, Залман, всю жизнь ты пытался переделать меня по своему образу и подобию и тебе это не удалось. Почему ты думаешь, что после смерти у тебя это выйдет лучше?.. Но я не верю! Понимаешь? Не верю!.. Ну и что из того, что старший брат? Оттого что тебе нет покоя за гробом, я должен изображать набожность, которой нет?.. Да оставь ты мою душу! Она моя! Я тебе больше скажу, и можешь это передать по инстанции: если бы я да был религиозным, – пообщавшись с тобой, я бы уж точно стал атеистом!.. Потому что в твоей вере нет души, вот почему. У Янкеля есть, я даже завидую, а в твоей вере нет. Она у тебя какая-то дигитальная... Я имею в виду, что и у часов, у настоящих часов – есть душа. А у дигитальных нету. Прыгают там всякие электроны, как блохи на собаке... И чего тебе неймется в могиле, не понимаю. Лежал бы себе да отдыхал. Хотя нельзя сказать, что в жизни ты уж очень перетрудился... Да-да. Конечно. Молился, учился, все исполнял. Но рабби Меир тоже молился, тоже учился и тоже все исполнял. Но при этом он еще и работал! И РАМБАМ, и старый Гиллель и... Ну если ты и впрямь такой праведник, почему тебе за гробом нет покоя?.. Из-за меня. Будь здоров! Мне некогда!

Рувен? Привет. Меир. Слушай, позвонил мне Нир, внук Дова Лихта. Говорит, что ты рассказал ему про часы рабби Меира. Во-первых, зачем ты первому встречному, а во-вторых, если рассказываешь, так хотя бы не перевирай!.. Да почти все переврал! Эти часы никогда не принадлежали никакому графу! Рабби Меир сделал их специально для нашей синагоги, и там они простояли сто лет, пока не пришли немцы... Откуда мне знать, как они попали в Израиль? Я знаю, как они попали ко мне. Случайно. Я был в Яффо, по ошибке зашел не в ту лавку... Какой-то старьевщик-араб. И первое, что мне бросилось в глаза, – эти часы. Они были испорчены, и стекла разбиты, так что он отдал их мне за бесценок, доставка обошлась дороже... Конечно, рабби Меира! Неужели я их спутаю? Я их с детства помню, сто раз рассматривал, если не тыщу! Я только не знал, что и механизм у них уникальный. Я ведь на своем веку перевидал часов больше, чем ты людей. А такого механизма не видел. Ни разу! Пока разобрался, как он работает, – два месяца прошло, если не больше... Говорю тебе: он был гений! Не только гениальный раб, но и гениальный мастер... А починка оказалась совсем простая, только стекла не стал вставлять... Ходят точно. Ты не поверишь, но они живые... А то это значит, что они тикают по-разному в зависимости от моего настроения и могут идти даже без завода. Когда я в больнице был – две недели, не шутка – не остановились и не отстали... Конечно, противоречит! Но законы природы – это одно, а рабби Меир – это... Янкель, например... Что значит, какой Янкель? Мой Янкель, с которым мы росли вместе! Ну, ты еще синильнее, чем я. Ну и что? А гройсе зах¹ – семьдесят лет! Да сегодня каждому цуцику семьдесят... Янкель, из Тель-Авива, высокий, в кипе, он приезжал ко мне в больницу вместе с женой, с Маргалит. Йеменитка² у него жена, ты еще потом сказал: «Какая красивая женщина – даже в старости, и шрамы ее не портят». Они пришли, а ты как раз уходил, спешил к внукам. Янкель и Маргалит... Вспомнил? Слава Богу, доехало. Так Янкель, он нисколько не

¹ Великое дело! (идиш).

² Еврейка из Йемена или потомок йеменских евреев.

удивился, что часы столько времени шли без завода, хотя в физике смыслит больше нас с тобой вместе взятых. Правда, он религиозный. Но это не имеет значения. Значение имеет, что он понимает, кто такой рабби Меир.

Конвертин я уже принимал! Ты же видишь, что я разговариваю!

Это я не тебе... С Кларой... Ну, конечно, умерла, ты же был на похоронах. Но она и за гробом продолжает давать мне инструкции. Руководить дураком-мужем – это сладко даже после смерти... Допустим, что я действительно спятил. Ну и что? В нашей вшивой демократии уже и это противозаконно? У нас полстраны с приветом, мы древний народ, у нас много сумасшедших. Ну и я не без этого... Передам, я с ним каждый день почти... По телефону, конечно. Янкель очень болен, очень. Когда с Маргалит говорю и он не слышит – она плачет, а она не из тех баб, что плачут. И подполье вместе с ним прошла, и Войну за независимость, и потом – сколько секретных операций, о которых они не говорят... Сердце сдает. Мотор... И что, он действительно классный врач? Тогда дай телефон. Подожди, я найду очки. Вечно они куда-нибудь...

Клара, где мои очки? ...Как они могут быть в холодильнике? В холодильнике я уж точно их... ...Хорошо, хорошо, проверю.

Открывает холодильник и находит очки.

Ты знаешь, Рувен, она-таки да права. Они были в холодильнике. Диктуй... Спасибо. Дай-то Бог, чтобы... Да не заводила их Таня! Я спрашивал. В больницу ко мне она ходила – да, а в пустую-то квартиру – зачем? Часы заводить? Ей за это не платят. – Клара, я тебя умоляю, у меня важный разговор!.. Ладно, Рувен, я прощаюсь. Привет Циле. Сейчас же звоню Янкелю.

Вешает трубку.

Послушай, Клара. Что тебе эта бедная Таня сделала? Тихая домашняя женщина, не сучка. И в Израиль-то она приехала уже после твоей смерти... Да она мне в дочери годится, если не во внучки!.. Не сходи с ума, честное слово! Женские прелести меня уже давно не волнуют, я уже пятнадцать лет на полшестого. Когда у нас было последний раз, ты не помнишь?.. Потому что она в тяжелом положении, вот почему! Учительница, а вынуждена полы мыть, пыль вытирать и ухаживать за человеческой рухлядью вроде меня – конечно, мне ее жалко. К тому же дочка больная и с сыном проблемы... Неужели ты не видишь, что она не только ради денег, а по-человечески? Женщина в одиночку бьется, да неужели я такая сволочь, что не помогу? Чтобы у нее хотя бы своя крыша над головой была!.. Да я ей сам сказал: начнешь возвращать, когда встанешь на ноги. Не раньше... А нам сколько людей помогали? Забыла? Про Янкеля я не говорю, мы с ним как братья, то есть он мне в сто раз ближе, чем Залман, – я не про него! Ясно, что он мне помог. А в Сибири? Если бы тамошние люди нам не помогли, да мы бы в живых не остались! В первую же зиму... Послушай, что я тебе скажу. Перестань меня ревновать. Сорок лет ты меня ревновала к Хане, благословенна память праведницы, а теперь привязалась к этой бедной Тане. Лишнее это. Я ведь тебе ни разу не изменил. Ни разу. И ни разу не солгал. И перестань доказывать мне, себе и всему свету, что я правильно сделал, женившись на тебе. Бога ради перестань. Я сам это знаю!.. И что такой преданной и заботливой жены... Но перебарщивать не надо! Ты ведь и в могиле будешь командовать: «Не лежи на левом боку! Вредно для сердца!»... Ладно, мне некогда, надо Янкелю позвонить. Прости. Я устал от этих разговоров.

Но, прежде чем он успевает взять трубку – телефонный звонок.

Алло! Меир Каценельсон слушает... Я, наверное, потерял счет времени, у стариков это бывает. Сегодня что – первое мая? Или седьмое ноября? Раз ты отцу звонишь – не иначе, как у вас какой-нибудь пролетарский праздник... Ну не пролетарский, так социалистический... Такие

утешительные новости, а ты молчишь?! Вместо того, чтобы порадовать папочку?.. И давно это? Я имею в виду разочарование в социализме?.. Что значит: «Никогда не был рьяным социалистом»? Ты писал, убеждал, приносил речи... Наверное, я и вправду упрощаю. Очень может быть. Я ведь не профессор. Сейчас, интересное дело, очень многие пламенные борцы стыдятся своего прошлого. Где красные флаги, где первомайские демонстрации? Социализм сегодня вроде сифилиса, которым переболели в молодости. Ваш вшивый Маркс, наверное, в могиле переворачивается... Что он мне сделал? Что он всему миру сделал, выкрест паршивый!.. Будем считать, что идеологическая часть нашего общения закончилась... Живу. Что уже хорошо. Дома, а не в больнице или еще где-нибудь. Что тоже немаловажно... За последний год дважды. Первый раз три дня, второй – две недели... Какая тебе разница, почему? У стариков болезней хватает... Но ты ведь не за этим звонишь, верно? Так давай ближе к делу. Мне надо Янкелю звонить. Кто плох, так это он. И так?.. Шустрый малый, этот юный Лихт. В деда. Интересно, как он тебя нашел. Впрочем, это совсем не интересно. Часы рабби Меира останутся у меня! А после моей смерти – пойдут в синагогу. Где им и положено быть... Я знаю, что большие деньги... А зачем они мне? В могилу?.. Ах, потомкам! «Люди оставляют потомкам»... Сколько раз ты был на маминой могиле за эти два года? И сколько остальные наши потомки? И на моей могиле будете не чаще. А про кадиш и говорить нечего... Ну и что, что неверующий? Еврею после смерти положен кадиш. Одиннадцать месяцев, три раза в день... Еще бы! В Мюнхен слетать на какую-нибудь вшивую конференцию или в Оксфорд – как же, как же! Будут поливать Израиль грязью, а профессор Каценельсон не поучаствует? Без еврейских запевал у антисемитов совсем не то удовольствие... И в какую же историю он влип? С меня достаточно, что он влип в футбол... Я знаю, что я ретроград, но вот что отстал от времени – тут ты ошибаешься. Часовой мастер – это... как бы тебе объяснить попроще, чтобы ты понял... часовой мастер – это часовой времени... Нет, не то... У него со временем такие же, не побоюсь сказать, интимные отношения, как у скрипача с музыкой. Тем более если ему посчастливилось заполучить часы рабби Меира. Это как для скрипача Страдивари. Пока они тикают, и я тикаю... Ну, хорошо, он влип, а я-то причем? Я, что ли, его воспитывал? С

меня довольно, что я тебя воспитал так, что ничего путного делать не умеешь. Только болтать и лгать, людей обманывать. Еще слава Богу, что фамилия довольно распространенная, не все знают, что приват-профессор Аарон Каценельсон... Уже полный? Тем более: что полный профессор Аарон Каценельсон – сын часовщика Меира Каценельсона... Я так понимаю, что сынок твой ночей не спит, как, мол, там любимый дедушка? Здоров ли? Или снова в больнице?.. От беспокойства, наверное, и влип в эту историю... Циник? Я циник? Я?? Знаешь, Арончик, это как если бы золотарь в рабочей робе вошел в ресторан с претензией: «У вас тут не чисто»... Я понимаю, как тяжело тебе это выслушивать, но денежки важнее, верно? Кстати, я заметил, что многие пламенные социалисты денежки любят еще нежнее, чем социализм. В социализме они, бывает, разочаровываются, а в деньгах – никогда. Ладно, поговорили и будет. Мне надо Янкелю звонить.

Вешает трубку, но прежде, чем набрать номер:

Послушай, Клара, потом! Я должен наконец позвонить Янкелю!.. В чем это, интересно, я несправедлив? Что он на твою могилу ни разу не пришел? Или что свою страну поливает грязью? Ах, «другое мнение»!.. Если бы другое мнение, я бы слова не сказал! Но мнение – это одно, а прямая ложь и фальсификация – это совсем другое! Его профессор Джонсон за руку поймал на наглom искажении фактов. Не еврей, заметь, лицо незаинтересованное. Бен Гурион писал и заявлял, что он против, а наш Арончик врет, что он был за. Арабы вырезали сто двадцать семь евреев, а наш сынок пишет: «Во время волнений погибли пятнадцать человек». Каких человек? От чего погибли?.. Мне Янкель сто мест таких показал, он же нашу историю своими руками делал! И, главное, поймали тебя на лжи, так извинись! Но нет! Продолжает лгать! Все эти новые историки... Да, верно, я прививал ему вкус к истории. Я и сейчас считаю, что история – важнейшая из наук. Но ко лжи я ему вкус не прививал! Ты слышала от меня хоть одно лживое слово? Хоть раз?.. Не надо мне твоих дурацких капель! Я выпью эти капли, и мой сын перестанет лгать? Верно сказал Ишайя: «Погубители и разрушители твои из тебя же и выйдут!». Только

когда я это читал, я в самом страшном сне не видел и не думал, что это про моего сына сказано. Это ваша порода, это он в твоего брата. Ему соврать было проще, чем высморкаться. Высморкаться – платок доставать надо. Я тебе больше скажу: если бы мы остались в России, наш Арончик и там бы сделал карьеру, хоть и еврей. Он ведь в любую задницу без мыла влезет и вылизет до блеска, не побрезгует. Сталин уж на что был антисемит, а умных и подлых евреев держал. Ценные кадры для режима. Ну и наш бы не сплеховал... Худо мне. Не передать, как худо... Ладно, чтобы ты была спокойна.

Капает капли и пьет.

Не буду я звонить Тане! Мне Янкелю... Только что, пять минут назад, ты ее с грязью смешала, а сейчас: «Звони Тане». И что я ей скажу? Что у меня сын подонок и я разволновался по этому поводу? У нее своих проблем выше головы.

Набирает номер.

Маргалит? Это я. Ну как он?.. Ну слава Богу! Дай мне его. Ну что, старичок? Скрипим помаленьку? Завод не кончился? Тикаем? Я этой ночью тебя во сне видел. Будто мы вместе готовимся к бар-мицве¹, почему-то в доме у Ханы. Только мы с тобой старые, а Хана – как я ее видел в последний раз, а мы с тобой старые, как сейчас. И ты меня просишь, чтобы ты читал первый. А я говорю: как это может быть? Моя глава «Ноах», а твоя «Лех леха», она ведь читается после! Мне следует быть первым! И рав Шимон не согласится. А ты говоришь: Меир, мне очень нужно, у меня пропадет сертификат² в Эрец Исраэль, а Эрец Исраэль важнее всех

¹ Религиозный обряд, совершаемый над еврейским мальчиком, достигшим 13 лет. Отныне он сам отвечает за свои действия перед Всевышним.

² Разрешение на въезд в Палестину, выдаваемое английскими мандатными властями.

раббаним. И все это меня несколько не удивляет, хотя я и во сне как бы знаю, что в Эрец Исраэль ты пробрался без всякого сертификата и даже мысленно увидел весь твой путь, как если бы проделал его с вместе с тобой. И Хана тоже просит: «Меир, пропусти Янкеля первым!»... Ну, конечно, согласился! Тебе кто-то мог когда-либо отказать? Во всяком случае не я... Ты знаешь, я часто думаю: если бы не моя хромота, решился бы я тогда все бросить и убежать с тобой? Наверное, нет. Мне всегда хотелось покоя, и никогда я его не имел. Такая ирония судьбы... Ну если за шиворот, то может быть. Тебе бы я отказать не смог... Ты знаешь, Хану я не видел во сне десятки лет. Когда мы вернулись в Польшу – чуть не каждую ночь мне снилось, как ее убивают и каждый раз по-разному. Но так явно! Кларе я, конечно, про эти сны ни слова, но она всегда знала, всегда, непонятно как. Можешь себе представить, что за жизнь у нас была. А когда я наконец узнал, как она погибла на самом деле... С тех пор сны эти как отрезало. И вот вчера увидел ее снова. «Меир, пропусти его»... Как молоды мы были! И как быстро все прошло, правда? Удивительно... Слушай, Янкель, у вас в синагоге как молятся? Я имею в виду: всерьез или хап-лап?.. Потому что я хочу отдать вам часы рабби Меира... Ничего не рано! На них уже зарятся! Готовы заплатить большие деньги... Например, мой сынок. Хотя он – дурак – не понимает, что у него они не будут ходить. Поговори там, ладно?.. Опять ты за свое! Ну не могу я! После того, что Он нам сделал, как можно в Него верить? Не постигаю! Я тебе честно скажу: я завидую тем, кто верит по-настоящему. Но сам – не могу. Ты же не хочешь, чтобы я на старости лет начал врать? Кому это нужно? Ему – в последнюю очередь... Ладно, сменим тему. Мне дали телефон врача, говорят, что он гениальный кардиолог, неплохо бы ему показаться, дай мне еще раз Маргалит.

Маргалит, слушай внимательно. Есть гениальный кардиолог. Говорят, что он делает чудеса. Рувена помнишь? Неважно. Его племянник был уже на том свете, когда... Маргалит, куда ты пропала? Что случилось? Что случилось, Маргалит??? Господи, только не это! Господи! Пожалуйста! Я прошу Тебя! Только не это! Возьми меня вместо него! Возьми меня! Я согласен! Ты слышишь? Вместо него! Я согласен!.. Маргалит, ты меня слышишь?.. Господи! Что же Ты делаешь, а? Зачем Ты это сделал?

Трубка выпадает из его рук и раскачивается на шнуре. Он плачет.

Я не хочу жить! Слышишь, Ты? Я не хочу жить!!!

Идет к часам и хватается за маятник, пытаясь его остановить. Но маятник продолжает раскачиваться, мотая тело старика из стороны в сторону. Тиканье часов становится все громче и громче, пока не звучит почти угрожающе. Он отпускает маятник и сидит на полу, тяжело дыша.

Ну ладно... раз так... ладно... значит не время... значит не время... значит не время... надо тикать дальше...

КОНЕЦ

Хайфа, 2004 год.

Эйтан Адам

Очень краткий очерк еврейской истории с географией

Приступая к этому очерку, я должен заметить, что на свете есть огромная библиография по еврейской истории, и моя работа ничего к ней добавить не может. Тем не менее, я считаю, что этот очерк совершенно необходим русскоязычному читателю.

Означенный читатель не спутает Владимира Ясное Солнышко с Владимиром Мономахом, Ивана Калиту с Иваном Грозным, Отечественную войну 1812 г. и Великую Отечественную войну (надеюсь, я не ошибаюсь). Что касается истории Европы или США, то и здесь познания читателя не нулевые.

Но, в силу обстоятельств, еврейская история осталась для подавляющего большинства русскоязычных за кадром. Такие понятия, как период Первого Храма (как и Второго), династия Хасмонеев, хасидизм или Эцель не говорят им ничего, а географический объект Самарія (город и область) ассоциируется с Самарой.

Таким образом, предлагаемый очерк призван заполнить эту лакуну и дать русскоязычному читателю минимальные знания необходимые для понимания тех или иных текстов. Приятного и познавательного чтения!

География

Все названия в этой части очерка относятся к географическим объектам, а не к политическим образованиям.

Я использую слово Страна (или Страна Израиля). Долгое время общепринятым названием было Палестина (и среди сионистов тоже). Но в наше время это слово приобрело определенный политический оттенок.

В древности Страна Израиля называлась Ханаан (*Кенáан*). Границы Ханаана определить не так-то просто.

На юго-восточном побережье Средиземного моря есть очень древние города – Тир и Газа. Расстояние между ними по прямой чуть более

200 км. Общепринято считать, что северная граница Ханаана начиналась южнее Тира, а южная граница начиналась южнее Газы. Таким образом, западная граница определяется по берегу Средиземного моря.

Великий Сирийско-африканский разлом проходит почти точно с севера на юг, но нас интересует лишь небольшая его часть – Иорданская долина. Река Иордан течет с севера на юг, впадает в Тивериадское озеро (озеро *Кинéрет*, поверхность в среднем лежит около 213 метров ниже уровня мирового океана), затем вытекает из него же и течет дальше до впадения в Мертвое море – очень соленое бессточное озеро. В наше время поверхность Мертвого моря лежит около 430 метров ниже уровня мирового океана.

От верховьев Иордана до южной оконечности Мертвого моря проходит восточная граница Ханаана, по прямой чуть более 250 км.

Северную и южную границы определить трудно. На севере Ханаан плавно переходит в Ливан, на юге в пустыню Негев. К востоку от Негева находятся горы Сеир. Негев и Сеир вместе назывались Идумея.

Таков Ханаан в узком смысле. Его ширина в самом широком месте около 100 км, в самом узком месте чуть более 40 км.

В широком смысле Ханаан включает территории к востоку от Иорданской долины (в т. ч. Голанские высоты) и Идумею.

Можно сказать, что Ханаан несколько длиннее, но весьма уже Карельского перешейка; короче и уже штата Вермонт.

Географически в Стране можно выделить 3 основные зоны с запада на восток:

- прибрежная равнина;
- невысокие горы;
- Иорданская рифтовая долина.

Море у берегов, как правило, мелководное, исключение – Хайфский залив.

Прибрежная равнина, в основном, узкая, но на юго-западе расширяется, образуя область Шефелá.

Северная горная область называется Галилея. Она отделяется от остальных гор Иезреельской долиной.

Далее на юг расположены горные области Самария и Иудея. Граница между ними весьма условна. Восточная часть Иудеи образует Иудейскую пустыню.

Иорданская долина является частью рифтового разлома, соответственно имеет очень крутые склоны. Большая часть ее лежит ниже уровня мирового океана.

Пустыни каменистые. Прочий ландшафт – в основном, кустарниковая степь. Деревья есть, но мало: растут иерусалимские сосны, кипарисы, дубы (которые чаще похожи на кустарники, чем на деревья), фишашковые деревья (тоже, скорее, кустарники).

В последние 100 лет были приложены колоссальные усилия для озеленения Страны, в т. ч. лесопосадками. Были интродуцированы альпийские горные сосны, австралийские эвкалипты и т. д. – с переменным успехом.

Вокруг Мертвого моря почвы засолены, богаты хлоридами и бромидами. Также нижние 60 км Иордана проходят по засоленной почве. В результате, и сама река, и ее притоки в этом районе соленые. Именно Иордан несет в Мертвое море большую часть его минералов.

Таким образом, этот район совершенно непригоден для жизни за исключением отдельных оазисов.

В XX веке началась добыча минералов из Мертвого моря самым простым способом – выпариванием. Параллельно человек стал все более и более использовать воды разных рек, и сегодня Мертвое море получает считанные проценты того количества воды, которое оно получало ранее. Уровень моря постоянно падает, и это превратилось в серьезную экологическую проблему.

За исключением Яркона, Кишона и Иордана, реки, скорее, похожи на ручьи и часто пересыхают, хотя зимой, в период дождей, возможны наводнения. В целом, осадков мало и выпадают они только зимой – правда, летом выпадает обильная роса. Жизнь и сельское хозяйство требуют экономного отношения к воде. На сегодняшний день 60% воды в Израиле – опресненная морская.

За исключением Мертвого моря, полезных ископаемых мало¹.

Но Страна является сухопутным мостом между Африкой и Азией, что постоянно влияло на торговые пути и на борьбу за них.

Проблемы хронологии

2 древних восточно-средиземноморских народа вели подробную хронологию – греки и евреи. Историки, в основном, опираются на греческую хронологию. Как ни странно, еврейская хронология короче²! Ниже я буду следовать еврейской хронологии, а расхождение с общепринятой указывать в скобках.

Следует отметить, что, с точки зрения историков, существовал «нулевой» год.

Еврейский и григорианский календари не совпадают не только по нулевой точке, но и по началу года – еврейский Новый год отмечается осенью, но и его начало не имеет жесткой привязки к григорианской дате. Все это создает дополнительные проблемы при сопоставлении дат.

Добавим к этому, что по гражданскому календарю дата меняется в полночь, а по еврейскому с заходом солнца.

История

Здесь будут изложены лишь те события, которые считаются большинством серьезных ученых более или менее бесспорными. К тому же, я стремился сделать очерк по возможности кратким, следовательно, будет представлен лишь краткий список наиболее значительных периодов и событий. Каждому из этих периодов и событий посвящены целые статьи в энциклопедиях, так что любознательному читателю придется обратиться туда.

Следует отметить, что большинство народов приписывают себе всевозможное героическое прошлое, и редко кто начинает свой исторический эпос со слов «Рабами были мы у фараона в Египте». Но достоверных

¹ Недавно нашли природный газ.

² Обычно народы, наоборот, добавляют себе время и правителей – например, шведы выдумали себе шесть первых Карлов.

данных о еврейском прошлом до вторжения в Ханаан нет.

Дата/период	Событие/период
1311–831 до н. э.	Период судей (племенных вождей).
1271 до н. э.	Вторжение еврейских племен («колен Израилевых») в Ханаан.
	<p>Еврейские племена захватили большую часть Ханаана и некоторые территории к востоку от Иордана. Каждое племя захватило определенную область, в частности, племя Иуда захватило большую часть области, позднее названной Иудеей. Тем не менее, отдельные ханаанские народы остались на месте в своих укрепленных городах. Весь этот период характерен войнами – как с соседями, так и междуособными.</p> <p>Наибольшей угрозой для евреев являлись филистимляне (<i>пелиштим</i> или <i>пелиштин</i>, откуда греч. Παλαιστίνη и лат. Palaestina), один из «народов моря». Они занимали территорию Шефела, базируясь на 5 городов – Ашдод, Ашкелон, Газа, Геф и Экрон.</p> <p>К концу этого периода у евреев окончательно закрепилось название Страна Израиля – <i>Эрец Исраэль</i>. Судья Саул объединил племена и был провозглашен царем Израиля.</p> <p>Единой власти до Саула не было, но был религиозный центр в городе Силоме (<i>Шило</i>).</p> <p>Начиная с этого периода и вплоть до периода Второго Храма, действуют и пишут пророки, борцы против язычества и социальной несправедливости, выступающие за строгий монотеизм и моральные ценности.</p>
896–876 (1025–1005) до н. э.	Царствование Саула.
875–836 (1004–965) до н. э.	Царствование Давида (зятя Саула), основателя династии дома Давидова.
	<p>Давид захватил у иевусеев город Салим (<i>Шалем</i>) на горе Сион¹, перенес туда столицу и переименовал его в Иерусалим (<i>Йерушалаим</i>). Он был удачливым полководцем, покорил весь Ханаан и захватил большие территории «от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата» –</p>

¹ Сион (*Цион*) – гора, ставшая символом и города, и всей Страны.

<p>имеются в виду либо крайний восточный рукав дельты Нила (ныне пересохший), либо ныне сухое русло Эль-Ариш в Северном Синае – и Евфрат в верхнем течении на территории современной Сирии. На юге была захвачена Идумея и получен выход к Красному морю.</p>	
831–421 (960–586) до н. э.	Период Первого Храма.
835–795 (969–930) до н. э.	Царствование Соломона. Пик экономического и политического могущества Израильского царства.
831 (960) до н. э.	Завершение строительства Первого Храма Соломоном.
<p>Святая святых Храма построена вокруг Камня Основания. К востоку от него был построен огромный жертвенник всежжения в 2 этажа высотой из необработанных камней.</p>	
793 (928) до н. э.	Раскол Израильского царства после смерти Соломона.
<p>Большая часть территориальных приобретений Давида потеряна. Только южные племена остались верны прежней династии, так образовалось царство Иудея (по имени главного племени Иуды). Остальные племена объединились в северное царство Израиль со столицей в городе Самария (<i>Шомерон</i>). По имени города вся горная область вокруг стала называться так же.</p> <p>Оба небольших царства время от времени воюют друг с другом и с соседями – с переменным успехом.</p>	
573 (721) до н. э.	Завоевание северного Израильского царства Ассирией.
<p>Изгнание большей части населения северного Израильского царства в различные части Ассирии. На их место были переселены другие жители. Смешавшись с оставшимися евреями, получился народ самаритян.</p>	
421–351 (586–516) до н. э.	Период Вавилонского плена.
421 (586) до н. э.	Завоевание Иудеи и разрушение Первого Храма Вавилонией. Изгнание большей части населения Иудейского царства в Вавилонию, часть населения бежит в Египет. Начало североафриканской (будущей сефардской) еврейской диаспоры.
369 (538) до н. э.	Персия захватывает Вавилонию. Декларация Кира II о праве евреев вернуться в Иудею и восстановить Храм.

<p>Именно в вавилонском плену происходит мощная религиозная монотеистическая консолидация народа, появляются первые молитвенные собрания (будущие синагоги). Возвращение в Сион становится одним из главных религиозных устремлений.</p> <p>По возвращении отвергнуты попытки самаритян объединиться. Организуется Великое Собрание (<i>кнэссет гдола́</i>) как для религиозных вопросов, так и для самоуправления.</p> <p>Но лишь часть евреев возвращается. Начало восточной еврейской диаспоры.</p> <p>Следует отметить, что с этого времени понятия «еврей» и «иудей» следует считать синонимами.</p>	
369 (538) до н. э. – 70 н. э.	Период Второго Храма.
351 (516) до н. э.	Завершение строительства Второго Храма.
317 (332) до н. э.	Завоевание Иудеи Александром Македонским.
<p>Империя Александра Македонского распадается. Эллинизация Ближнего Востока.</p> <p>Иудея подпадает под власть Египта, затем Сирии. Еврейское население увеличивается и распространяется за пределы собственно Иудеи. Иудея пользуется широкой автономией, управляется первосвященником и Великим Собранием (будущим Синедрионом).</p> <p>Синедрион, ставший советом мудрецов, в первую очередь занимается толкованием религиозного и светского закона (в то время между ними не было разницы). Таким образом, это верховный законодательный и юридический орган. Его исполнительные и судебные функции в разное время по-разному ограничиваются государственной властью.</p>	
300 до н. э.	Завершение Танаха ¹ Великим Собранием.
166–142 н. э.	Маккавейские войны.
<p>Попытки Антиоха IV Эпифана эллинизировать богослужение вызывает восстание. Восстание начал священник Маттафия Хасмоней и 5 его сыновей, в т. ч. Иуда по прозвищу Маккавей, ставший предводителем восстания после смерти Маттафии. Всех повстанцев стали называть Маккавеями.</p>	

¹ Не путать с Ветхим Заветом! Танах – самостоятельная еврейская религиозная книга, Ветхий Завет – ее христианский вариант.

<p>В результате продолжительной вооруженной борьбы, заручившись союзом с Римом, Маккавеи добиваются независимости. Последний выживший из сыновей Маттафии Шимон основывает царскую династию Хасмонеев. Он же становится первосвященником. Также и его потомки – цари-первосвященники.</p> <p>Грамотность и религиозное образование в том или ином объеме становятся нормой еврейского мужчины (и среди женщин грамотность не редкость). Синагоги становятся местами как богослужения, так и обучения. Синедрион становится центром учености, религиозного диспута и формирования иудаизма.</p>	
137 до н. э.	Очищение Храма от язычества, повторное освящение и возобновление богослужения ¹ .
134–104 до н. э.	Царствование Иоханана Гиркана. Завоевание Моавы (к востоку от Мертвого моря), Северной Иудеи ² , Самарии и Нижней Галилеи. Насильственное обращение идумейцев в иудаизм.
103–76 до н. э.	Царствование Александра Янная. Продолжение завоеваний на побережье и к востоку от Иорданской долины.
<p>Почти вся Страна объединена и называется Иудея. Но население крайне неоднородно. Только область Иудея заселена почти исключительно евреями, а Идумея – более или менее «своими» идумейцами. В Галилее население лишь наполовину еврейское. В Самарии большинство остается за враждебными самаритянами. В остальных областях население враждебно-языческое.</p>	
63 до н. э.	Помпей подчиняет Иудею Риму.
<p>Римляне ограничивают местную власть, оставляют за Иудею только области Иудею и Галилею – тем самым, разделяя ее территориально. Народ, вкусивший независимости и ненавидящий язычников, часто бунтует.</p>	
36–4 до н. э.	Царствование идумейца Ирода I, пришедшего к власти после переворота с помощью римлян.
<p>Вновь разделяются должности царя и первосвященника. Ирод полностью лоялен Риму, и при нем римляне вновь подчиняют ему почти всю Страну. Ирод – кровавый тиран, но и серьезный государственный деятель, много строит. В частности, полностью перестраивает</p>	

¹ Этому событию посвящен праздник Ханука́.

² Южную Идумею захватили набатейцы.

Храм, укрепляет Иерусалим, строит новые города и крепости, в т. ч. Кесарию и Массаду.	
6 н. э.	Превращение Иудеи в римскую провинцию.
75 до н. э. – 8 н. э.	Жизнь и деятельность законоучителя Гиллеля, основателя школы фарисеев.
50 до н. э. – 30 н. э.	Жизнь и деятельность законоучителя Шаммая, основателя школы саддукеев.
Следует отметить, что обе школы относятся друг к другу с величайшим уважением. При этом, саддукеи, как правило, поддерживаются властями и элитой, а фарисеи более популярны в народе. В конце концов, победила школа фарисеев.	
? – 67 н. э.	Жизнь и деятельность апостола Павла, де-факто основателя христианства.
Христианство откололось от иудаизма и быстро превратилось в мощную глобальную религиозную концепцию. Следует отметить, что религиозный антисемитизм долгое время был частью ее учения. «Торжествующая церковь» над «поверженной синагогой» на практике означала всевозможные методы дискриминации, а нередко требовала и насильственного крещения. До середины XX в., до Холокоста, лишь отдельные христианские деятели выступали против антисемитизма, и лишь после Холокоста большинство христианских церквей официально осудило антисемитизм.	
66–73 н. э.	Великое восстание – Иудейская война.
Еврейские погромы в городах Римской империи, жестокое подавление восстания, триумф в Риме (позднее построена арка Тита). Значительная часть населения истреблена, большое количество вывезено в рабство, в основном, в Италию – начало европейской (будущей ашкеназской) диаспоры.	
67	Иудейский военачальник Иосиф бен Маттафия (будущий историк Иосиф Флавий) переходит на сторону римлян.
68	Член Синедриона р. Иоханан бен Заккай бежит из обреченного Иерусалима, сдается римскому командующему Веспасиану, предрекает ему императорскую власть и в награду получает возможность собрать уцелевших мудрецов в маленьком городе Явне.
70	Разрушение Второго Храма и всего Иерусалима.

70	Р. Иоханан бен Заккай восстанавливает Синедрион в Явне.
73	Падение Массады – последнего оплота повстанцев.
10–500	Талмудический период, кодификация Мишнй, Иерусалимского и Вавилонского Талмудов.
Лишенный официальной власти Синедрион продолжает действовать, сначала в Явне, потом в других местах. Параллельно часть мудрецов перебирается в Вавилонию.	
115–117	Во время Парфянского похода восстают евреи диаспоры в восточном Средиземноморье – «Вторая Иудейская война». Жестокое подавление.
132–136	Восстание Бар-Кохбы в Иудее. Жестокое подавление.
135	Римляне переименовывают Иудею в Сирию-Палестину – <i>Syria Palaestina</i> , – желая стереть с лица земли само имя мятежного народа.
Систематические гонения на еврейские религиозные обряды, в течение некоторого времени было запрещено даже обрезание. На месте Иерусалима построен совершенно языческий город Элия Капитолина, куда доступ евреям запрещен. Евреев систематически выдавливают из Страны, но некоторое еврейское присутствие в Стране остается всегда, несмотря ни на какие гонения. В течение всего рассеяния (и по сей день) евреи диаспоры материально поддерживают соплеменников в Стране.	
? – около 160	Жизнь и деятельность р. Шимона бар Йохая, автора книги <i>Зóар</i> («Сияние»), главной книги Каббалы.
189–219	Завершение Мишны. Мишнá: запись «устного Закона», который, наряду с «письменным законом» – Пятикнижием Моисея – определяет принципы и многочисленные правила (<i>мицвóт</i>) иудаизма.
219	Первые <i>иешивот</i> (школы-академии для изучения иудаизма) открываются в Вавилонии.
352	Восстание в Иудее. Жестокое подавление. Иерусалимский Талмуд (Мишна с комментариями и обсуждениями) остается, фактически, незавершенным.

395	Распад Римской империи на Западную и Восточную (Византийскую). В обеих частях христианство становится государственной религией и идеологией, включая антисемитизм.
425	Ликвидация остатков Синедриона византийской властью. Центр еврейской мысли перемещается в Вавилонию.
499	Завершение Вавилонского Талмуда, ставшего центральным столпом иудаизма.
<p>Прежде всего – объем: в стандартном издании 5894 страницы <i>in quarto</i>. Талмуд – это Мишна, а к ней комментарии и обсуждения, целые протоколы диспутов, которые все вместе называются <i>Гемарá</i>. Главные выводы формируют <i>Галаху́</i> – конкретные практические предписания.</p>	
VI–XIX вв.	Период рассеяния и дискриминации.
<p>Еврейский народ имеет четкую самоидентификацию, иудаизм сформирован и кодифицирован. Во всех странах рассеяния евреи чувствуют себя чужими и стараются сохранить себя и свою культуру. Общепринятым считается обучение всех мальчиков (а желательно и девочек) иудаизму, желательно учиться в <i>иешиве</i>. Продолжается религиозно-философская деятельность многих авторов. Как правило, используется иврит, независимо от того или иного разговорного языка. Иврит также является «лингва франка» для общения между евреями из разных стран – несмотря на разные варианты произношения. Письменная культура является единой для всех евреев независимо от географии. В синагогах регулярно даются уроки для всех, поэтому хотя бы по субботам все слушают уроки.</p> <p>Самоуправляющаяся община становится центром еврейского мира, вне общины еврей не может долго существовать. Еврей-путешественник – редчайшее явление.</p> <p>Как следствие, почти все еврейские миграции происходят в результате внешнего давления. Только с XIX в., с падением значения религии и с появлением надежного механического транспорта, начинаются более активные миграции.</p> <p>Изгнание (<i>галут</i>) из своей Страны воспринимается как проклятие, и ежедневные молитвы поминают возвращение в Страну Израиля. Паломничество в Страну Израиля существует постоянно, несмотря на всевозможные трудности. В самой Стране сохраняется небольшое еврейское население.</p>	

Отношение окружающих народов, в целом, ксенофобное. Власти всегда и везде прибегают к дискриминации, но, бывает, что даруют те или иные льготы. Погромы ¹ и изгнания тоже в порядке вещей.	
602–628	Ирано-византийская война. Евреи помогают персам и, в результате, терпят тяжелые репрессии.
570–632	Жизнь и деятельность Мухаммеда, основателя ислама – в т. ч. его борьба с евреями Аравийского полуострова.
Ислам быстро превратился в мощную глобальную религиозную концепцию. Следует отметить, что отношение ислама к «народам Писания» – евреям и христианам – было, как правило, весьма терпимым, хотя дискриминация так или иначе всегда имела место. Это резко изменилось в худшую сторону в XX веке.	
632–732	Завоевания ислама. Появление огромного мусульманского мира от Испании до Индии и границ Китая.
630–640	Завоевание Страны арабами.
687–691	По повелению халифа Абд аль-Малика на месте еврейского Храма возводится Купол Скалы.
По мусульманской традиции Купол Скалы построен вокруг Камня Основания. Но это не совпадает с еврейской традицией, которая помещает место Камня Основания несколько западнее ² .	
705	Строительство мечети аль-Акса в южной части Храмовой горы.
715–795	Жизнь и деятельность Анана бен Давида, основателя секты караимов. Караимы не признают Мишну и Талмуд – только Танах, – и поэтому откололись от иудаизма.
VIII–X вв.	Хазарская элита принимает иудаизм.
X–XII вв.	«Золотой век» евреев-сефардов в мусульманской Испании.

¹ Обычно говорят о еврейских «погромах», хотя чаще речь идет о резне.

² По личному мнению автора, – Купол Скалы построен вокруг жертвенника всеожжения.

Многие великие авторы создают религиозную и светскую литературу, поэзию на иврите. Иегуда Галеви ¹ , Авраам ибн Эзра, Маймонид ² – это лишь наиболее знаменитые авторы той эпохи.	
1000	Р. Гершом запрещает полигамию ³ .
1096–1099	Первый крестовый поход, сопровождается массовыми еврейскими погромами.
1040–1105	Жизнь и деятельность Раши ⁴ , крупнейшего комментатора Танаха и Талмуда.
1144	Первый христианский кровавый навет, обвинение евреев в употреблении крови «христианских младенцев» на Пасху, в Норвиче, Англия. Христианские кровавые наветы в дальнейшем появляются регулярно ⁵ .
1492	Изгнание сотен тысяч евреев из католической Испании.
После победы Реконкисты объявлено требование ко всем евреям (и мусульманам) креститься либо эмигрировать. Крещеных евреев называли <i>марранами</i> , их особо преследовала инквизиция. Огромное количество евреев-сефардов расселилось по Средиземноморью, небольшая часть поселилась в Нидерландах.	
1516	Первое еврейское гетто в Европе – в Венеции.
1517	Завоевание Страны Османской империей.
1537–1542	Строительство новых крепостных стен Иерусалима султаном Сулейманом Великолепным. Внутри стен находятся Храмовая гора и 4 квартала – Христианский, Мусульманский, Армянский и Еврейский.
1534–1572	Жизнь и деятельность АРИ ⁶ , основателя «лурианской» Каббалы.

¹ Автор знаменитой религиозно-философской книги «*Кузарй*».

² Р. Моше бен Маймон, Рамбам, автор кодекса «*Мишне Торá*» и философского труда «Путеводитель растерянных» («*Морé невухим*»).

³ Этот запрет действует по сей день, хотя в оригинале он был ограничен 1000 лет и распространялся только на евреев-ашкеназов.

⁴ Р. Шломо Ицхаки.

⁵ Интересно, что обвинителями являются те, кто регулярно «приобщаются Тела и Крови Иисуса Христа».

⁶ Р. Ицхак Ашкенази Лурия.

1488–1575	Жизнь и деятельность р. Иосифа Каро, автора мону-ментального религиозного кодекса <i>Шулхан арух</i> («Накрытый стол»).
1619	В Нидерландах – впервые в истории – евреи получают все гражданские права (но не политические).
1648–1660	Восстание Хмельницкого, русско-польская война и т. д. И казаки, и московские войска систематически уничтожают евреев, крымские татары уводят евреев в рабство.
1656	Баруха Спинозу (будущего философа Бенедикта Спинозу) отлучают от амстердамской иудейской общины.
1626–1676	Жизнь и деятельность лжемессии Шабтая Цви.
1698–1760	Жизнь и деятельность р. Исраэля Баал-Шем-Това (Бешта), основателя религиозного направления хасидизма.
1768	Резня в Умани. Гайдамаками под руководством Гонты и Железняка убито около 20 000 чел., в большинстве своем евреев.
1776	Независимость США и полное равноправие всех граждан, включая евреев – впервые в истории. Впрочем, нередко практика была далека от теории.
1783	Присоединение Крымского ханства к России – вместе с крымскими евреями.
1729–1786	Жизнь и деятельность Мозеса Мендельсона ¹ , основателя <i>Аскалá</i> – движения еврейского светского Просвещения.
1791	В результате Французской революции – полное политическое равноправие евреев Франции.
1772, 1792, 1795	3 раздела Польши – и присоединение к России около миллиона евреев-ашкеназов. До этого времени евреям было запрещено селиться в России.
1791–1917	Черта оседлости в России.
Черта оседлости включала бывшие польские территории и Новороссию – современные Латгалию (в Латвии), Литву, Белоруссию, Украину (с Крымом, но без австрийской Галичины и венгерского Закарпатья) и Молдавию. Позднее было присоединено Царство Польское (большая	

¹ Дед композитора Феликса Мендельсона.

часть современной Польши).	
За редкими исключениями евреям запрещалось жить за пределами черты, а в пределах черты запрещалось жить в деревнях (но не в «местечках»), в определенных городах, в пограничной 50-верстной зоне. Эти и другие запреты распространялись на евреев-ашкеназов, но не распространялись на восточных евреев и на выкрестов.	
Позднее лучше всех выразил цели российской политики по отношению к евреям обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев: «Одна треть вымрет, одна выселится, одна треть бесследно растворится в окружающем населении».	
1720–1797	Жизнь и деятельность Виленского <i>габона</i> ¹ («гения»), яростного противника хасидизма, основателя «литовского» (антихасидского) направления в иудаизме.
1801	Присоединение Грузии к России – вместе с грузинскими евреями.
1802	Присоединение Дагестана к России – вместе с горскими (кавказскими) евреями.
1745–1812	Жизнь и деятельность р. Шнеура Залмана, основателя Хабада ² , одного из самых известных хасидских движений.
1815	Присоединение Царства Польского к России – вместе с миллионом евреев-ашкеназов.
1818	Появление первой «реформистской» синагоги в Германии. Реформисты стремятся превратить иудаизм в «простую» религию, а евреев – в «немцев (голландцев и т. д.) Моисеева закона».
1827–1856	Мобилизация в России еврейских детей в кантонисты.
По указу Николая I на евреев распространили рекрутский набор (вместо прежнего налога), причем по 10 с 1000 мужчин ежегодно (для христиан по 7 с 1000 через год). При этом забирали малолетних детей (12 лет и младше) в кантонисты до возраста 18 лет, эти годы не включались в общий срок службы 25 лет.	
Декларированной целью было крещение евреев-кантонистов. Дело доходило до самоубийств.	
1830–1880	Эмиграция более 200 000 евреев из России в США.

¹ Р. Элияху бен Шломо Залман.

² ХабаД – аббревиатура: *хохма*, *бинá*, *даат* – мудрость, разум, знание.

1843	Основание в США «Бней-Брит», одной из старейших еврейских общественных организаций.
1845	От реформистов откалываются «консерваторы». Консервативный иудаизм требует только некоторого обновления ортодоксии.
1865–1895	Присоединение Туркестана к России – вместе с бухарскими евреями.
1870	Основание Миквэ-Израэль – первой еврейской сельскохозяйственной школы в Стране.
1878	Берлинский конгресс. Кроме России и Румынии, все европейские государства и Турция заявляют о равенстве граждан без различия вероисповедания. На практике дискриминация евреев во многих странах продолжается.
1878	Основание Петах-Тиквы – первой еврейской сельскохозяйственной коммуны в Стране.
1879	Впервые появляется термин «антисемитизм».
Появляются теории, основанные на расистских предубеждениях против евреев. Эти теории поддерживаются как псевдонаучными сочинениями, так и разными организациями. В частности, евреев обвиняют в присутствии им от природы капитализме (Ротшильды) и в присутствии им от природы социализме (Карл Маркс) ¹ .	
1880	Основание в России «ОРТ» – «Общества распространения труда» – еврейской просветительской организации.
1881–1882	Погромы на юге России после убийства Александра II (к каковому убийству евреи не имели никакого отношения). Погромы и позднее происходят с завидной регулярностью.
1818–1883	Жизнь и деятельность Карла Маркса, философа и экономиста, создателя теории «научного социализма».
Марксизм превратился в одну из самых популярных идеологий. Поскольку он постулирует примат классового подхода над национальным, он направлен против любого национального движения, в т. ч. еврейского.	

¹ «За то, что еврейка стреляла в вождя, За то, что она промахнулась.» Игорь Губерман.

1784–1885	Жизнь и деятельность Мозеса Монтефиоре, великого еврейского филантропа. В частности, именно он построил в Иерусалиме первый квартал вне стен Старого города.
1881–1914	Эмиграция евреев из Восточной Европы: 2 000 000 в США; 300 000 в Канаду, Южную Америку, Южную Африку и в Страну; 350 000 в Западную Европу.
1886	Введение процентной нормы в России для гимназистов и студентов: в черте оседлости не более 10% евреев, вне ее не более 5%, в столицах не более 3%.
1894–1906	Дело Дрейфуса во Франции.
Капитан Дрейфус ложно осужден за шпионаж, разжалован и сослан на Чертов остров. Многие вступаются за него, но многие выступают и против по антисемитским мотивам. Борьба за и против Дрейфуса надолго расколола французское общество. В конце концов Дрейфус был полностью реабилитирован. Вспышка антисемитизма из-за этого дела произвела колоссальное впечатление на Герцля.	
1897	Основание Бунда – еврейской социалистической партии в Российской империи.
XX в.	Равноправие, Холокост, национальное возрождение.
1882–1903	Первая <i>алия</i> (репатриация). Около 35 000 евреев прибыли в Страну «на ПМЖ», в основном, из Российской империи ¹ .
1897	Первый сионистский (во имя возвращения в Сион) конгресс в Базеле под руководством Герцля ² .
Конгресс утвердил т. н. «Базельскую программу», которая определила задание сионизма как «создание обеспеченного публичным правом убежища для еврейского народа в Палестине». Достижение этой цели объявлялось возможным благодаря: 1. поселению в Палестине сельскохозяйственных рабочих и	

¹ Разумеется, и в эту, и в другие *алии* не все оставались в Стране.

² «В Базеле я основал еврейское государство... Если бы я это сказал, меня все подняли бы на смех. Может быть, через 5 лет, максимум через 50 все признают его.» Т. Герцль, дневник.

Государство Израиль было основано через 51 год, сразу же было признано как США, так и СССР, и вскоре принято в ООН.

	<p>представителей технических профессий;</p> <ol style="list-style-type: none"> организации еврейского движения и усилению его созданием местных организаций в разных странах; усилению национальных чувств еврейского народа; проведению мероприятий, разъясняющих правительствам европейских государств важность создания еврейского государства. <p>Там же была создана Всемирная сионистская организация. В течение нескольких лет были основаны:</p> <ol style="list-style-type: none"> Еврейский национальный фонд (<i>Кéрен кайéмет ле-Израэль</i>) для покупки земель в Стране в собственность нации; банк «Англо-Палестинская Компания» (ныне Банк Леуми) для финансирования сионистской деятельности; Еврейское агентство (<i>Сохнут</i>) как исполнительный орган Всемирной сионистской организации.
1902	Основание движения «Мизрахи» – религиозного сионизма.
1903	Первая публикация «Протоколов сионских мудрецов» – антисемитской фальшивки. Хотя фальшивость была доказана очень быстро, «Протоколы» публиковались много раз, переведены на множество языков и по сей день не сошли со сцены.
1860–1904	Жизнь и деятельность Теодора Герцля – основателя политического сионизма.
1904–1914	Вторая <i>алия</i> – около 40 000 евреев, в основном, из Восточной Европы.
Еврейский <i>ишув</i> в Стране насчитывает 85 000 чел., из них 12 000 в сельхозпоселениях.	
1905–1907	Организованные российским правительством погромы во время революции.
1905–1917	Деятельность Союза русского народа, националистической, антисемитской и радикально православной организации ¹ . Его членами числились Николай II и цесаревич Алексей. Союз финансировало МВД.
1907	Основание первых еврейских организаций самообороны в Стране
1909	Основание возле Яффы квартала Ахузат-Баит – будущего Тель-Авива.

¹ В наше время такие организации считаются фашистскими.

<p>Благодаря своему географическому положению (почти в центре побережья) город Яффа в течение тысячелетий был главными морскими воротами Страны. Тель-Авив быстро стал главным еврейским городом.</p>	
1909–1920	Деятельность «Ха-Шомер» («Страж») – еврейской организации вооруженной самообороны в Стране. ¹
1910	Основание Дгании – первой сельхозкоммуны (<i>кибуц</i>) в Стране.
1910, 1912	В России введен запрет на производство выкрестов в офицеры, позднее он распространен на детей и внуков выкрестов ² .
1911–1913	Дело Бейлиса в Киеве.
<p>Бейлис обвинен в ритуальном убийстве. Правительство бросает все силы на обвинение, но в защиту Бейлиса выступают многие видные российские деятели. В конце концов Бейлис оправдан судом присяжных (состоящим сплошь из христиан).</p>	
1912	Основание «Агудат Исраэль» – ультраортодоксального объединения, требующего полного консерватизма в еврейской жизни и противящегося любым новшествам. Очень долгое время было антисионистским. Интересно, что в его рамках нашлось место и для хасидов, и для «литваков».
1913	Основание в США Антидиффамационной лиги (ADL) для борьбы с антисемитизмом.
1914–1918	Первая мировая война.
<p>Черта оседлости становится основным театром военных действий на востоке. Но мало этого. Русское командование обвиняет «еврейскую измену» в своих поражениях. Расстрелы «шпионов». Массовые насильственные выселения евреев из прифронтовой полосы, даже за счет нарушения Черты оседлости.</p> <p>Турецкие власти высылают из Страны евреев – граждан стран-противников: России, Франции, Англии, Италии, Румынии, США.</p> <p>В конце войны вся Страна в руках английской армии, в составе которой действует Еврейский легион.</p>	
1914	Основание в США «Джойнт», крупнейшей еврейской благотворительной организации.

¹ Позднее ее члены вошли в Хагану (см. ниже).

² Это уже расовый подход.

1915–1917	Деятельность Нили ¹ – еврейской развед. сети в Стране в пользу Англии.
1917	В результате Февральской революции в России – полное равноправие всех граждан, включая евреев.
1917–1919	Еврейский легион в составе английской армии участвует в освобождении Страны.
1917	Основание первого театра на иврите «Габима» в Москве.
1917	Декларация МИД Англии лорда Бальфура.
	«Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа, и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране.» ²
1917–1922	Гражданская война в России.
	За исключением Красной армии, все участники конфликта участвуют в еврейских погромах, нередко с подачи своих командующих. Только большевики систематически борются с погромами. По осторожным оценкам, только на территории Украины погибли 75 000 евреев – мирных жителей.
1918–1930	Деятельность Евсекции в рамках ВКП(б).
	Евсекция декларирует разрыв с религиозной – традиционной – культурой во имя новой – пролетарской. Подавляется иврит, продвигается идиш, запрещается сионизм, противниками занимается ЧК/ГПУ/НКВД. Следует отметить, что культура на идиш какое-то время процветала. Большинство активистов Евсекции не пережили 1937 г. Большинство деятелей культуры на идиш не пережили 1952 г.
1919–1920	Парижская мирная конференция.
	Декларирован принцип неукоснительной охраны прав «всех религиозных и расовых меньшинств». На практике многие народы Центральной и Восточной Европы отметили обретение независимости еврейскими погромами, а затем скрытой и открытой дискриминацией.

¹ «Нéцах Исраэль ло йешакér» – «Вечность Израила не солжет», Первая книга Самуила 15:29.

² Декларация Бальфура и телеграмма из Петрограда о большевистском перевороте были опубликованы в одном и том же номере «Таймс».

Англия получает мандат на управление Палестиной. Среди прочего указано: «Администрация Палестины несет ответственность за принятие закона о гражданстве. В этот закон должны быть включены положения, сформулированные таким образом, чтобы облегчить приобретение палестинского гражданства евреями, которые постоянно проживают в Палестине.»	
1919–1923	Третья <i>алия</i> – около 40 000 евреев, в основном, из Восточной Европы.
1920	«Кровавая Пасха» – нападение арабов на евреев по всей Стране. Кровавые стычки случались и ранее, но это было первое нападение национального типа – начало конфликта, продолжающегося по сей день.
1920–1945	Деятельность Нацистской партии Германии (NSDAP), в т. ч. воинственный антисемитизм.
1920–1948	Деятельность Хаганы («Обороны») – нелегальной организации еврейской самообороны в Стране.
1920–1949	Деятельность ГОСЕТА – Государственного Еврейского Театра на идиш в Москве.
1920	Основание Гистадрута (федерации профсоюзов) в Стране.
1922–1948	Английский мандат на управление Палестиной.
<p>Почти с самого начала земли к востоку от Иордана выделяются в отдельную подмандатную территорию Трансиордания¹.</p> <p>Таким образом, подмандатная Палестина включала: почти всю Галилею, Самарию, Иудею, Шефелу и Негев, в т. ч. небольшой выход к Красному морю.</p> <p>Следует отметить, что во времена мандата всех его жителей – евреев, арабов и других – называли палестинцами. При этом, поскольку в арабском языке нет звука «п», арабы называют Страну «Фаластин».</p> <p>В формулировке мандата провозглашена цель создания еврейского «национального очага» в Палестине, но нет ни слова о создании еврейского государства!</p> <p>Основная часть сионистов во главе с Вейцманом приняли условия игры и поставили задачу заселить как можно больше евреев – концепция «государства в пути». Эту линию также поддержали сионисты-социалисты и их будущий лидер Бен-Гурион.</p>	

¹ Первоначальная территория Трансиордании была в несколько раз меньше территории современной Иордании.

<p>Меньшинство во главе с Жаботинским требовало немедленной борьбы за провозглашение еврейского государства «на обоих берегах Иордана», обустройством и заселением которого можно было бы заняться потом.</p> <p>Следует признать, что в том, что касается собственно управления, англичане проделали огромную работу. К концу мандата в Стране действовали хорошо налаженные административный аппарат и общая инфраструктура. В частности, был полностью реорганизован и четко оформлен земельный реестр («<i>табу</i>»), большая часть железных дорог была перешита на европейскую колею, проложены новые линии, был построен большой глубоководный порт в Хайфе, аэродромы, шоссе-ные дороги.</p>	
1922	Белая книга ¹ министра по делам колоний Черчилля ограничивает еврейскую иммиграцию в Страну экономическими возможностями.
1858–1922	Жизнь и деятельность Элиэзера бен-Иегуды, вернувшего иврит в разговорный обиход.
1924–1929	Четвертая <i>алия</i> – около 82 000 евреев, в основном, из Восточной и Центральной Европы, также и из СССР.
1925	Открытие Техниона (технологического института) в Хайфе.
1925	Открытие Еврейского университета ² в Иерусалиме.
1926	В Париже убит Петлюра – месть за еврейские погромы на Украине. Французский суд оправдал убийцу!
1926	Театр «Габима» переезжает в Тель-Авив.
1929	Массовые нападения арабов на евреев по всей Стране. В большинстве мест Хагана удаётся отбить нападения, и жертвами погромщиков стали, как правило, ультра-ортодоксальные еврей-антисионисты.
1929–1939	Пятая <i>алия</i> – около 250 000 евреев, в основном, из Восточной Европы. Значительная часть прибыла нелегально.

¹ Белая книга (*white paper*) – в Англии государственное сообщение, поясняющее политику.

² Альберт Эйнштейн оказал огромную помощь созданию университета и завещал ему весь свой архив.

1930	Белая книга министра по делам колоний Пассфилда, ограничения на еврейскую иммиграцию и на право евреев приобретать землю. Была отменена.
1931–1948	Деятельность Эцель ¹ – «правой» сионистской террористической ² организации, отколовшейся от Хаганы.
1933–1945	Деятельность нацистского режима под руководством Гитлера в Германии и в оккупированной Европе.
<p>По формулировке Альтмана нацизм прошел 3 стадии:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. евреи не должны жить так, как немцы; 2. евреи не должны жить рядом с немцами; 3. евреи не должны жить вообще. <p>Следует отметить, что нацисты легко находили активных помощников среди местного населения. «Праведников мира», спасавших евреев, было гораздо меньше.</p>	
1933	Сионисты-ревизионисты во главе с Жаботинским выходят из Всемирной сионистской организации.
16.6.1933	Смерть Арлозорова, из лидеров сионистов-социалистов. Были выдвинуты обвинения в убийстве против некоторых сионистов-ревизионистов. И хотя все обвиняемые были оправданы, вражда осталась ³ .
1933–1948	<i>Алия Бет</i> – нелегальная <i>алия</i> в Страну. Общее количество нелегальных <i>олим</i> оценивается в 110 000, несмотря на то, что многие были перехвачены англичанами и высланы на Кипр или обратно в Европу.
1873–1934	Жизнь и творчество Хаима Нахмана Бялика – великого поэта на иврите.
1934	Основание в СССР Еврейской АО на Дальнем Востоке ⁴ . Ее еврейское население никогда не достигало даже 20%.
1934	Основание исследовательского института имени Зива (ныне имени Вейцмана) в Реховоте.

¹ «Иргун Цвай Леуми» – Национальная военная организация.

² Под словом «терроризм» (не путать со словом «террор»!) следует понимать метод ведения войны и ничего более. В конце концов, любая спецслужба применяет этот метод.

³ Подробнее об этом деле см. статью автора «История, истина, споры».

⁴ Первоначально обсуждался Северный Крым, но правительству потребовалось укреплять Дальний Восток ввиду проблем с японцами.

1845–1934	Жизнь и деятельность барона Эдмона де Ротшильда, филантропа, поддерживавшего сионизм. В т. ч. им было приобретено в Стране более 500 кв. км земли.
1865–1935	Жизнь и деятельность р. Авраама Ицхака Кука – создателя идеологии религиозного сионизма.
15.9.1935	Принятие в Германии «Нюрнбергских» законов, направленных на исключение евреев из обычной гражданской жизни.
1936–1939	Арабское восстание в Стране ¹ .
13.8.1936	Основание Всемирного еврейского конгресса.
26.12.1936	Первый концерт филармонического оркестра Страны Израиля (ныне Израильский филармонический). Дирижировал Тосканини.
1937	Отчет комиссии Пиля ² , первое предложение о разделе Страны между евреями и арабами.
9–10.11.1938	«Хрустальная ночь» – организованные властями еврейские погромы по всей территории Германии.
1939	Белая книга министра по делам колоний Макдональда.
<p>Основные положения.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Палестина не может принадлежать только евреям или только арабам. • В течение 10 лет после опубликования книги в Палестине будет создано единое двунациональное государство евреев и арабов. • Квота иммиграции евреев на ближайшие пять лет будет равна 75 000 человек. На первом этапе иммиграция составит 25 000 человек (чтобы помочь европейским евреям), и в течение 5 лет будет разрешена иммиграция по 10 000 евреев каждый год, в общей сложности 75 000 человек. Помимо этого, увеличение квот иммиграции будет зависеть от арабского согласия. • Ограничение на покупку земли евреями (до 95 % земли Палестины будет запрещено к продаже евреям по причине естественного прироста арабского населения). 	
1939–1945	Вторая мировая война и Холокост.

¹ Позднее один из вождей восстания Амин аль-Хусейни бежал в Германию и поддержал Гитлера.

² Анализируя ситуацию в Стране, комиссия, кроме всего прочего, объяснила резкое увеличение арабского населения... качеством еврейского медицинского обслуживания!

<p>Во время войны нацисты и их помощники уничтожили 6 000 000 евреев.</p> <p>Все сионистские организации (кроме Лехи) выразили поддержку Англии в войне против нацизма. Бен-Гурион: «Мы будем оказывать помощь Англии в войне так, как будто нет Белой книги, и бороться против Белой книги, как будто нет войны».</p> <p>В этой войне в рядах армий антигитлеровской коалиции, партизанских отрядов и антинацистского подполья сражались более 1 500 000 евреев, в т. ч. в «Еврейской бригаде» английской армии. 500 000 евреев сражались в рядах Красной армии. Позднее любой еврей-инвалид Второй мировой войны, приехавший в Израиль, получал все права инвалида Армии обороны Израиля.</p>	
1939–1940	Присоединение к СССР Западной Белоруссии, Западной Украины, Латвии, Бессарабии и Сев. Буковины, Литвы, Эстонии.
<p>К более чем 3 000 000 советских евреев прибавились еще 2 000 000. Быстрая советизация новых территорий означала, в частности, арест или высылку всех «социально опасных элементов» на Урал, в Сибирь, в Казахстан. «Социально опасными» были любые политические, религиозные, общественные деятели, любые предприниматели, лица с высшим образованием (кроме врачей), учителя, владельцы недвижимости... Список был длинный, его венчали филателисты и эсперантисты. Многие евреи попали в эту рубрику и оказались арестованными или высланными. Но – ирония судьбы – высылка спасла их от Холокоста!</p>	
1880–1940	Жизнь и деятельность Зеэва Жаботинского, лидера сионистов-ревизионистов.
1940	В подвластной нацистам Европе евреев сгоняют в закрытые гетто.
20.5.1940	Закладка концлагеря в Освенциме – крупнейшей нацистской «фабрики смерти».
1940–1948	Деятельность Лехи ¹ – «правой» сионистской террористической организации, отколовшейся от Эцель и продолжающей борьбу с Англией, несмотря на войну.
1941–1948	Деятельность Пальмаха ² – регулярных отрядов в рамках Хаганы.

¹ «Лохамей Херут Исраэль» – Борцы за свободу Израиля.

² «Плугот махац» – ударные роты.

20.1.1942	Ванзейская конференция по «окончательному решению еврейского вопроса», разработан подробный план по физическому уничтожению евреев.
9–11.5.1942	Чрезвычайная сионистская конференция в отеле «Билтмор» в Нью-Йорке.
<p>Основные положения Билтморской программы.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Требование свободной <i>алии</i> в Страну. 2. Требование передать контроль над <i>алией</i> и незаселенными землями Еврейскому агентству. 3. Требование установления «еврейского сообщества» (т. е. государства) на всей территории Страны. 	
10.12.1942	Мин. ин. дел правительства Польши в изгнании Рачинский выпускает официальную дип. ноту об уничтожении нацистами евреев в Польше.
1942–1948	Деятельность Еврейского антифашистского комитета в СССР.
19.4–16.5.1943	Восстание в Варшавском гетто – самое крупное еврейское антинацистское восстание.
1944	Эцель возобновляет вооруженную борьбу с Англией, несмотря на неоконченную войну с нацизмом.
27.9.1944	Нападение бойцов Эцель на 4 полицейские части.
6.11.1944	Убийство бойцами Лехи английского министра по делам Ближнего Востока лорда Мойна.
1944–1945	Из-за резкой реакции на теракты Пальмах начинает «сезон» – охоту на членов Эцель и Лехи и выдачу их мандатным властям. «Сезон» прекратился через несколько месяцев вследствие растущего сопротивления внутри самого Пальмаха, в т. ч. старших офицеров. Всего было поймано и выдано около 700 чел.
1945	Выжившие в концлагерях евреи пытаются вернуться домой, но почти повсеместно натываются на яростный антисемитизм и даже на погромы. Сотни тысяч европейских евреев оказались между небом и землей – а Страна закрыта.
1945	Начало сотрудничества Хаганы, Эцель и Лехи на фоне активного противостояния <i>шува</i> и мандатных властей.

9.10.1945	Нападение Пальмаха на лагерь Атлит и освобождение 210 нелегальных <i>олим</i> .
1.11.1945	«Ночь поездов»: взрывы жел. дороги в 153 местах и потопление 3 пограничных катеров бойцами Пальмаха, Эцель и Лехи.
20.11.1945– 1.10.1946	Нюрнбергский процесс по делам нацистских преступников; 12 приговорены к смертной казни (Мартин Борман заочно).
25.11.1945	Нападение Пальмаха на 2 укрепления береговой полиции.
20.1.1946	Взрыв береговой радиолокационной станции бойцами Пальмаха.
29.5.1946	«Черная суббота»: англичане арестовали почти все руководство <i>ишува</i> и многих других, всего 2700 человек, в т. ч. около 1500 бойцов Пальмаха.
<p>Кроме всего прочего, в руки англичан попало огромное количество секретных документов <i>ишува</i> и Хаганы. Они были свезены в гостиницу «Царь Давид» (один из центров мандатной администрации) для перевода и обработки.</p> <p>Начальник штаба Хаганы Снэ обратился к Эцель с просьбой взорвать гостиницу вместе с документами.</p>	
16–17.6.1946	«Ночь мостов»: 11 мостов подорваны бойцами Пальмаха.
22.6.1946	Взрыв гостиницы «Царь Давид» бойцами Эцель по просьбе Хаганы. Временное прекращение сотрудничества Хаганы, Эцель и Лехи.
<p>Несмотря на полученное по телефону предупреждение, англичане не эвакуировали здание. В результате, погибли около 90 чел. – англичане, арабы и евреи – и многие были ранены. Снэ попросил Эцель взять на себя ответственность за взрыв. Что и было сделано.</p>	
15–16.10.1946	Самоубийство Геринга. Казнь 10 нацистских преступников в Нюрнберге.
18.2.1947	Английский МИД Бевин заявляет, что Англия передает весь комплекс проблем Палестины на рассмотрение ООН и что она собирается оставить Палестину.
4.5.1947	Нападение Эцель на тюрьму Акко и освобождение части заключенных подпольщиков.

29.11.1947	Резолюция ООН №181 о разделе Палестины на 2 государства – еврейское и арабское – и выделение Иерусалима и Вифлеема в международную зону.
<p>Беглый взгляд на карту показывает полную нежизнеспособность этого плана. Еврейское государство состоит из 3, арабское из 4 отдельных анклавов.</p> <p>Тем не менее, евреи с радостью приняли это решение – «хоть какое-то, но государство». Арабы его отвергли. Англия заявила, что не будет участвовать в его осуществлении – «после нас хоть потоп».</p> <p>На следующий же день началась война по всей Стране.</p>	
1947–1949	Война за независимость Израиля.
14.5.1948	В Тель-Авиве провозглашена Декларация независимости Государства Израиль в границах ООН – т. е. без Иерусалима. США признают Израиль де-факто. СССР признает Израиль де-факто и де-юре.
15.5.1948	Англичане уходят. В Страну вторгаются армии Египта, Ирака, Йемена, Ливана, Саудовской Аравии, Сирии, Судана, Трансиордании.
27.5.1948	На базе Хаганы провозглашается создание Армии обороны Израиля. Эцель (кроме Иерусалима) и Лехи присоединяются.
<p>Хагана: 32 000 бойцов гарнизонной милиции; 10 000 бойцов полевой милиции; Пальмах (регулярные ударные отряды) – 3000 бойцов + 4000 резервистов. К тому же у Хаганы были свои подпольные оружейные предприятия.</p> <p>Эцель: менее 3000 бойцов, пятая часть из них в Иерусалиме (т. е. официально вне юрисдикции Израиля) и не подчиняется армейскому командованию.</p> <p>Лехи: менее 1000 бойцов.</p> <p>Таким образом, имелось около 53 000 бойцов при 600 000 еврейского населения.</p>	
1948–1953	Борьба с «безродными космополитами» – антисемитская кампания в СССР.
19–22.6.1948	Дело «Альталены».
<p>Судно «Альталена» с грузом оружия для Эцель на борту вышло из Франции еще до провозглашения независимости. Эцель вел переговоры с правительством о судьбе оружия, желая передать 20% оружия своему батальону в Иерусалиме, а остальное распределить «равномерно», дабы недавно присоединившиеся к армии батальоны Эцель не оказались</p>	

обделенными.

Переговоры шли через посредников. Командир Эцель Бегин и глава временного правительства Бен-Гурион ни разу не говорили даже по телефону. Договаривались изустно, не было даже черновика письменного соглашения.

Вскоре после начала разгрузки возле Кфар-Виткина местный армейский командир потребовал сдать все оружие. Бегин, полагая, что это просто самоуправство, велел судну сняться с якоря с оставшимся на борту оружием и идти в Тель-Авив – не понимая, что де-юре это превращает его в вооруженного бунтовщика. Многие бывшие бойцы Эцель бросились в Тель-Авив на помощь товарищам, были перестрелки с правительственными войсками.

В результате судно было потоплено артиллерией правительственных войск. Погибли 16 бойцов Эцель и 3 солдата Армии обороны Израиля.

25.1.1949

Первые выборы в Кнессет (парламент). Лидер победившей партии МАПАЙ Бен-Гурион смог создать очень широкое коалиционное правительство. Партия МАПАЙ (позднее Аводá) надолго осталась во главе страны.

12.1–3.4.1949

Переговоры на Родосе с Египтом, Ливаном и Трансиорданием.

20.7.1949

Соглашение с Сирией.

Следует отметить, что соглашения трактовались как временные соглашения о прекращении огня, а демаркационные линии ни в коем случае не рассматривались, как границы.

Ливан: демаркационная линия прошла по госгранице между Ливаном и подмандатной Палестиной.

Сирия: демаркационная линия прошла несколько западнее госграницы между Сирией и подмандатной Палестиной.

Таким образом, почти вся Галилея вошла в состав Израиля.

Трансиордания:

- Вся Самария, кроме прибрежной равнины, и большая часть Иудеи с Восточным Иерусалимом достались Трансиордании. Эти территории вместе нередко называются Западный берег Иордана.
- Израиль сохранил за собой Западный Иерусалим и «Иерусалимский коридор».
- К югу от Мертвого моря демаркационная линия прошла по госгранице между Трансиорданием и подмандатной Палестиной.

Египет: демаркационная линия прошла, в основном, по госгранице

между Египтом и подмандатной Палестиной. На севере район Газы был передан Египту («сектор Газы»), при этом он не был официально аннексирован, и его жители не получили египетское гражданство.

Эта демаркационная линия, позднее названная Зеленой линией, многими признается как граница Израиля де-юре, хотя таковой никогда не являлась.

Также и прекращение огня никогда не было полным. Нападения террористов, акции возмездия и просто перестрелки были делом заурядным. В результате войны около 600 000 арабов превратились в беженцев. Они получили соответствующий международный статус, но единственный в своем роде – статус палестинского беженца может передаваться по наследству!

При этом почти 1 000 000 евреев из арабских стран¹ вынуждены были уехать от погромов.

На территории Израиля осталось более 100 000 представителей нацменьшинств – арабов, друзов, черкесов. Они все получили равноправие, арабский язык был признан государственным.

1949	Израиль принят в ООН.
5.12.1949	Иерусалим провозглашен столицей Израиля. Большинство стран это не признают и держат свои посольства в Тель-Авиве.
1950	Формальная аннексия Трансиорданией Западного берега Иордана. Смена названия страны на Иорданию.
1952	Процесс Сланского – показательный процесс в Чехословакии над высокопоставленными коммунистами-евреями. Сопровождался мощной антисемитской пропагандой.
1953	«Дело врачей» – сфабрикованное в СССР дело врачей, почти исключительно евреев, обвиняемых в заговоре против высших лиц государства. Прекращено немедленно после смерти Сталина.
1874–1952	Жизнь и деятельность Хаима Вейцмана – одного из главнейших лидеров сионизма и 1-го президента Государства Израиль.

¹ Следует заметить, что в большинстве арабских стран евреи поселились раньше арабов!

1886–1954	Жизнь и деятельность Баал-Сулама ¹ , автора «Талмуда десяти сфер» – современной книги по Каббале.
29.10– 5.11.1956	Синайская война.
<p>Англия и Франция из-за Суэцкого канала, а Израиль из-за постоянных нападений террористов напали на Египет. Израиль занял большую часть Синая, но англо-французский десант большого успеха не имел. В конце концов Израиль заставили эвакуировать занятые территории. Хотя война закончилась вничью, Израиль продемонстрировал отлично обученную и вооруженную армию (притом, что значительную часть современного оружия Израиль получил за считанные месяцы до войны). Франция надолго стала для Израиля главным поставщиком оружия.</p>	
1961	Процесс над Эйхманом, главным организатором Холокоста, в Иерусалиме. Приговорен к смертной казни и повешен.
1964	Основание Организации освобождения Палестины. Основной метод борьбы – террор против мирных граждан, в т. ч. захват заложников.
<ul style="list-style-type: none"> • «Вооруженная борьба – единственный путь к освобождению Палестины...» (статья 9 Палестинской хартии); • «Освобождение Палестины является, с арабской точки зрения, национальным долгом – отразить сионистскую империалистическую агрессию против великой арабской нации и ликвидировать сионистское присутствие в Палестине» (статья 15); • «Раздел Палестины в 1947 г. и создание Израиля не признаны и никогда не будут признаны, потому что это противоречило воле народа Палестины и его естественному праву на отечество...» (статья 19); • «Палестинский арабский народ, самовыражением которого является вооруженная палестинская революция, отвергает всякое решение, кроме полного освобождения Палестины, и всякий план, направленный на урегулирование палестинской проблемы или ее международное решение» (статья 21). 	
1967–1970	Впервые в истории Израиля – правительство национального единства.
5–10.6.1967	Шестидневная война.

¹ Р. Иегуда Лейб Алеви Ашлаг.

СССР обвинил Израиль в подготовке нападения на Сирию и призвал другие арабские страны оказать ей помощь. Египет, как военный союзник Сирии, выдвинул войска и перекрыл пролив Эт-Тиран для израильского судоходства. Франция неожиданно наложила эмбарго на поставки оружия на Ближний Восток (в т. ч. на уже оплаченные). Иордания присоединилась к египетско-сирийскому союзу.

В этой ситуации Израиль решил атаковать первым. Все 3 вражеские армии были разбиты наголову.

Египет: потерял сектор Газа и Синай, Израиль занял линию обороны вдоль Суэцкого канала, сам канал заблокирован.

Иордания: потеряла весь Западный берег Иордана, Израиль занял линию обороны по Иордану. Восточный Иерусалим аннексирован Израилем.

Сирия: потеряла Голанские высоты.

Израиль начал активно заселять Голанские высоты, Иорданскую долину и Синай.

США поняли, чего стоит Израиль, и стали главным союзником Израйля и главным поставщиком оружия.

Совершенно истеричной была реакция СССР. Обвинив Израиль во всех смертных (и бессмертных) грехах, СССР разорвал с ним дип. отношения и развязал бешеную антиизраильскую пропаганду (нередко скатывающуюся до антисемитизма). Параллельно в Египет и Сирию было отправлено огромное количество военных советников и оружия.

Среди советских евреев стали разрастаться сионистские настроения.

1.9.1967	Хартумская резолюция арабских государств, знаменитые 3 «нет»: нет миру с Израилем, никакого признания Израйля, никаких переговоров с ним.
22.11.1967	Резолюция №242 Совбеза ООН, призывает к выводу израильских войск с занятых территорий и к установлению прочного мира. После опыта 1956 г. Израиль отказался уходить откуда-либо без мирных переговоров.
1968	Антисемитская кампания в Польше. Массовая эмиграция евреев из Польши.
1888–1970	Жизнь и творчество Шмуэля Йосефа Агнона, писателя на иврите, первого израильского лауреата Нобелевской премии по литературе (1966).
1970	Ленинградское самолетное дело.
Попытка евреев захватить самолет и улететь на нем в Швецию.	

<p>Многочисленные отказы в просьбах на репатриацию вызвали эту идею. Несмотря на то, что власти хотели представить участников операции как воздушных пиратов, еврейский и международный резонанс был огромен. Власти вынуждены были приоткрыть ворота для еврейской эмиграции, в результате чего сотни тысяч евреев смогли покинуть СССР¹.</p>	
1970	<p>«Черный сентябрь» в Иордании. Иорданская армия подавила палестинских боевиков и заставила их бежать в Ливан. Там они обосновались на юге и стали представлять серьезную угрозу.</p>
6–24.10.1973	<p>Война Судного дня.</p>
<p>Тщательно подготовленное неожиданное нападение Египта и Сирии на Израиль – при активном участии советских военных советников.</p> <p>Сирия: несмотря на первые успехи, сирийцы были отброшены, а затем израильская армия продвинулась вперед и оказалась в 30 км от Дамаска.</p> <p>Египет: египтяне смогли быстро переправиться через Суэцкий канал и продвинуться немного далее, но были остановлены. Затем дивизия Шарона прорвалась к каналу, переправилась через него и окружила одну из египетских армий. На момент прекращения огня израильская армия стояла в 100 км от Каира.</p> <p>Можно сказать, что Израиль выиграл войну «по очкам». Но беспрецедентное международное (в т. ч. американское) давление заставило Израиль согласиться на худшие линии прекращения огня, чем те, что были до войны. Таким образом, политически выиграла Египет и Сирия.</p>	
1886–1973	<p>Жизнь и деятельность Давида Бен-Гуриона, лидера сионистов-социалистов и первого премьер-министра Государства Израиль.</p>
1974	<p>Основание движения религиозного сионизма «Гуш Эмуним». Основная цель – заселение евреями «сердца Страны Израиль» – Иудеи и Самарии.</p>
4.6.1976	<p>Операция «Йонатан» по спасению заложников из угнанного в Уганду израильского самолета. Проведена за 4000 км от базы. Беспрецедентный успех, никогда никем не повторенный.</p>
1977–1993	<p>Подавляющее большинство эфиопских евреев в несколько этапов вывезены в Израиль.</p>

¹ В т. ч. автор этих строк.

1977	Впервые в Израиле к власти пришла «правая» оппозиция во главе с Бегиним.
19–21.11.1977	Исторический визит президента Египта Садата в Израиль.
1978	Операция «Литани» по зачистке Южного Ливана от палестинских террористов.
1898–1978	Жизнь и деятельность Голды Меёр, 4-го премьер-министра Израиля.
26.3.1979	Подписан мирный договор с Египтом.
<p>Египет получил все свои утраченные территории до старой госграницы. Таким образом, создан прецедент полного израильского отступления. По требованию Египта Израиль не только эвакуировал свои поселения в Синае, но и снес их до основания – «жертвы во имя мира» по выражению Бегина.</p> <p>Израиль обязался создать «автономию» для «палестинских арабов» – впервые за свою историю признав их политическое существование¹.</p>	
1979	Вследствие исламской революции в Иране большинство евреев бежало из этой страны.
1915–1981	Жизнь и деятельность Моше Даяна, нач. Генштаба в Синайскую войну, мин. обороны в Шестидневную войну и в войну Судного дня, мин. ин. дел во время мирных переговоров с Египтом.
7.6.1981	Бомбардировка Израилем иракского ядерного реактора. Реактор разрушен.
14.12.1981	Аннексия Израилем Голанских высот.
1982–2000	Первая Ливанская война.
<p>Израиль атаковал базы палестинских террористов в Южном Ливане и двинулся на север для соединения с ливанскими христианами-фалангистами. Но лидер фалангистов Башир Жмайель был убит.</p> <p>Израилю удалось добиться вывода палестинских террористов из Ливана, но не удалось добиться мира с Ливаном (несмотря на отсутствие территориальных споров). Хуже того – возникла экстремистская шиитская организация «Хезболла» на месте палестинских баз.</p>	
1987–1993	Первая «интифада» – массовые антиизраильские выступления на Западном берегу Иордана и в секторе Газа. Подавить их силой не удалось.

¹ «Палестинцы? Я не знаю такого народа.» Голда Меир.

1988	Иордания официально отказывается от своих претензий на Западный берег Иордана.
1989–2004	Вследствие Перестройки в СССР – массовая <i>алия</i> из СССР и постсоветского пространства, более 1 000 000 чел.
1991	Война в Персидском заливе.
Хотя Израиль в войне не участвовал, Ирак систематически обстреливал Израиль дальнебойными ракетами. По просьбе США Израиль не реагировал на обстрелы – впервые за свою историю!	
1902–1991	Жизнь и творчество Ицхака Башевиса-Зингера, писателя на идиш, лауреата Нобелевской премии по литературе (1978).
1913–1992	Жизнь и деятельность Менахема Бегина, командира Эцель, 6-го премьер-министра Израиля, подписавшего 1-й мирный договор Израиля, лауреата Нобелевской премии мира (1978).
1993	Секретные переговоры в Осло и подписание соглашения.
Израиль признал ООП как представителя палестинского народа. ООП официально отказалась от вооруженной борьбы с Израилем. Начались мирные переговоры по принципу «2 государства для 2-х народов». ООП заняла часть Западного берега Иордана и сектора Газа. Но процесс вскоре забуксовал. Многочисленные теракты требовали от Израиля жестких оборонительных мер. С другой стороны, и ООП не была готова к реальным компромиссам. На сегодняшний день ситуация остается неразрешимой.	
26.10.1994	Подписан мирный договор с Иорданией.
1922–1995	Жизнь и деятельность Ицхака Рабина, нач. Генштаба в Шестидневную войну, 5-го и 11-го премьер-министра Израиля, подписавшего «Соглашения Осло» и мирный договор с Иорданией, лауреата Нобелевской премии мира (1994).

Хайфа, Хешван–Шват 5782 г.¹

¹ Октябрь 2021 г. – январь 2022 г.

Елена Горовая

Искусство кинцуги

«В доме не должно быть посуды с трещинами и сколами – это плохая примета», – вам говорили такое в детстве?

Если говорили, то мы с вами явно воспитывались не в Японии.

Там искусство реставрации посуды из черепков, обработка трещин стали именно – искусством.

Трещины не то что не маскируют – их выделяют, специально подчеркивают!

Золотом.

Чтобы уж наверняка вы обратили на них внимание.

Парадокс в том, что вы обратите внимание не на трещину, а на изыщную работу! Проверено!

В этом разница философий – той, которой учили нас: «никаких трещин и изъянов» и японской. Недостаток они воспринимают как уникальность. К тому же – это часть истории предмета, этот изъян способен добавить предмету красоты!

Кинцуги (яп. 金継ぎ – золотая заплатка) – это искусство реставрации керамической посуды с помощью лака, смешанного с золотым или серебряным порошком.

Часто привожу этот пример при работе с людьми.

Бесконечные попытки исправить что-то в себе, непринятие себя, как уникальной, неповторимой личности, приводят к неврозу. Перфекционизм тоже не дает покоя и возможности спокойно жить – это уже давно доказали современные психологи.

То, что вы считаете недостатком, изъяном, надо не исправлять, а подчеркнуть, выставить на витрину и гордиться этим!

В этом и заключается философская основа искусства кинцуги – поломки и трещины неотъемлемы от истории объекта. Они заслуживают не маскировки! Они учат правильно воспринимать неудачи, опыт и ценить красоту изъянов.

Речь не о вазочках. Эта история про ценности. Ценность вещей и ценность личности.

Современный мир не терпит недостатков. В погоне за молодостью, новизной мы порой стараемся скрыть собственные ошибки, неудачи и несовершенство. А искусство кинцуги несет в себе такую простую и важную

мудрость: уникальность бесценна, есть вещи, которые заменить нечем. Эта мудрость применима не только к керамическим чашам, но и к человеческой жизни.

Плоды общества потребления, мы легко покупаем новое взамен испорченного. Парадокс такого отношения заключается в том, что у нас становится все меньше действительно ценных вещей, которые имеют свою историю, свои воспоминания, свою философию.

Кинцуги – это не просто починка посуды. Это способ научиться переживать повседневные неприятности. Изъян чашки или изъян в нас самих – научитесь принимать это несовершенство, обратить его к лучшему, но ни в коем случае не прятать его, не пытаться замаскировать.

Эта философия сформировалась в Японии в XV веке, в период правления сегуна Асикага Ёсимасы.

Его правление ознаменовалось ростом эстетики ваби-саби – изящество в простоте, скромная простота. Сегун Асикага Ёсимаса популяризировал среди японцев чайную церемонию, искусство аранжировки цветов икебана, тушевую живопись суми-э и драматургию – все, с чем мы сегодня ассоциируем японскую культуру, верно? Он собрал при своем дворе целый штат художников, поэтов и ремесленников.

Итак, кинцуги. Другое название – кинцукурой. Разбитую посуду склеивают, но трещины не маскируют, а наоборот, каждую из них подчеркивают.

Рассказывают, что однажды Асикага Ёсимаса разбил свою любимую чайную чашу. Он приказал отреставрировать ее, и чашу отправили в Китай. Чашу восстановили и вернули сегуну, но вид ее был испорчен – осколки соединили ужасными скрепками. Асикага Ёсимаса был недоволен выполненной работой и приказал японским мастерам найти более эстетичный способ вернуть чаше прежний вид. Мастера соединили осколки, превратив обычную посуду в предмет искусства с помощью техники кинцуги.

Так родилось новое искусство и новая философия.

«Каждая неудача – шаг к удаче», – уйгурская пословица.

О значении неудач и провалов мы говорим часто. Но при этом, даже если очередной провал мы смогли превратить в успех, все равно стараемся скорее забыть об этих досадных эпизодах. Ментальность такая.

Лишь немногие успешные люди признают, что они гордятся

своими провалами, потому что во многом благодаря им смогли добиться успеха.

«Неудача – это приправа, которая придает успеху его аромат», – Трумен Капоте, американский писатель.

«Сила основана на неудачах, а не на успехе. Я стала сильной, когда плыла против течения», – Коко Шанель, французский модельер.

С чего начать менять жизнь?

– Присмотреться к себе!

– Найти ресурс и преимущества в том, что сломалось!

– Найти и подчеркнуть красоту и уникальность!

Не всем дано перешагнуть через страх и стереотипы. А те, кто могут – наслаждаются новым жизненным этапом и тем, что создают своими руками.

Об авторах, художниках и редакторах

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой Ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, пьесы. Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» (2021), пьеса «Неброское наследство». Автор романа «Апостолы державы дураков» (Израиль, 2023). Ведет свой канал:

https://www.youtube.com/@Eytan_Adam .

Анатолий Анимица. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен.

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992-го года в Израиле: пианисткой, педагогом, организатором и дирижером оркестра, руководителем детской театральной студии. Стихосложением занимается всю жизнь. Печаталась и выступала в России, Украине, Германии, Чехии, Израиле.

Елена Бережковская. Родилась в 1948 году в Москве, где и прожила всю жизнь. В марте 2022 года репатрировалась в Израиль, в г. Петах-Тикву. Окончила факультет психологии МГУ (1971), работала научным сотрудником, изучала биотоки мозга и то, как они реагируют на умственную деятельность. Автор и соавтор инновационных программ развития и обучения для дошкольников, школьников, студентов и педагогов-практиков. Ведущая и соведущая многих психологических школ, конференций и семинаров. Автор пары учебников и полутора сотен научных работ. Стихи пишет с юности, но редко. Каждый стих кажется последним, потому что в нем уже все сказано. Живописью занималась всерьез лет пятнадцать, и на всю жизнь приобрела взгляд рисующего. Выставлялась. Стихов практически не публиковала. Проза – рассказы о детстве – опубликована в одном из учебников по психологии развития как материал для разбора.

Алла Герценштейн. Родилась в Ленинграде в семье директора театра и студентки Театрального института. Пережила блокаду и гибель матери, была в детском доме вплоть до снятия блокады в 1944 году. Закончила Ленинградский университет (французское отделение, специальность – романская филология). Будучи студенткой, опубликовала перевод «Сказки о Розе» Пьера Гамарра. Всю жизнь преподавала французский. До эмиграции в Канаду находилась десять лет в «отказе». Живет в Канаде.

Борис Годин. Родился в Харькове в 1950 году. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 года доброволец в Яд ва-Шем.

Елена Горовая. Писатель, лектор, книжный коуч. Владивосток – Санкт-Петербург – Афины – Хайфа. Была преподавателем и завкафедрой педагогики и психологии, гидом в Санкт-Петербурге и Европе.

Член Международного союза писателей «Новый современник» и Ассоциации журналистов Израиля. Лектор в «1001 и одна лекция от Елены». Преподаватель истории, культуры и традиций Израиля. Автор проекта и редактор международного сборника психологов, коучей, помогающих практиков «Знакомьтесь, это вы!» Ведущая Telegram-канал «Интересная Библия», «Раз-

минка для писателя», спикер крупных международных проектов.

[Ллия Ковалева]. Родилась в Одессе в 1921 году. Училась в Одесском университете на филологическом факультете, во время войны была эвакуирована в Ташкент, а после войны закончила филологический факультет Ленинградского университета. Преподавала в школе русский язык и литературу. Писала статьи для журнала «Юность», участвовала в передачах Ленинградского телевидения. Пьеса из школьной жизни под названием «Три дня на размышление» была

поставлена в ТЮЗе и в других театрах России. Выпустила несколько книг – сборники рассказов и стихов. В 1996 году переехала с семьей в Иерусалим. Умерла в Иерусалиме 1 октября 2014 года. На похоронах были семья и бывшие ученики.

P.S. 25.04.2021 года многие бывшие ученики, живущие сейчас в разных странах, отметили ее столетие, встретившись в ЗУМе. Память об Учителе вновь объединила их.

Эдвард Ковалерчук. Родился 3 июня 1941 года в Ленинграде. Окончил Военную Академию Связи в Ленинграде в 1968 году.

Занимался сначала практической эксплуатацией техники связи, затем системами отображения информации, далее – радионавигационным обеспечением полетов дальней авиации, а также определением мест посадки космических объектов для поисково-спасательных служб.

После окончания военной службы работал главным механиком предприятия в строительной индустрии. Был избран депутатом районного совета, а затем работал заместителем главы администрации Выборгского района Санкт-Петербурга.

С 1998 года живет в Вюрцбурге. С 2004 по 2019 год – ученый секретарь Философского семинара. Редактор веб-сайта «Круг интересов».

С 2018 года член правления Еврейской общины города Вюрцбурга и Нижней Франконии.

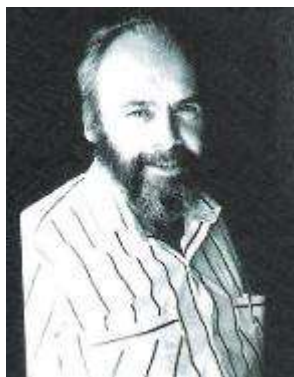
Алекс Манфиш. Живет в Хайфе, приехал в Израиль из Ленинграда. По специальности – детский психолог, работает в городском отделе образования. Пишет стихи, прозу, эссе на культурологические и философские темы, исторические исследования. Переводит стихи с иврита и немножко с английского. Издал три книги стихов и поэм, роман-дилогию и две книжки для детей. Публикуется на портале «Заметки по еврейской истории» – в одноименном издании, а также в журналах «Семь искусств» и «Мастерская».

[Жан-Клод Паскаль] (наст. фамилия **Вильмино**, 1927–1992). Французский актер театра и кино, певец и писатель. Один из самых популярных киноактеров в 1950–60 годах. Он снялся в более чем 50 фильмах во Франции, Италии и Испании. В 1970-х годах активно снимался в телесериалах в Швейцарии: «Время жить, время любить», «Хирург из Сен-Шада», «Как не выйти замуж за миллионера».

Начиная с 1955 года стал исполнять песни своих друзей Жильбера Беко и Жака Бреля, а также Сержа Гинзбурга. Он издал 53 альбома пластинок и до 1983 года был «посланником» французской песни за рубежом.

В 1986 году Ж. К. Паскаль опубликовал автобиографическую книгу «Красивая маска», ряд других книг, а затем два исторических исследования «Проклятая королева» в 1988 году (о Марии Стюарт) и «Любовник короля» в 1991 году (о Людовике XIII).

Александр Радовский. Родился в 1936 году в Ленинграде. Окончил Политехнический институт, инженер-электрик, работал на «Электросиле». В Израиле с 1973 года, до выхода на пенсию работал в Технионе.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Поэт, прозаик, редактор, руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»). Автор книги стихов «Некоторый возраст». Ведет YOUTUBE-канал Студии

«АНАХНУ» и Дома ученых Хайфы:

<https://www.youtube.com/@marinasimkin3157>

Галерея (((СОНАР))

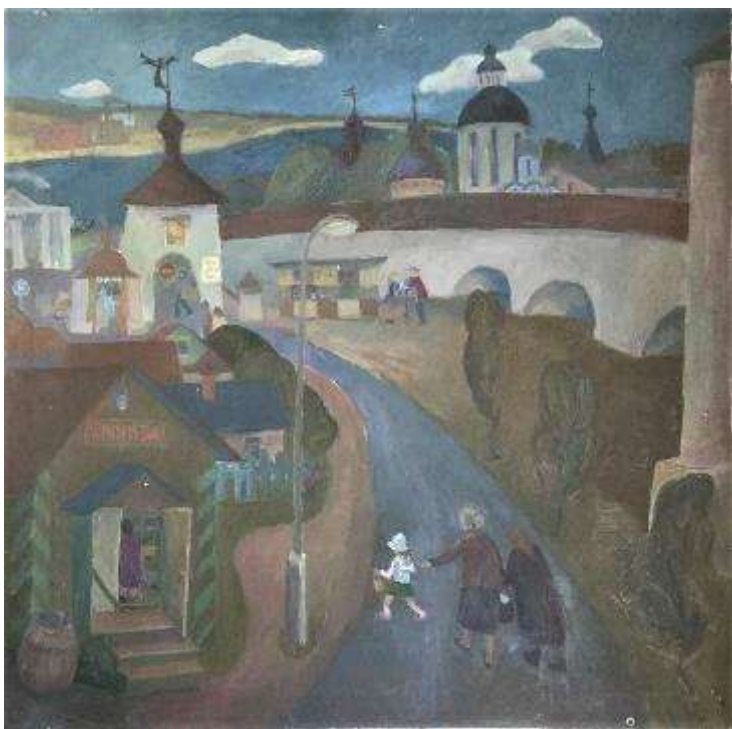
Елена Бережковская

Большой Головин переулочек. Картон, масло. 37x50.

Апрель в Салтыковке. Картон, масло. 50x37.

В баню (город Кириллов). Холст, масло. 94x94.

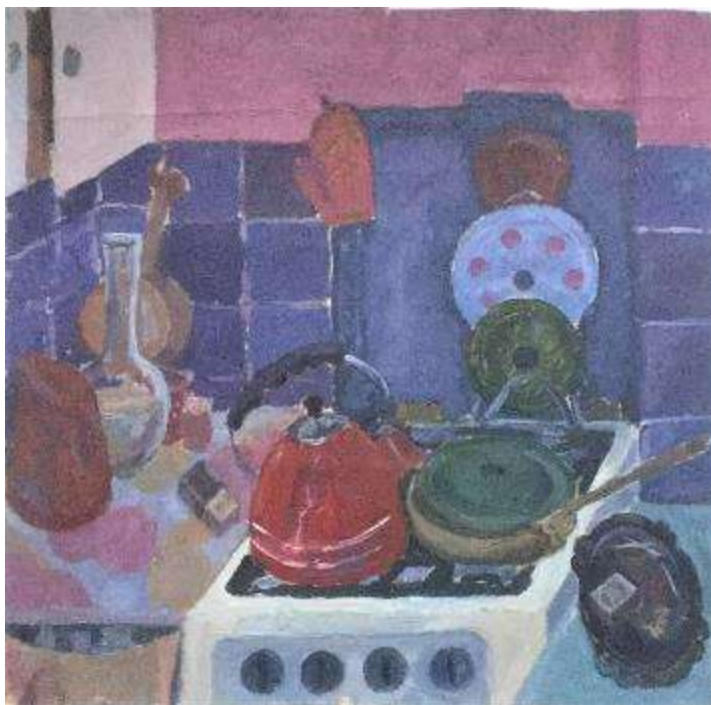
Весеннее небо. Картон, масло. 37х50.

Весна. Картон, масло. 37x50.

Иосиф Соломоныч. Картон, масло. 70x55.

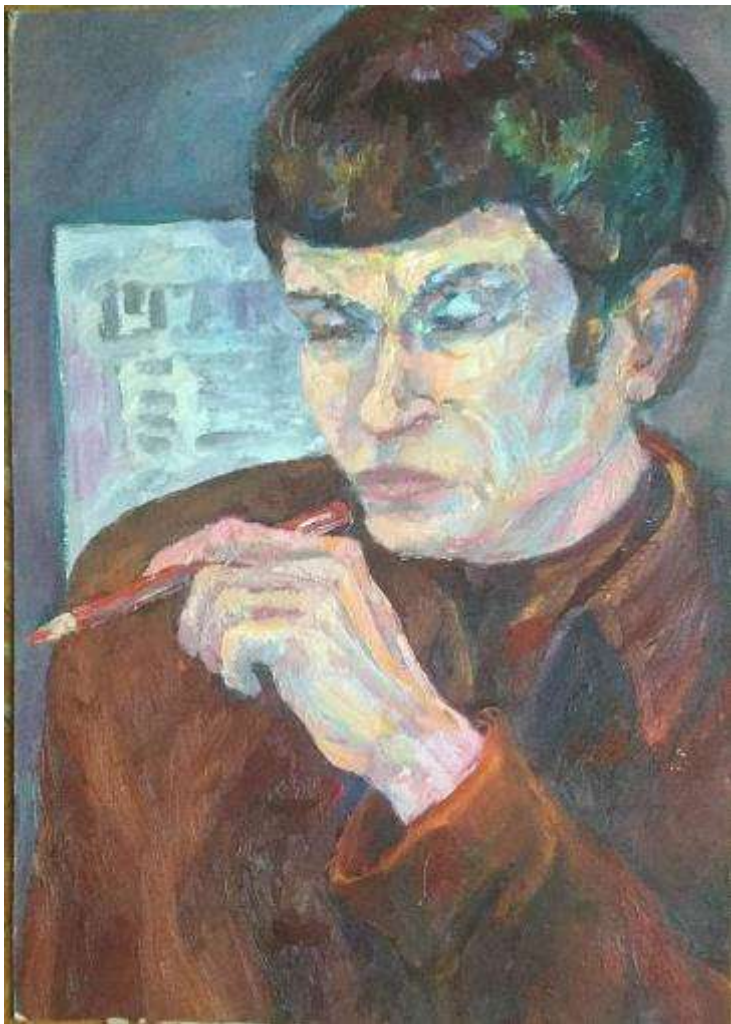
На плите. Бумага, масло. 45x45.

Нарциссы. Бумага, акварель. 42x84.

Песня. Бумага, масло. 59x84.

Портрет математика. Картон, масло. 45x70.

Портрет Надежды. Картон, масло. 50x37.

Розовый портрет. Картон, темпера. 50x37.

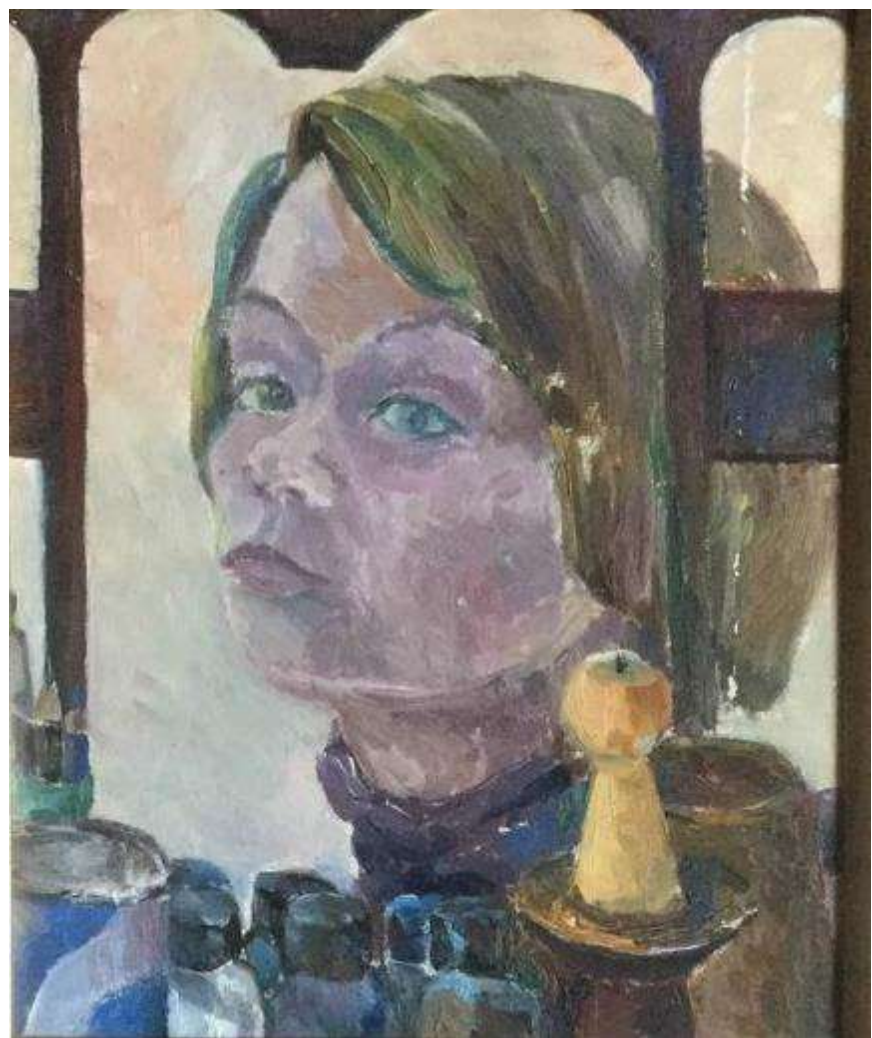
Улица Обручева. Картон, масло. 37х50.

Сева и Надя. Бумага, масло. 48x50.

Через Язу. Картон, масло. 28x15.

Литературно-публицистический журнал

(((СОНАР))) № 8, 2023 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль